

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 23 ИЮНЬ 1973

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

© «ОГОНЕК», 1973

№ 23 (2396)

2 ИЮНЯ 1973

Лучшая доярка колхоза «Советский пограничник» депутат Верховного Совета Молдавской ССР М. А. Андони.

ДЕПУТАТЫ ЗЕ

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Шла очередная сессия сельсовета. Вначале обсудили работу Дома культуры, утвердили кандидатов в колхозные стипендиаты, заслушали отчет комиссии по благоустройству... А потом вдруг поднялся депутат Дмитрий Григорьевич Чобану и сказал:

— Предлагаю перенять опыт колхозников Донецкой области!

— Какой опыт? У нас же разные земли! А виноград они выращивают? — посыпались вопросы.

Дмитрий Григорьевич откашлялся и начал издали:

— Все вы, конечно, знаете, что в нашем колхозе «Советский пограничник» без малого четыре тысячи гектаров посевных земель. Семьсот тридцать пять гектаров занимают виноградники, остальное — пшеница, кукуруза, горох и табак. Как вы считаете: много это или мало?..

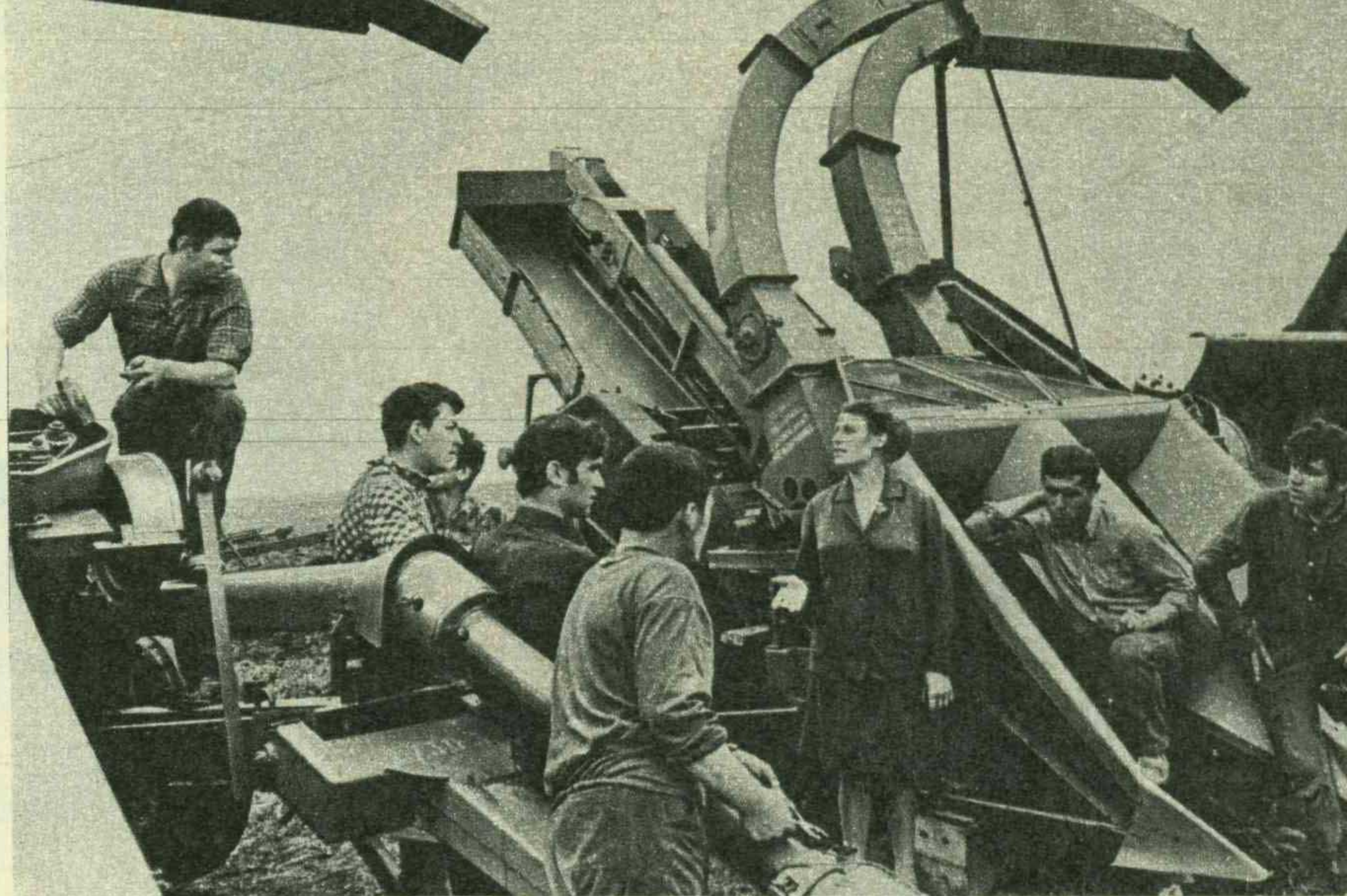
— Много ли, мало ли, а все наше, — вмешался председатель колхоза Г. Картофяну. — Больше земли все равно не станет, если, конечно, не укрупнят колхоз. Урожайность надо поднимать, товарищ бригадир, вот в чем главная задача!

— Не спорю, — ответил Дмитрий Григорьевич. — Хотя сорок семь центнеров озимой пшеницы с поливного гектара не так уж и мало. Но я предлагаю включить в колхозное землепользование еще сорок гектаров земли!.. Не шумите, сейчас объясню. Я облазил все наши окрестности и нашел много заброшенных дорог, оврагов и просто заросших сорняками участков около ферм. А что, если эти земли распахать и для начала засеять многолетними травами? На склонах оврагов посадить акацию и тутовые деревья. Это предотвратит от дальнейшего размывания склонов и даст пищу тутовому шелкопряду, который мы, как вы знаете, разводим. Я по поручению сельсовета составил карту этих земель. Вот смотрите... — И Дмитрий Григорьевич передал в президиум большой лист ватмана.

А через полчаса специальная комиссия, составленная из депутатов сельсовета и членов правления колхоза, отправилась осматривать пустоши и овраги.

...Это было год назад. Но Дмитрий Григорьевич не успокоился: теперь он предлагает осушить плавни по берегам Прута, что даст не менее тридцати гектаров плодородной земли.

— К этому вопросу мы еще вернемся, — рассказывает председатель исполкома Колибашского сельсовета А. И. Лупан. — На последнем заседании исполкома мы утвердили проект строительства парка, пляжа, спортивного комплекса. Для этого надо воздвигать дамбы, чтобы сдерживать вешние воды Прута. Хотя село наше расположено на самом берегу, но река пограничная, и купаться в ней, сами понимаете, нельзя. А когда сделаем дамбы, то заодно осушим довольно много плавней. Так что предложение Дмитрия Григорьевича будет реализовано. Правда, это дело придется отложить до будущего года: все наши средства сейчас мы бросили на строительство еще одной школы. Село-то наше вон как разрослось — пять с половиной километров в длину! А школа расположена в северной части Колибаша. Сами знаете, сколько топтать ребятишкам, да еще по осенней грязи! Нет-нет, вторую школу на-

Главная забота депутата Верховного Совета Молдавской ССР и члена исполкома Джурджулештского сельсовета М. И. Фриджий — работа с молодежью.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

до обязательно сдать к первому сентября! За это мы, сельсовет, в ответе, — убежденно закончил он.

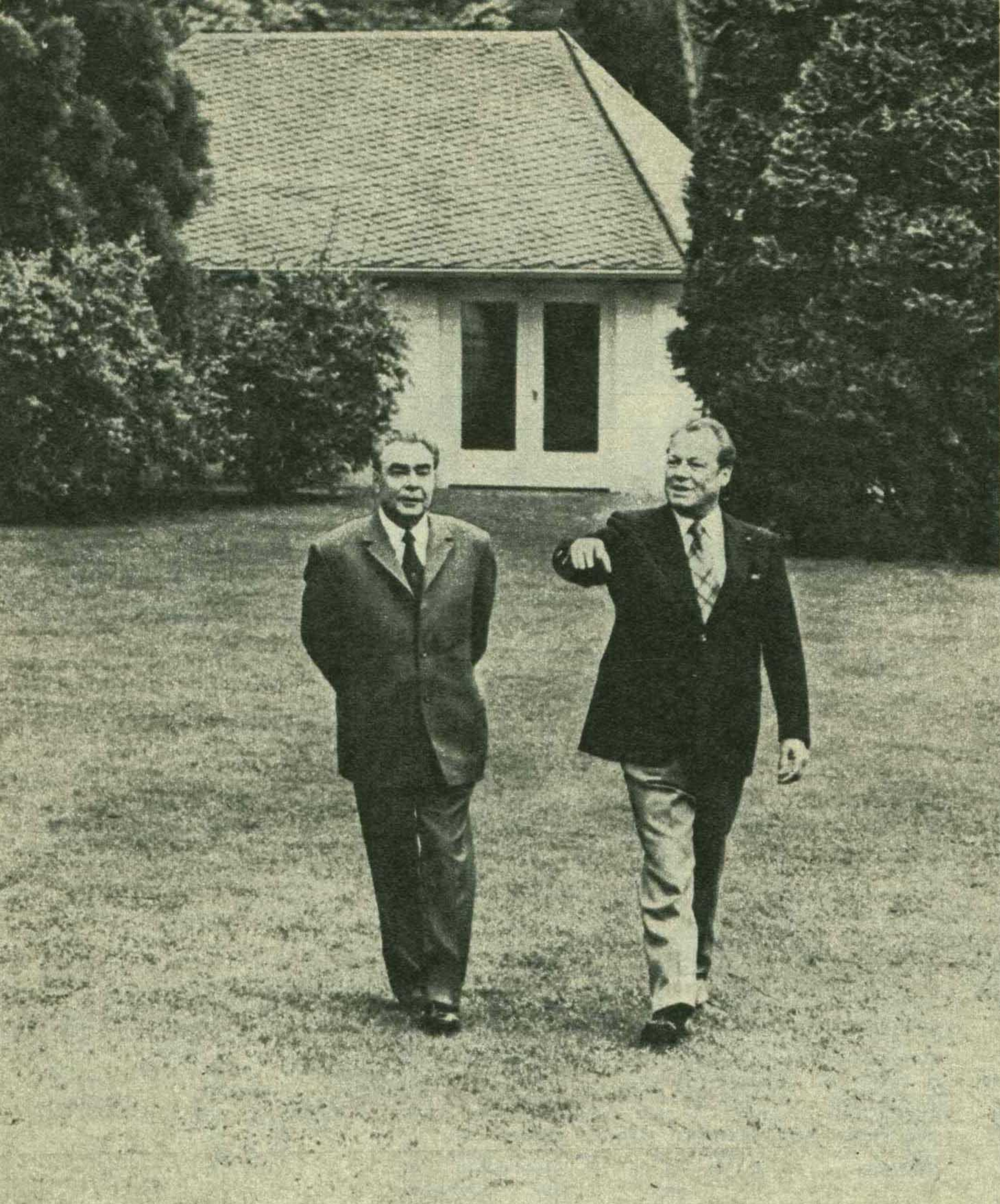
...Близился вечер. Мы уже побывали в Доме культуры, универмаге, осмотрели больницу, детский сад, дом для молодых специалистов, съездили на виноградники, побродили по тутовой роще. Солнце задержалось в плавнях, скользнуло по лодке одинокого рыбака, зацепилось за верхушку пограничной вышки, поблуждало среди кранов румынского порта Галац и нырнуло в расщелину гор. На село опустились голубоватые, чуть сдобренные туманом сумерки. И вдруг на главной улице я увидел большой гранитный обелиск. Наполовину скрытый буйно цветущей сиренью, он был похож на пик высокой горы, пробившийся сквозь облака. Мы пошли ближе. «Памятник односельчанам, погибшим во время Великой Отечественной войны», — прочитал я. Склонив головы, у обелиска стояли двое пожилых мужчин.

— Я не знаю, где погиб мой брат, — сказал В. Ф. Унгуряну, когда мы познакомились, — но считаю, что его могила здесь. Восемьдесят четыре имени выбито на плите — тут наши отцы, деды, братья. Посмотрите, как много однофамильцев. Я этих людей помню. Это ведь не просто однофамильцы. Отец с сыном либо братья... И стар и млад считали своим долгом хотя бы день отработать на строительстве памятника. Теперь это — самое почитаемое место на селе.

В СЕЛЕ ПРИДУНАЙСКОМ

Там, где глинистый Прут впадает в голубой Дунай, раскинулось старинное молдавское село Джурджулешты. Казалось бы, чего-чего, а воды здесь вдоволь, но, увы, это самый засушливый район в республике. В прошлом году, например, в Молдавии выпало 760 миллиметров осадков, а на поля колхоза «Советский Дунай» — в три раза меньше.

— Как видите, на милости природы рассчитывать не приходится, — говорит председатель колхоза В. В. Дьякон. — Поэтому мы взяли курс на орошаемое земледелие. Построили целую систему насосных станций и качаем воду из Прута. Тысячу сто шесть гектаров уже орошаем. В этом году проложим трубы еще на шестистах гектарах... А теперь представьте такую картину: работают насосные станции, по трубам бежит целая река, иссохшаяся земля может наконец напиться, а драгоценная вода размыла заградительный вал и... хлынула в овраг. И все потому, что загулял тракторист! К сожалению, бывало у нас и такое.

Бонн. В резиденции канцлера В. Брандта.

ЧЕТЫРЕ МАЙСКИХ ДНЯ, РАВН

В большом зале Дома печати в Бонне ежедневно проходили пресс-конференции для журналистов.

Встреча на земле Северный Рейн-Вестфалия.

ЫЕ ГОДАМ

Фото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева

Николай ПОЛЯНОВ

Вот уж минует вторая неделя с того памятного дня, когда Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев и федеральный канцлер Вилли Брандт подошли по красной ковровой дорожке к трапу самолета и обменялись прощальными рукопожатиями. Солнце играло в медных трубах оркестра. С бетонных ярусов аэропорта Кёльн-Бонн, усеянных тысячами людей, неслись аплодисменты. Под порывами майского ветра сгибались высокие флагштоки с красными и трехцветными — черно-красно-золотыми флагами. И вот уж поднялся в воздух могучий лайнер, летит, превращается в точку. Его долго провожают пристальным своим оком телекамеры, и вместе с ним мчатся в Москву добрые напутствия миллионов европейцев, для которых этот визит стал новой страницей истории.

Отель «Петерсберг», расположенный почти у вершины одного из холмов Семигорья, оказался в эти майские дни в фокусе не только европейской, а и мировой политики. Здесь вели беседы высокий советский гость и глава федерального правительства. Здесь они поставили свои подписи под Совместным заявлением, которое подвело итог боннской встрече. И здесь был возведен еще один этаж того здания советско-западногерманского сотрудничества, которое оба государства начали строить еще в августе 1970 года, когда они заключили Московский договор, а затем продолжили его сооружение немногим более года спустя в Ореанде, в дни визита федерального канцлера в Крым.

Семигорье воспето поэтами и туристскими путеводителями. Оно лежит в долине Среднего Рейна, именуемого романтическим. Развалины рыцарских замков на вершинах холмов, гранитный «Зуб дракона» с его почтенными руинами возвращают нас в глубины средневековья. Чуть выше по течению — знаменитая скала Лорелеи: усада для любителей музыки и устрашение для простодушных рыбаков. Первых сирена Лорелеи поражала своим прекрасным пением, вторых, если верить легенде, коварно влекла к острым камням на погибель. Как непохож этот сказочный Рейн на Рейн всамделишный, катящий свои воды по долинам Западной Европы! С высоты Петерсберга видно далеко. В сиреневой дымке проступают ажурные шпили Кёльнского собора. Фабричные трубы близлежащих городов, как персты, вонзаются в небо. А если попристальнее всмотреться, то за горизонтом угадывается и дымная кузница Рура, которая день и ночь дышит огнем и пеплом.

С вершины Петерсберга видно далеко. Но разве можно сопоставить географические дали с даями политическими? Когда высокий советский гость и федеральный канцлер подписали Соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, они смотрели на десять лет вперед. Именно на этот срок заключено Соглашение. А когда Леонид Ильич встретался с капитанами западногерманской индустрии, он поразили их перспективами двадцати, тридцати и полувековой дальности. Автор этих строк говорил с некоторыми из участников встречи. В том числе с известным кельнским магнатом О. Вольфом фон Америкенгоном, председателем федеральной торгово-промышленной палаты и к тому же известным экспертом в области «восточной торговли».

Беседовать было не просто: в зале отеля «Петерсберг» собралось много гостей, приглашенных на прием. Но когда я спросил, дово-

лен ли мой собеседник итогами визита, он тут же поднял большой палец вверх в знак того, что он, О. Вольф фон Америкенген, считает советско-западногерманский диалог весьма удавшимся. В интервью с гамбургским журналом «Шпигель», которое он дал за несколько дней до нашей беседы, когда еще только вырисовывались итоги визита советского гостя в Бонн, кельнский магнат заявил: «Перспективы будущего прекрасны».

Политики и журналисты еще долго будут изучать и результаты диалога на Рейне и ту новую атмосферу во взаимоотношениях двух стран, которая появилась после заключения Московского договора, после Ореанды и Петерсберга. Дух реализма и сотрудничества взял верх над духом «холодной войны», которая еще несколько лет назад омрачала не только политический климат между Советским Союзом и Федеративной республикой, но и климат общеевропейский. Недаром западногерманские публицисты рисуют теперь на страницах прессы картины, считавшиеся еще недавно утопичными: сегодня они, эти картины, воспринимаются как естественное отображение реальности нашего времени.

Тот же «Шпигель» воспроизводит в одном из последних номеров широкую панораму того, что возможно и осуществимо в экономических взаимоотношениях двух стран. И, заглядывая вместе с журналом вперед, мы видим исполинские мачты электропередач, шагающие из Советского Союза в Западную Европу и несущие на своих плечах ток советских ядерных электростанций для Рура. Видим аэропорты Гамбурга, Дюссельдорфа, Франкфурта-на-Майне, где, как предсказывает «Шпигель», чуть ли не каждый час будут подниматься самолеты, летящие в направлении Советского Союза: «Реактивные лайнеры, принадлежащие Люфтвагену и Аэрофлоту, доставят западногерманских деловых людей к советским объектам сотрудничества, а западногерманских туристов — к центрам отдыха на берегах Байкала и на Кавказ».

Фантазмагория? Нет, реализм наших дней, ставших преддверием будущего. Уже сейчас, напоминает журнал, Советский Союз поставляет в Западную Германию самолеты, станки для инструментальных цехов и лицензии для целых технологических процессов. Тенденция указывает в сторону дальнейшего роста, стрелка экономического барометра уверенно остановилась на «ясно». Только в минувшем году, продолжает журнал, обмен товарами между двумя странами достиг 3,7 миллиарда марок.

Много это или мало? И много и мало. Много потому, что практика минувшего года убедила и кое-кого из скептиков в Западной Германии, сколь быстро может развиваться экономическое и научно-техническое сотрудничество между Советским Союзом и Федеративной республикой, сколь широки здесь горизонты, сколь велики неиспользованные возможности. Мало потому, что советско-западногерманская торговля занимает в торговом обороте Федеративной республики пока лишь небольшое место, а могла бы, по мысли экспертов, уже в самое ближайшее время возрасти в два-три раза.

И все же доброе начало положено, дело налаживается. Как напоминает в аншлаге во всю ширь газетной страницы «Зюддойче цайтунг», «Леонид Брежнев советует — будем оптимистичными!». Тем временем в размышления экспертов все более властно вторгается научно-техническая революция. Применительно к торговле с таким высокоразвитым индустриальным государством, как Советский Союз, это

означает: западногерманский потребитель интересуется все большим количеством готовых советских изделий и лицензий технологического свойства. И вот мы узнаем: стальной концерн «Гутехофнунгс-хютте» в рурском городе Оберхаузене купил целую пачку лицензий на использование новейших и самых совершенных в мире методов сварки, разработанных институтом имени академика Е. Патона в Киеве. На рурских инженеров произвело особое впечатление то обстоятельство, что методы эти были проверены не только на земле, но и в космосе.

Славятся в Западной Германии и советские искусственные алмазы, и сверхпрочные сплавы, и наши изотопы. Последние вступили сожнутыми шеренгами в лаборатории электротехнического треста «Сименс» и химических гигантов «Байер-Лeverкузен» и «Хёхст». А вот еще один пример: западногерманские хирурги высоко оценили советский прибор для сшивания тканей во время операций — его называют «медицинский спутник», а западногерманские урологи все чаще пользуются советским прибором «Урат», с помощью которого лечат столь неприятную болезнь, как камни в почках. Фирма «Фридрих Крупп» давно уже покупает советские токарные, фрезерные и сверлильные станки. Фирмы «Маннессман» и «Деаг» все чаще следуют этому примеру. Колонна станков со знаменитыми марками советских заводов, двинувшаяся в прошлом году в Федеративную республику, достигла числом тысячу, но и это не предел: «Маннессман» только недавно купил в Советском Союзе пятый прокатный стан для изготовления тонкостенных труб высокой точности.

Когда недавно сеть универмагов «Квелле», расположенных во многих западногерманских городах, начала предлагать советские фотоаппараты «Зенит», то шеф концерна пробудил интерес покупателей к советской продукции таким доводом: «Успехи Советского Союза в космосе подтверждают высокий уровень его техники». Аргумент оказался неотразимым: почти три четверти фотокамер-зеркалок, которые «Квелле» продает теперь на западногерманском рынке, к полному удовольствию потребителей, помечены торговой маркой «Сделано в СССР». Таковы поучительные факты, которые в эти дни можно найти на страницах западногерманской печати.

...Высокий гость уже много дней назад вернулся на Родину, а западногерманские газеты, радио, телевидение все еще полны подробностями и комментариями, посвященными минувшему визиту. Не будет преувеличением сказать, что Бонн никогда еще не становился свидетелем события, которое оказало бы столь глубокое воздействие на политическую атмосферу всей Европы. То были четыре поистине незабываемых дня.

Леонид Ильич Брежнев сразу оказался в центре всеобщего внимания. Его слова, адресованные по телевидению народу, вызвали самый добрый отклик в сердцах миллионов людей, понявших, что Советский Союз искренне хочет навсегда поставить крест на «холодной войне», на взаимной вражде, на всех тех наслонениях прошлого, которые столь долго отравляли политическую жизнь на континенте. Популярность высокого советского гостя выросла мгновенно, едва он ступил на боннскую землю. Портрет улыбающегося Леонида Ильича появился на плакатах, которые сторонники взаимопонимания и дружбы мира расклеивали на улицах рейнской столицы и других городов.

Митинг солидарности с Советским Союзом в парке, перед старинными стенами университета, стал для Бонна единственным в своем роде примером волеизъявления людей труда. На этот митинг съехались в автобусах, поездах, автомобилях, мотоциклах и даже на велосипедах тысячи и тысячи людей — мужчин, женщин, юношей и девушек. Они приехали из Гамбурга, Мюнхена, Франкфурта-на-Майне, Рура и Саара, Штутгарта и Ганновера. Представьте себе эту красочную картину: на зеленом огромном поле, окруженном столетними платанами, густо стоят люди с красными знаменами, с лозунгами, провозглашающими дружбу с Советским Союзом. А новые колонны все прибывают. Многие поют, звучит «Широка страна моя родная» на русском и немецком языках. Во всем здесь чувствуется ог-

ромный подъем настроения, несокрушимый оптимизм, непреклонная уверенность, что Леонид Ильич, советские друзья сделают все, чтобы в Европе всегда был мир.

Быть может, именно поэтому незадолго до выступления председателя Германской коммунистической партии Курта Бахмана молодые участники митинга затягивают песню «Пусть всегда будет солнце!». Ее подхватывают, и вот уж песня летит над близлежащей старинной площадью Мюнстерплац, где на гранитном постаменте стоит задумчивый Бетховен, над средневековым собором, чьи замшелые стены стоят здесь добрых семь столетий. Летят знакомые русские слова, спетые хотя и с немецким акцентом, но с невероятным воодушевлением, с чистой пылкостью юности. Молодые певцы стоят в кругу, плотно и прочно взявшись за плечи. И когда кончают петь, то тут же начинают скандировать: «Леонид Брежнев, добро пожаловать!».

Четыре дня визита, четыре дня диалога, равного по воздействию на ход мировых событий многим месяцам и даже годам дипломатической работы. Обо всем этом размышляли журналисты, и обо всем этом им предстоит еще много поразмыслить.

А журналистов приехало в Бонн на время пребывания здесь советского гостя около тысячи. Они прибыли из крупных западногерманских городов, из всех столиц Европы и Северной Америки, из Азии, Африки, из латиноамериканских стран. Уже это подтвердило: интерес к визиту не только европейский, а и общемировой. Своего рода посланниками этого интереса стали корреспонденты. В их распоряжении новый пресс-центр, расположенный в центре Бонна, на Тюльпановом поле. Большой зал для пресс-конференций, залы и комнаты для встреч и работы, телетайпы, телексы, пишущие машинки, телефоны, копировальные аппараты — кажется, ничто здесь не забыто, чтобы дать возможность журналисту с предельной быстротой послать в далекий мир весть о событиях, связанных с визитом. Чуть ли не круглосуточно поджидает его горячий кофе, чтобы прогнать сонливость. Ротаторы снабжают его копиями речей, документов, разнообразными справками, информацией. Довольно вместительная гостиница, расположенная здесь же, на Тюльпановом поле, дает журналисту отдых. Не выходя никуда за пределы «пресс-квартала», он способен все узнать и даже все увидеть: телевидение «удлиняет» и «расширяет» его взор ровно настолько, чтобы ничто не ускользнуло от внимания. Вот почему некоторые журналисты, чтобы сэкономить время, предпочитают сесть с блокнотом у телевизора и проследить за цепочкой событий: на каждое из них все равно не поспеешь, а увидеть хочется все.

В зале пресс-центра корреспонденты узнавали новости от руководителей советской и западногерманской пресс-служб. В обстановке оживленного, порой острого диалога здесь проходили брифинги (информационные беседы для корреспондентов). Надо помнить: среди журналистов были ведь и такие, которые до сих пор влачат на себе бремя «холодной войны», никак не хотят сбросить эту тяжкую ношу, сковывающую и мысль и движение. Нет-нет да проснется в таком корреспонденте демон вражды. Тогда, можно быть уверенным, посыплются вопросы и раздадутся речи образца первой половины шестидесятых, а то и пятидесятых годов.

И все же не скептики, не маловеры задавали тон. Среди цветочных клумб Тюльпанового поля, в бесчисленных журналистских кабинетах, в офисах боннских газет и журналов, размещенных тут же, в пресс-центре, во всем этом корреспондентском мире уверенно взял верх дух здравого смысла и доброжелательства по отношению к Советскому Союзу, к исторической миссии Леонида Ильича Брежнева на рейнские берега.

Когда пишутся эти строки, журналистский Бонн вернулся в свои будничные рамки. Обычно в рейнской столице представлено от двухсот до трехсот иностранных корреспондентов. Что ж, им теперь прибавилось работы. Ведь Федеративная республика, да и вся Европа, весь мир по-прежнему живут впечатлениями о четырех майских днях, составивших целую главу современной истории.

Бонн — Москва.

Широкие круги советской и мировой общественности, печать, радио, телевидение продолжают комментировать итоги исторического визита Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии. Лейтмотивом всех комментариев проходит мысль: визит — это огромный исторический вклад в дело дальнейшей нормализации политической обстановки не только в Европе, но и во всем мире, визит — это торжество ленинских принципов мирного сосуществования государств разных социальных систем. Комментаторы и представители советской и зарубежной общественности отмечают также большой личный вклад в дело разрядки международной напряженности Леонида Ильича Брежнева, удостоенного высокого звания лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Ниже мы публикуем высказывания, подготовленные для «Огонька» АПН, а также корреспондентами нашего журнала.

Ю. ВРУБЛЕВСКИЙ,
Герой Социалистического Труда,
мастер цеха крупных машин
ленинградского завода
«Электросила»
имени С. М. Кирова

О чем бы мы ни говорили в эти дни в цехе, обязательно вновь и вновь возвращаемся к итогам успешного визита Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в ФРГ. Ленинградцы единодушно присоединяются к высокой оценке политических результатов этого визита, которую дали Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР.

Визит товарища Л. И. Брежнева в ФРГ является убедительным свидетельством целеустремленного осуществления внешнеполитического курса, намеченного XXIV съездом КПСС. Соглашения, заключенные с ФРГ, взаимно выгодны обеим странам. В этом можно убедиться хотя бы на примере нашего завода. Его внешнеэкономические связи растут с каждым годом. Мы сейчас на взаимовыгодной основе поставляем свои изделия в шестьдесят семь стран.

Каждый из нас видит, как много делает наша партия для того, чтобы упрочить мир на земле. И на эту заботу о мирной жизни советских людей мы ответим досрочным выполнением заданий третьего, решающего года пятилетки.

Ф. САМУСЕВ,
Герой Социалистического Труда,
кузнец-штамповщик Минского
дважды орденоносного
тракторного завода

Каждому из нас ясно: мир во всем мире во многом зависит от того, какова будет обстановка в Европе. Известно, что именно здесь вспыхивали очаги двух мировых войн. И становится спокойнее на душе, когда видишь, что благодаря мудрому внешнеполитическому курсу нашей партии, который последовательно прокладывает Политбюро ЦК КПСС во главе с Леонидом Ильичом Брежневым, идеи мира и безопасности в Европе, а значит, и во всем мире торжествуют.

Е. БОГДАНОВА,
директор 222-й школы Тимирязевского района г. Москвы

Весь мир, все прогрессивное человечество убеждаются в том, что

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ ПОЛИТИКИ МИРА

В. КОРИОНОВ

у советского народа, руководимого партией коммунистов, слово не расходится с делом: наша страна практически претворяет в жизнь ленинские принципы мирного сосуществования государств. Наглядное тому свидетельство — визит Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в ФРГ.

Мы гордимся своей страной, своим народом, идущим в авангарде борьбы за мир, за оздоровление международной обстановки.

Милан ШИМАНЕК,
чехословацкий журналист

На днях по чехословацкому телевидению демонстрировался фильм о визите Л. И. Брежнева в ФРГ. Об интересе, который визит вызвал у чехословацкой общественности, говорит тот факт, что это был самый популярный фильм последнего времени. Чехословакия, которая непосредственно граничит с ФРГ, приветствует результаты бесед Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с канцлером ФРГ Вилли Брандтом.

Мы видим в этом визите самый важный результат мирной политики Советского Союза, политики, которая укрепляет все социалистическое содружество и помогает уменьшить напряженность в мире. Эти усилия Советского Союза также полностью отвечают национальным и государственным интересам нашей социалистической родины.

Гейнц КЮН, премьер-министр
земли Северный Рейн-Вестфалия.

Цель международных отношений — укреплять дело мира во всем мире, добиваться того, чтобы все мы пришли к мирному соглашению, способствовать интенсификации наших экономических, научно-технических, культурных отношений.

Граждане Федеративной Республики Германии возлагают большие надежды на результаты визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Его личные контакты с федеральным канцлером Вилли Брандтом, на мой взгляд, заложили фундамент отношений, основанных на доверии.

Франклин УОЛЛИН, профессор
истории Колгейтского университета в Гамильтоне, штат Нью-Йорк.

Встреча в Бонне — важный шаг, имеющий серьезные последствия для дела мира в Европе, а также для дальнейшего течения процесса разрядки напряженности в мире. Ведь сокращение вооружений в Европе и в мире, ограничение стратегических вооружений и многое другое предполагают стабильность положения в Европе. И я считаю, что советско-западногерманские переговоры способствовали росту этой стабильности. Они также усиливают мой оптимизм относительно результатов предстоящей советско-американской встречи в верхах.

Гилви ГИСЛАССОН, председатель
социал-демократической партии Исландии.

Советский Союз многое сделал в целях улучшения отношений

между Востоком и Западом. В связи с этим приобретает важную роль общеевропейское совещание, которое, как надо надеяться, состоится в ближайшее время. Я считаю, что визит Л. И. Брежнева в ФРГ — это крупный вклад СССР в оздоровление политического климата в мире.

Большая личная заслуга в упрочении мира и сотрудничества между странами принадлежит Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу. Присуждение ему международной Ленинской премии мира является признанием той огромной роли, которую играет Советский Союз в деле укрепления мира и сотрудничества между народами.

Иошиказу САКАМОТО, профессор
международного права Токийского университета.

Визит Л. И. Брежнева в Западную Германию, заключенные соглашения о расширении торговли, экономического сотрудничества и прочие с японской точки зрения можно только приветствовать. Успех этого визита дает нам надежду, что и Япония окончательно урегулирует свои отношения с Советским Союзом, и сотрудничество между нашими странами еще более возрастет. У японского народа сильны антивоенные чувства, и он приветствует все попытки и шаги, ведущие к прекращению гонки вооружений.

Иоганн ГАЛТУНГ, профессор
университета в Осло.

Для меня посещение ФРГ Л. И. Брежневым означает подведение окончательной черты под второй мировой войной. Происшедшие за последнее время перемены были результатом прежде всего политики Советского Союза и его восточноевропейских союзников. Что касается Норвегии, то она в выигрыше от встречи в Бонне, поскольку эта встреча расширяет горизонты общеевропейского сотрудничества и дает норвежцам возможность смотреть дальше западноевропейского сообщества, разнообразить свои экономические связи.

Вольфганг К. Л. МЮЛЛЕР, генеральный представитель западногерманской авиакомпании «Люфтваганза» в Москве.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в ФРГ является, без сомнения, событием огромного политического значения. Исходя из этого, мы ожидаем, что визит окажет положительное влияние также и на развитие всесторонних отношений между нашими странами. Так, например, в Бонне были подписаны соглашение о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества, соглашение о культурном сотрудничестве и дополнительный протокол к соглашению о воздушном сообщении между нашими странами.

Последнее имеет для представителя авиакомпании «Люфтваганза» в Москве особое значение, так как предоставляет нам возможность дальнейшего развития успешно начатого воздушного сообщения между нашими странами.

Пульс европейских и мировых политических событий в эти дни 1973 года бьется напряженно, но ритмично. И весь прогрессивный демократический мир признает: в самом центре этой кипучей битвы за спокойствие и счастье народов находится Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство.

Апрельский Пленум ЦК КПСС целиком и полностью одобрил проделанную Политбюро работу по обеспечению прочного мира во всем мире и надежной безопасности для советского народа, строящего коммунизм. Дружеские визиты Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в Польскую Народную Республику и Германскую Демократическую Республику, визит Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии, предстоящий визит Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты Америки — одно перечисление этих событий свидетельствует о той напряженной, целеустремленной международной деятельности, которую ведет партия Ленина, ее боевой штаб — Центральный Комитет КПСС.

Ленинская партия, посвятившая себя служению народу, никогда не упускала из виду тот факт, что в период эпохи империализма такие понятия, как война и мир, — краеугольная проблема политики всех стран земного шара, от решения которой зависит жизнь миллионов людей. Советские люди законно гордятся тем, что Великая Октябрьская социалистическая революция нашла ключ к решению этой проблемы и тем самым открыла новую эпоху всемирной истории.

По мере неуклонного роста экономического, политического и оборонного могущества Страны Советов все более возрастало ее влияние на ход мировых событий, направляя их в русло мирного сосуществования. И сколь бы ни злобствовали на Западе силы вчерашнего дня, сжившиеся с идеями «холодной войны», им не отменить непреложный факт истории: именно социализм в корне преобразовы-

вает систему международных отношений, добивается того, чтобы она служила жизненным интересам народов всей планеты.

Внешняя политика социализма органически сочетает в себе искреннее миролюбие и революционную решимость перестроить исторические судьбы народов на началах социализма и подлинной демократии. Неотъемлемыми чертами такой политики являются: глубокая научная обоснованность, реалистический учет расстановки классовых сил в мире, всесторонний и трезвый анализ всех аспектов выдвигаемых жизнью проблем, решительная борьба со всеми проявлениями политического авантюризма, непоколебимая идейная принципиальность, сочетаемая с большой гибкостью при решении тактических вопросов.

Концентрированным выражением такой внешней политики стала на современном этапе Программа мира, провозглашенная XXIV съездом КПСС.

Не счесть внешнеполитических программ и «доктрин», выдвигавшихся в последние десятилетия представителями капиталистического Запада. Но все они оказались несостоятельными и выброшенными за борт международных отношений XX века. На этом фоне особым контрастом выделяется советская Программа мира. Не будет преувеличением сказать, что в истории современных международных отношений не было внешнеполитической программы, которая имела бы столь конструктивный и реалистический характер, преследующий цель повернуть развитие международной обстановки от «холодной войны» и кризисов к разрядке напряженности и нормализации.

Два года, прошедшие с момента провозглашения Программы мира, со всей очевидностью показали, что реалистическая внешнеполитическая стратегия Советского Союза приносит все более плодотворные результаты в ликвидации огнеопасных очагов военных конфликтов, создаваемых силами империалистической агрессии.

КПСС и Советское государство считают своей важнейшей задачей

укрепление и развитие мирового социализма на международной арене. Эта цель успешно осуществляется. Укрепляя единство и сплоченность, страны социалистического содружества добиваются все большего упрочения своих внутренних и международных позиций. Недруги прогресса вынуждены принять мощь социализма как непреложный факт современности. Нормализация отношений между ГДР и ФРГ означает, что западные государственные границы социализма утверждены и закреплены. Своей единой, согласованной, динамичной внешней политикой, своей мощью мировой социализм оказывает все более решающее воздействие на развитие международной обстановки.

Сколько неоценимое значение для судеб народов социалистических стран имеет их дружба, наглядно свидетельствует исход войны во Вьетнаме. Победа вьетнамского народа еще раз засвидетельствовала ту непреложную истину, что пролетарский интернационализм сильнее всех поборников агрессии в капиталистическом мире.

Важные процессы, имеющие не континентальное, а мировое значение, происходят в Европе, на территории которой дважды в этом столетии вспыхивало пламя мировых войн, принесших неисчислимые страдания всему человечеству. И, конечно, символично то, что именно в Европе сейчас широко развернулось историческое движение за превращение нашего континента в зону мира и сотрудничества.

«Мы, коммунисты, — говорил Леонид Ильич Брежнев в своей речи в Берлине 13 мая, — боремся за разрядку напряженности не для того, чтобы лишь на какое-то время возникло спокойное состояние в Европе. Наш идеал в международной политике, а теперь мы можем сказать и больше, наша практическая цель — незыблемый мир, в условиях которого только и возможно подлинно равноправное сотрудничество суверенных европейских государств, независимо от их социального строя, размеров и всех прочих различий».

Утверждение прочного мира будет достойной данью подвигу тех, кто в годы второй мировой войны беззаветно сражался за свободу и счастье народов, за сокрушение фашистской тирании. Советские люди стремятся к тому, чтобы здание европейского мира стояло надежно, устойчиво, чтобы не только нынешние, но и грядущие поколения могли пользоваться благами мирной жизни. И эта задача ныне успешно решается.

С вступлением в силу договоров между СССР и ФРГ, между ПНР и ФРГ, с заключением Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ, а также четырехстороннего соглашения по Западному Берлину открылась фаза активного упорядочения международных отношений на европейском континенте. Похоронены усилия империалистических кругов сохранить политическую блокаду Германской Демократической Республики. Первое в истории миролюбивое социалистическое государство немецких рабочих и крестьян во весь рост вышло на международную арену. В обстановке

ЭКИПАЖИ СОВЕТСКИХ КОСМ ДЛЯ СОВМЕСТНОГО ПОЛЕТА «С

ПЕРВЫЙ ЭКИПАЖ

А. А. Леонов

В. Н. Кубасов

Немногим более двух лет отделяет нас от дня, когда состоится встреча на орбите советского космического корабля «Союз» и американского космического корабля «Аполлон» и начнется их совместный полет. В ходе его пройдут проверку в действии совместимые системы стыковки кораблей двух стран, будут проведены разнообразные научные и научно-технические эксперименты. Полет «Союз» — «Аполлон» станет важной вехой в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях.

В СССР и США развернулась широкая подготовка к совместному полету. Многие технические и организационные проблемы уже решены, ряд других — в стадии тщательного изучения. В этой трудоемкой работе ответственная роль отводится непосредственным участникам полета — космонавтам. Чтобы увенчалась успехом обширная программа намеченных работ в космосе, им предстоит длительные интенсивные тренировки. Как уже сообщалось, Академией наук СССР утверждены экипажи советских космонавтов на основной и резервный корабли «Союз». Сегодня мы публикуем фотографии советской космической «дружины», которая готовится к историческому полету.

ТРЕТИЙ ЭКИПАЖ

В. А. Джанибеков

Б. Д. Андреев

КАК ДЕЛА НА «СКАЙЛЭБЕ»?

Что произошло на американской станции «Скайлэб»? Через минуту после старта, видимо, под влиянием сильной вибрации частично отошли от корпуса станции панели противометеорного экрана. Отлетевшие осколки повредили механизм, обеспечивающий раскрытие панелей солнечных батарей. Но этого мало. То, что «Скайлэбу» угрожал теперь энергетический голод, было б еще полбеда. Рваны раны на теле «небесной лаборатории» открыли доступ губительным солнечным лучам. «28... 32... 40... 49 градусов жары» — поступали тревожные «сообщения» с борта. Внутренняя облицовка стен станции стала выделять ядовитые газы. Запуск космонавтов отложили. Потом опять задержка.

Под угрозой оказались не только 2,5 миллиарда долларов, вложенные в программу «Скайлэб». «Нью-Йорк Таймс» писала в те дни о том, что срыв полета, вероятно, вынудил бы конгресс ограничить дальнейшие ассигнования на космические исследования.

...Многие аварийные ситуации при подготовке полета предусмотрели и изучили. Но разве все предусмотрели? Во всяком случае, операции по установке изоляционного экрана, которые в конце концов предписано было выполнить

космонавтам, ими до этого не прорабатывались.

На транспортный корабль «Аполлон» погрузили оборудование и инструменты, необходимые для ремонта. Разместить все удалось с трудом, лишь когда экипаж занял свои места. В бачки топливных элементов корабля было добавлено 100 килограммов жидкого водорода и жидкого кислорода. Руководители программы решили, что в случае неудачи операции с панелями солнечных батарей придется дополнительно пользоваться электроэнергией, вырабатываемой топливными элементами самого корабля.

Работа предстояла не только большая, но и опасная: впервые в истории пилотируемых полетов космонавты отправились в путь без четко расписанной программы действий. Многие предстояло решить по прибытии на место происшествия.

После пяти коррекций орбиты «Аполлона», через семь с половиной часов полета, корабль приблизился к станции. Вскоре «Скайлэб» увидели и на Земле. Одна из панелей была раскрыта не полностью. В этой консоли, имеющей в развернутом состоянии длину 9 метров, застряла узкая алюминиевая полоска. На месте второй

Окончание см. на стр. 25.

И ЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ О Ю ЗА» И «АПОЛЛОНА»

ВТОРОЙ ЭКИПАЖ

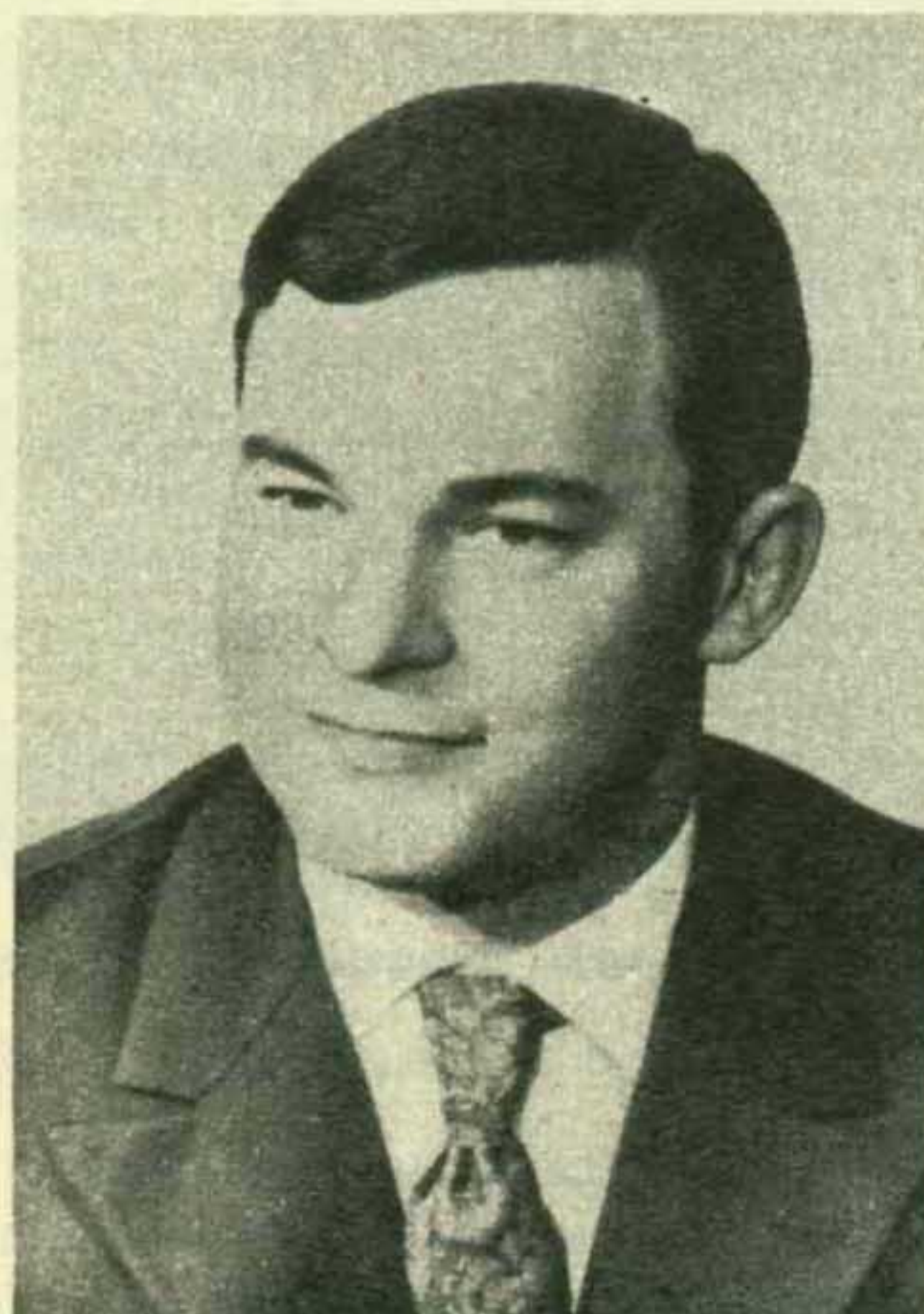

А. В. Филиппченко

Н. Н. Рукавишников

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭКИПАЖ

Ю. В. Романенко

А. С. Иванченков

панели свисал лишь обрывок кабеля. Противометеорный экран был полностью сорван.

От космонавтов потребовалось мужество и умение, чтобы состыковать корабль со станцией. Затем они принялись за ужин, а специалисты в Хьюстоне решали тем временем, стоит ли пытаться «оживлять» сохранившуюся панель солнечной батареи. Наконец пришли к выводу: стоит.

«Аполлон» отстыковался от «Скайлаба» и подошел к станции сбоку. Открыли люк, и высунувшийся из него Вейц, удерживаемый за ноги Кервином, делал неистовые попытки вырезать или выбить алюминиевый осколок. Тщетно. Нужен был другой инструмент — тот, который остался на Земле. Кто мог тогда твердо знать, что именно следовало взять с собой?

На очереди стала установка изоляционного экрана, который бы позволил на станции снизить температуру. Предстояло снова стыковаться. На сей раз стыковку удалось выполнить с еще большим трудом. Были сделаны четыре попытки, и каждый раз не срабатывали защелки в приемном нунусе стыковочного узла станции. Снова на борту и на Земле начались мучительные раздумья.

Но говорить об аварийном возвращении на Землю было все-таки рано. Один из космонавтов обнаружил короткое замыкание в электрической цепи, соединяющей защелки с бортовой вычислительной машиной. Неисправность устранили.

...Хьюстон облегченно вздохнул: теплоизоляционный экран установлен. Правда, развернуть его удалось не полностью, несильно сдвинулся так и не расправились, но температура на станции начала снижаться. Что же касается лдовитых газов, то атмосферу внутри станции сменили еще до старта «Аполлона». В общем, на следующий день Конрад, Вейц и Кервин приступили к расконсервации своего «космического дома», где им предстоит прожить почти месяц.

В первоначальную программу полета станции «Скайлаб» входило проведение около 60 интересных экспериментов. Запланированная продолжительность пребывания второго экипажа на станции вдвое больше, чем первого. Третьего — такая же, как и второго. Правда, было оговорено: при благоприятных условиях последний экипаж может остаться на станции еще на 1—3 недели.

Вадим ЛЕВСКИЙ, научный сотрудник

27 МАЯ — ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА СОВЕТСКО-ЕГИПЕТСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ

ХОРОШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Недавно в Советском Союзе гостил Абдель Салам Набих, генеральный секретарь Общества египетско-советской дружбы. В годы строительства высотной Асуанской плотины он работал заместителем начальника строительства, а в настоящее время является заместителем министра энергетики Арабской Республики Египет. Наш корреспондент И. Токарев встретился с Абдель Салам Набихом и попросил его поделиться впечатлениями о поездке в Советский Союз и о советско-египетском сотрудничестве. Вот что он рассказал:

— Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что Советский Союз посещаю восьмой раз. Восхищенный, я бродил по залам Эрмитажа, в далеком Братске видел, как преобразается советская Сибирь, как работает могучая ГЭС — русский прообраз нашего Асуана; в Алма-Ате знакомился с жизнью казахов, которая чем-то схожа с жизнью египтян. Никогда не забуду мемориальный комплекс защитникам Сталинграда.

Несомненно, нельзя перестать восхищаться Москвой, которая всегда влечет меня не только своей красотой, богатой историей, но и тем, что здесь я могу встретиться с теми, с кем много лет рука об руку трудился над созданием Асуанского гидроэнергетического комплекса.

Я считаю, что Асуан — это символ египетско-советской дружбы, образец взаимовыгодного сотрудничества. Были годы, когда на строительстве Асуанской плотины трудились тысячи советских специалистов. Но ими не ограничивается круг строителей. Среди них и рабочие ленинградского завода «Электросила», которые изготовляли турбины для Асуанской ГЭС, рабочие многих советских предприятий, советские моряки, которые за годы строительства перевезли в Египет 750 тысяч тонн машин и оборудования. В Египте бывало много иностранцев, но наш народ выделяет советских людей, которых любят за простоту, душевность, готовность помочь, передать свой опыт.

В последнее время некоторые западные газеты, пытаясь опорочить сотрудничество Египта с Советским Союзом, пишут о том, что якобы Асуанская плотина является нерентабельной для страны. Как заместитель министра энергетики АРЕ могу прямо сказать, что это голословные высказывания. Заботясь о сохранении и развитии советско-египетского сотрудничества, мы немедленно опубликовали брошюру, в которой опровергаются эти лживые утверждения. Кроме экономических выгод, Асуанская плотина дорога нам еще тем, что в результате ее строительства египтяне приобретают опыт организации и руководства большими промышленными объектами.

То, что мы можем сейчас видеть в Египте — сотни заводов, линии электропередач и другие промышленные сооружения, — все это стало возможным благодаря дружбе с Советским Союзом. Расширение технико-экономического сотрудничества сопровождалось ростом товарообмена между нашими странами.

Дружба Египта и Советского Союза началась со дня нашей освободительной июльской революции 1952 года. Советско-египетская дружба крепла и развивалась в горниле борьбы за политическое, экономическое и социальное освобождение. На всех этапах нашей борьбы дружба с Советским Союзом была главным и эффективным фактором, способствующим укреплению наших сил и мощи перед лицом израильской агрессии. В дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества наших стран имеются хорошие перспективы, но для его расцвета нам нужен прочный мир.

США. Первый экипаж американской космической станции «Скайлаб» (слева направо): Чарльз Конрад, Джозеф Кервин и Поль Вейц.

Фото АФП — ТАСС.

ХУДОЖНИК АЛЕКСЕЙ КРАВЧЕНКО

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Письма, перетянутые тесьмой, хранятся долго, много лет. Старые письма, словно цветы в гербарии, жухнут, как бы уменьшаются в объеме. Чернила блекнут, выцветают — трудно уже что-либо разобрать. А когда-то, сверкая торжественной белизной и экзотическими марками, эти письма приходили в тихий город Саратов из Греции, Италии, Индии. Их писал молодой русский художник Алексей Кравченко своей матери Степаниде Яковлевне. Убористым нетерпеливым почерком — надо было уместиться в размер почтовой открытки — Кравченко рассказывал о своих путешествиях. Одно из писем помечено 1911 годом. Италия, Рим:

«...Приехал Репин... подошел вплотную к работе и стал всматриваться в мои технические приемы, сказав: «Удивительно твердая манера...». Обладателю «твердой манеры» исполнилось тогда двадцать два года. Он совсем недавно закончил Школу живописи, ваяния и зодчества в Москве и вот приехал в Италию...

«Тенденцией моего искусства было классическое направление, а не французское импрессионистическое, в чем сказывалось влияние мюнхенской школы. Это-то и направило меня в Италию, а не в Париж».

Италия... Кравченко много работал там, ходил с этюдником, писал, писал... Три итальянских этюда молодого Кравченко приобрел Румянцевский музей. Сейчас они хранятся в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина... А потом поездка на Капри: узкие улочки, сросшиеся, слепленные друг с другом дома и — яркий, слепящий, звонкий свет итальянского неба.

Молодой русский живописец Алексей Кравченко стал впоследствии выдающимся советским графиком. Его работы хранятся сейчас во многих музеях мира: в Третьяковской галерее, в Государственном Русском, Изобразительных искусств имени Пушкина, Национальной галерее в Лондоне, в Нью-Йорке и других.

...Знаменитые гравюры и офорты Кравченко «Днепрострой», «Подъемные краны», «Разлив стали»... Иной раз они всего-то в лист детской тетрадки величиной, а как много в них вместилося! Если увеличить эти гравюры до размеров станкового холста, не произойдет никаких потерь, пустот, — такова удивительная емкость, компактность, динамическая насыщенность каждого миллиметра в работах художника. Но, чтобы ограничить себя сознательно черно-белым графическим изображением и в этих жестких черно-белых рамках найти поразительное богатство тонов, оттенков, необходимо было вобрать в себя все цветовое, красочное богатство, все полнозвучие, всю полифонию мира.

Ровное, глубокое дыхание приходит тогда, когда пережиты тревожное сердцебиение, учащенный пульс, волнение, перехватывающее горло. Но легкие должны быть полны воздуха, пьянящего дыхания весны, морозной леденящей колкости. И только тогда: покой есть не вялость, а сила.

Кравченко начал резать по дереву лишь в 1919 году, будучи уже известным, признанным живописцем. А началом было московское ученичество в мастерской Серова, где, по словам известного искусствоведа А. Бакушинского, учеба шла «под знаком импрессионизма, в том остром, своеобразном его истолковании, которое давал Серов».

Затем поездка в Мюнхен, на «родину рисунка и мастерскую рисовальщиков», где, как вспоминал художник, им «овладел настоящий психоз работы: она продолжалась с девяти утра до восьми вечера в мастерской профессора Холлоши с небольшими перерывами на завтрак и обед». Начиная с 1908 года Кравченко начал участвовать в выставках: передвижников, Московского товарищества художников, Союза русских художников, Мира искусства и других. Работы его отмечались в прессе, приобретались коллекционерами. Много ездил Кравченко по стране и за границу: в Германию, Италию, Грецию, Индию, Японию, на Цейлон.

...А в Саратов приходили письма. Письма к матери, которые она сохранила все, начиная с 1908 года.

«Мама, у меня на подметках дыры растут и растут не по дням, а по часам. Починить не могу отдать, потому что одни башмаки». И еще: «Застеклил картины. Они от этого выиграли, но пришлось отдать три рубля...» Письма на бланках отелей и на листках из ученических

тетрадей, письма, письма. Трудно их сейчас читать, потускнели они, стерлись. Но остались произведения — вот они перед нами, собранные в залах Академии художеств СССР.

Алексей Ильич Кравченко представлен здесь и как блестящий рисовальщик, и как живописец, и как график — во всем богатстве своего таланта и мастерства. Мы ходим из зала в зал — от лирических ранних пейзажей, светлой, пронзительной свежести к декоративной пышности Востока. А дальше — почти к кубистскому, сезанновскому, колористически жесткому, каркасному, математически точному изображению. И дальше, дальше.

Художник решил как бы испытать себя во всем, все многообразие мира, искусства вобрать в себя, прежде чем прийти к подлинно личному, кравченковскому восприятию действительности. Но этот процесс становления, взросления, когда человек только приглядывается к себе, прикидывает свои возможности, — этот процесс у Кравченко проходил не совсем обычно. Не было произвольного юношеского блуждания, в котором предыдущий этап отменялся от последующего. Не было блуждания — по крайней мере так кажется сейчас посетителям кравченковской выставки, — был последовательный, направленный по восходящей путь человека к давней, заветной цели.

Мастер жил, работал, поглощая самые разнообразные жизненные впечатления, испытывая самые различные творческие манеры. Только из этого властного, искушенного знания таинств своей профессии, ремесла, безупречного владения кистью, карандашом, резцом мог вырасти мастер таким, каким мы сейчас его знаем.

А. Бакушинский говорил:

— Форма всегда являлась для него лишь средством наиболее точного и удовлетворяющего раскрытия образа, приемом образного воздействия. Форма у Кравченко служебна, обусловлена характером, строем и напряженностью образа, тем внутренним содержанием, которое для Кравченко дорого и важно прежде всего. Поэтому основным его требованием к себе и к создаваемому образу постоянно было требование содержательности.

Творчество художника лучше, чем письма, фотографии, воспоминания близких и друзей, выявляет его человеческую суть, его биографию... На выставке работ Алексея Ильича Кравченко в одном из залов были представлены картины, выполненные художником во время поездки в Индию в 1913—1914 годах. На борту парохода из портов, из каждого пункта своего местонахождения мастер, как всегда, писал письма домой, в Саратов. Но если в письмах этих чувствуется смятение путешественника, восхищенного и подавленного грузом все новых и новых впечатлений, то в картинах мы видим уже глубоко, творчески осмысленный мир красочного Востока. Этот мир, его пышная и в то же время строгая декоративность, его простота и изощренность, сложность и доступность, этот мир оставил в памяти художника глубокий след, «след какого-то монументального образа и монументального композиционного стиля».

Художник увидел: «Буддийская земля красная, ослепительный белый свет и изнурающий зной». Увидел архитектуру Востока, горы, деревья в той «слитности природы и искусства», которую он всегда чувствовал, находил вокруг себя. С графической ясностью, чеканно разобран в индийских работах Кравченко характерный для Востока силуэт домов, растений, храмов. Но от этой подчеркнутой графичности не тускнеют краски Востока. Напротив: цвет на картинах Кравченко начинает звучать особенно полногласно. Цвет обретает плотность, становится сутью, сущностью предметов.

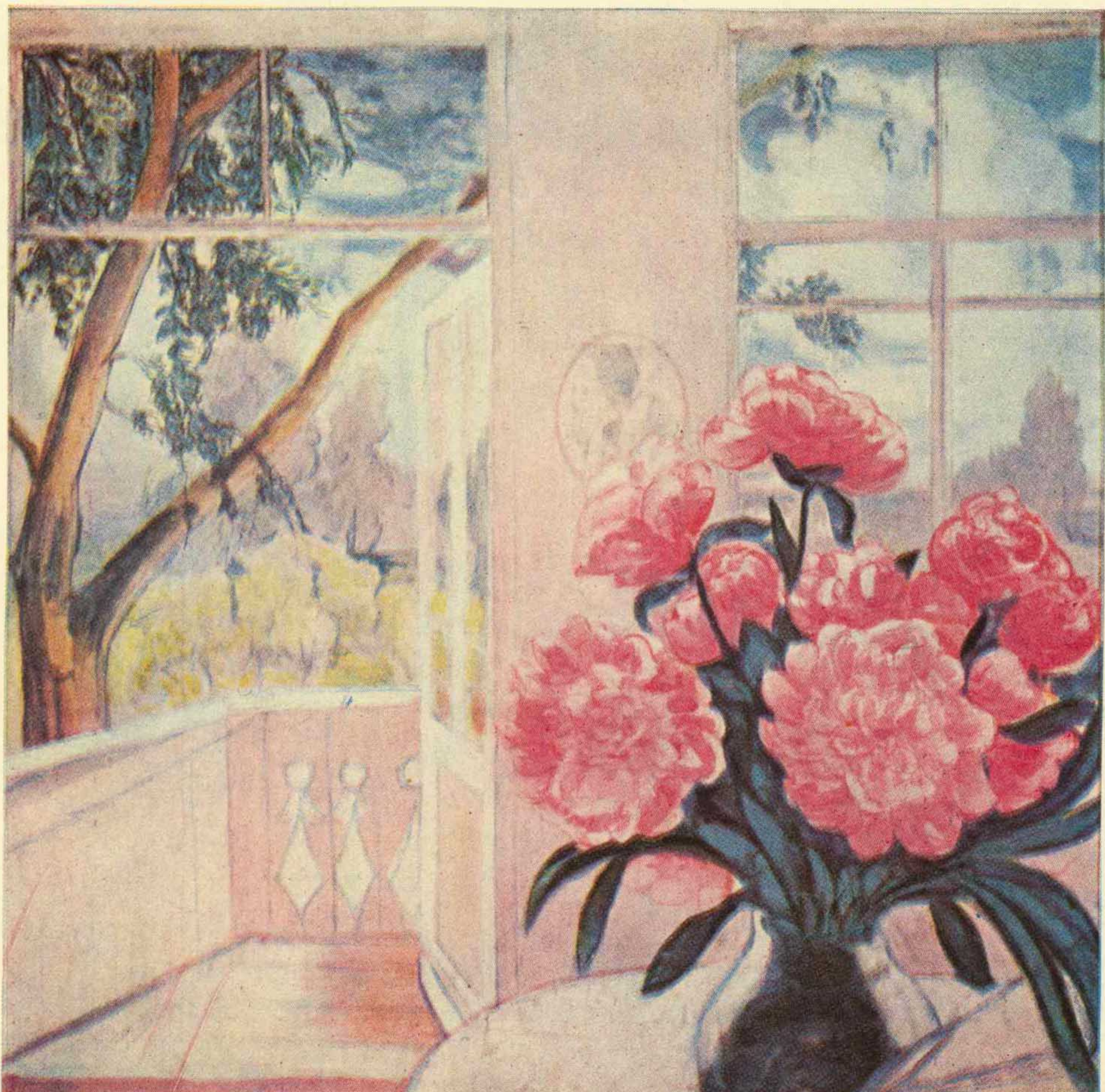
Но Кравченко мыслит не только как живописец — линиями, красками. Его мир ритмичен, звучен. Когда всматриваешься подолгу в картины художника, начинаешь ощущать тот мелодический строй, ту внутреннюю пульсацию, в которых живут, дышат его полотна.

Плавная, медлительная, изощренно-однообразная ритмика Востока — она в самой композиции индийских пейзажей художника: небо, деревья, храмы образуют там как бы единый, замкнутый в себе мир, единое мироздание. Процессия одетых в белое людей — сосредоточенно, торжественно движутся они друг за другом. Мастер почувствовал, рас-

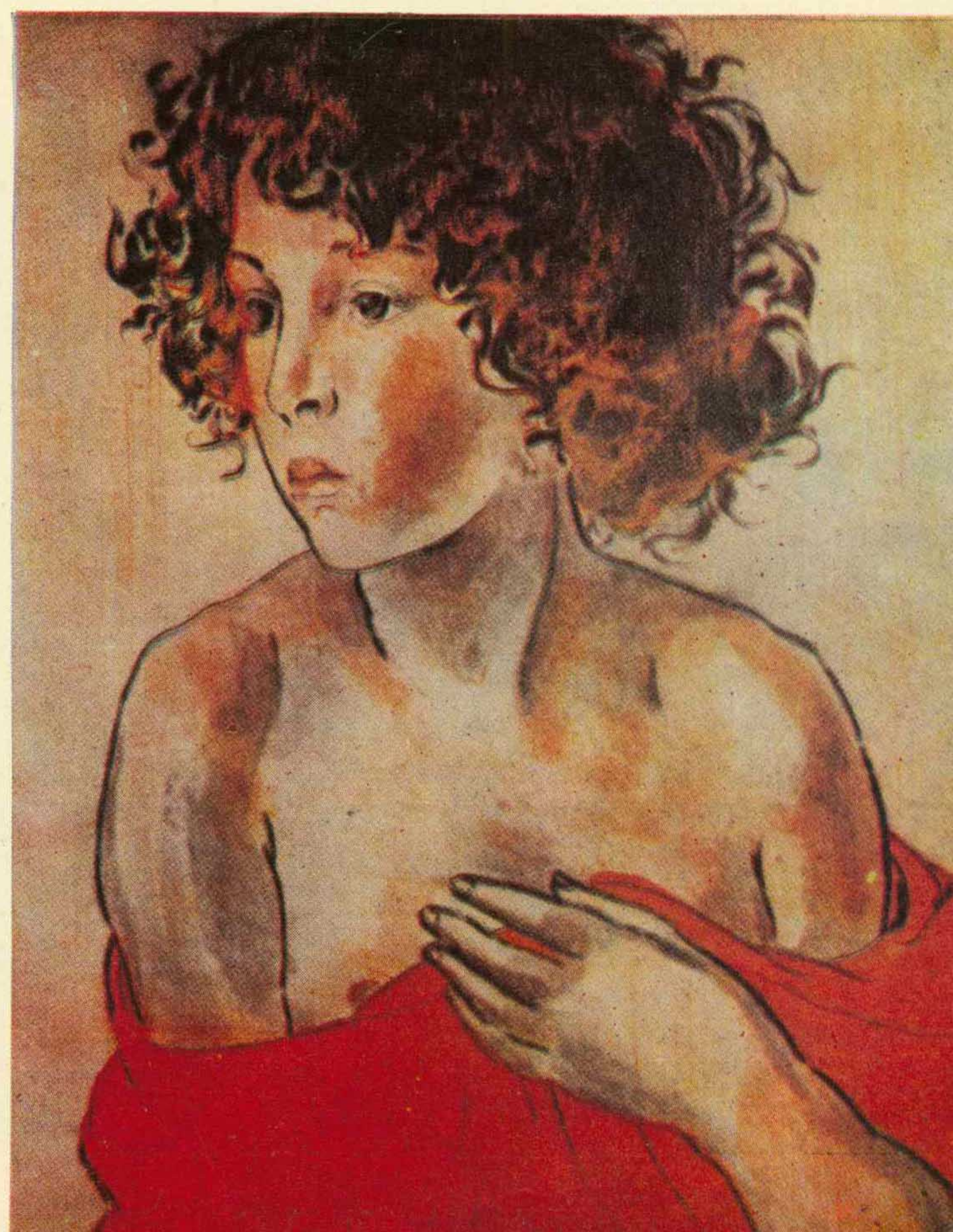

А. Кравченко. 1889—1940. ВЕНЕЦИЯ, ПЛОЩАДЬ СВ. МАРКА. 1926.

РОЗОВЫЕ ПИОНЫ.

ПОРТРЕТ ДЕВОЧКИ.

А. Кравченко. ИТАЛЬЯНКА С АПЕЛЬСИНАМИ. 1911.

слышал этот мерный ритм сотен босых ног, мягкий, вкрадчивый, и мы, зрители, тоже начинаем его слышать. Музыкальный фон, а точнее сказать, музыкальная основа присутствует и во всех жизненных наблюдениях Кравченко. Вот что писал он в своей автобиографии: «В памяти моей живет площадь слободы, занесенная снегом, и возы сена, два цветочных пятна, оставшиеся как первое восприятие красок природы, окраски предметов. Еще музыка и песни — рождественские колядки и бродячие музыканты с цимбалами — Украина, занесенная в заволжские степи».

И так всегда: мир ощущается художником в едином сплетении красок и ритмов.

Рим: «Город фонтанов, журчащей воды, желтой охры и холодных мраморных саркофагов».

Венеция: «Каналы, гондолы, звук колоколов дали мне радостное ощущение жизни, как в детстве».

Мотивы Цейлона, «в которых, как самый замечательный звук, самая гипнотизирующая мелодия — шум ветра в серебряных и золотых бамбуках на озере Канди». А дальше этот мир, красочный, предметный и звучный, ритмически организованный мир художника Кравченко обретает все большее разнообразие, все большее богатство тем, оттенков. Мы слышим тугую, рвущийся рев ветра, и гул сдерживаемой плотной воды, и тихий шелест дождя летом на подмосковной даче. Слышим мощное, торжественное, органное звучание, когда глядим на гравюры Кравченко «Днепрострой», где все голоса-нити сведены к полифонической стройности, емкой, компактной форме фуги...

На выставке работ А. И. Кравченко, следуя из зала в зал, от картины к картине, мы видим, что новые жизненные впечатления, заграничные поездки не вытесняли из памяти художника пережитое раньше, а, напротив, как бы по-новому, ярко воскрешали его. После Италии — вновь русские пейзажи, светлые летние дни. После Индии — этюды Тарусы... Фронт, империалистическая война — множество зарисовок. Революция и с ней — новое гражданственное понимание задач, долга художника перед страной, временем.

«В дни скорби» — так называется серия гравюр, созданных Кравченко в 1924 году, в год смерти В. И. Ленина. Дни и ночи — в Колонном зале Дома союзов, у Мавзолея, на Красной площади — художник писал, вбирал в память прощание народа с вождем...

Приспущенные траурно флаги, многотысячная толпа людей. Люди идут безмолвно, медленно, не глядя друг на друга. Но вот скорбная мелодия, песнь — мы слышим, совершенно явственно слышим ее, когда глядим на эту гравюру, — высокая, торжественная скорбь музыки объединила всю эту людскую массу в единый человеческий коллектив, народ, Страну Советов...

В 1928 году для проведения художественного отдела выставки советского искусства Кравченко был командирован в Нью-Йорк. Оттуда он писал жене:

«Нью-Йорк грандиозен. Ночами глубокие тени ложатся от гигантских домов, и нежным светом освещены вершины этих осуществленных Вавилонских башен. Нью-Йорк — город тяжелого сна. Иногда туман проникает во все щели; красным светом, текущим и едким, пылают рекламы; поток людей, машин — черный и сверкающий. Туманные призраки пятидесятиэтажных башенных домов, еле обозначенных в воздухе, там, куда почти не достигает взгляд, дают сознание, как бред. И все же это безумие прекрасно. Так нарушается прозаизм Нью-Йорка и выявляется его своеобразный романтизм».

В нью-йоркских набросках мы видим эти тяжелые глыбы многоэтажных домов, сцепленных друг с другом. Видим узкое пространство улиц, обрывающихся между домами, и крошечные фигурки людей, жмущихся в этой тесноте. Да, Нью-Йорк — «это город тяжелого сна». Но художник, а вместе с ним и мы, зрители, находим в нем и особое графическое своеобразие.

Романтическое восприятие действительности было одним из характернейших свойств художнического видения А. И. Кравченко. Но романтизм его особый, сродни шопеновскому.

Когда глядишь на серию гравюр Кравченко «Днепрострой», вначале на наброски с натуры, а потом уже на законченные работы, видишь, как из хаоса первых наблюдений рождается высокий образ, символ советской действительности, гигантской преобразующей стройки. Да, романтизм, но тот, что из хаоса воссоздает порядок. Романтизм, точно соизмеренный с действительностью, насыщенный высо-

кой содержательностью, реальной, действенной бразностью. Романтизм, который позволил А. И. Кравченко одним из первых советских художников воспеть героиню социалистического строительства, героиню труда советских людей.

...Днепрострой. Обрывистые, рваные края котлованов, вздыбленные горы земли, органная стена плотины — все это, заключенное в пролет массивной объемной рамы, обретает стройное, гармоническое звучание.

«Ночная работа»: слепящие солнца прожекторов, запущенные далеко в небо, как ракеты, мерцание фонарей и клубы пара архитектурной строгой четкости. Точная разработка каждой детали еще больше усиливает романтический, высокий строй этой гравюры.

Монументальная станковая живопись... И вдруг, будто в хитроватом прищуре, глаз художника внезапно обращается к изящным экслибрисам, виньеткам, заставкам изумительного ювелирного совершенства. Миниатюрные фигурки людей, дам с рюмочными талиями, уклоняющихся притворно от поцелуев своих кавалеров, залы, замки — игрушечная и в то же время абсолютно точно воссозданная художником эпоха... Кравченко-иллюстратор: Пушкин, Гоголь, Гофман, Лесков... И уже совсем иной ритм, иная музыка.

Ни на секунду не замирает, не прерывается вихревое мелькание в гофмановских фантазмагориях. И все стремительнее наращивается ком гнева, скорби, горечи в гоголевских «Петербургских повестях»...

В маленьких, размером с почтовую открытку, гравюрах вмещается поразительно много сюжета, рассказа, действия. Но это не статичный, замерший кадр, выхваченный произвольно из ткани повествования. Нет, гравюры-иллюстрации Кравченко динамически насыщены голосами, спорами, жестами... Финальная сцена из «Пиковой дамы»: игорный стол, замершие, удивленные лица партнеров и в пламени свечи гигантски разросшееся видение — «три карты» с дамой пик вместо туза. Падающее кресло, фигура отшатнувшегося Германна. Его в страхе, мольбе вытянутые, отталкивающие это кошмарное наваждение руки с растопыренными пальцами: «Старуха! — закричал он в ужасе».

Кравченко-иллюстратор выбирает мгновение, кульминацию действия, где сиюминутная напряженность вмещает в себя и отголосок, тающий след только-только минувшего и зародыш будущих, последующих событий.

Гениальный лаконизм «Маленьких трагедий» Пушкина нашел самый верный отклик в работах Кравченко. Сжатость — время, место действия лишь обозначены: комната, ночь, двое. Моцарт и Сальери. События разыгрываются в монологах. Сальери: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше»... Моцарт: «Он же гений, как ты да я». Тишина, ночь. И ветер, рвущий пламя свечи, выхлестнувший занавеску. Вот оно!.. «Но ужель он прав, и я не гений? Гений и злодейство — две вещи несовместные».

И песня Мери из «Пира во время чумы». Запрокинутое, задумчивое ее лицо, и лютня в тонких, нежных руках; чистый девичий голос, щемящее его одиночество на этом диком смертельном пиру.

...В залах Академии художеств СССР — картины, картины. И фотография человека с задумчивым взглядом темных, упрямых глаз. Алексей Ильич Кравченко. Годы жизни: 1889—1940. Какая короткая жизнь! И как поразительно много успел он за эту жизнь сделать...

Квартира художника в Чистом переулке: гигантский рабочий стол, офортный станок «Краузе», набор гравировальных инструментов, которые Кравченко собирал всю жизнь. На подоконнике в клетке пушистый, бледно-лимонный, как бы вылинявший комочек — канарейка. Собака дремлет на подстилке; глаза у нее внимательные, круглые, обезьяньи... В квартире людно: дети, внуки Кравченко. Вешалка, кажется, рухнет от тяжелых гроздей пальто, шуб. Здесь, в многолюдстве и гостеприимстве, дом сохраняет дух, вкус своего хозяина, выдающегося советского художника Алексея Ильича Кравченко. На широком обеденном столе — надо, чтобы вся семья за ним уместилась, — разложены письма, много писем. Со всевозможными марками, штемпелями, на листах ученических тетрадей и на бумаге с грифами отелей — письма, письма. И в них наблюдения, встречи — жизнь художника. А в залах Академии художеств — его картины, рисунки, эстампы. Его биография, судьба, в которой мастер сумел подняться до широкого, объемлющего охвата судеб, событий своего времени. Сумел открыть нам, зрителям, свой особый мир — красочный, звучный мир художника.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

Не так давно увидела свет новая книга Ульмаса Умарбекова «Зеленая звезда». Она о молодежи наших дней, о ее жизни и делах, думах и чаяниях. Юноши и девушки, окончившие среднюю школу, выбирают путь в большую, самостоятельную жизнь. Но главное не в том, какую избрать дорогу, кем быть, главное — как стать человеком! Эту мысль писатель выверяет на примерах человеческих судеб и характеров.

Ульмас Умарбеков. Зеленая звезда. Роман. Авторизованный перевод с узбекского А. Орлова. М. «Молодая гвардия». 1972.

Абдулла и Гюльчехра полюбили друг друга, полюбили горячо и, кажется, навсегда. Но счастье оказалось недолгим. Абдулла знакомится с дочерью профессора, Саямой, и увлечен ею. Писатель скрупулезно, штрих за штрихом, прослеживает «болезнь» Абдуллы, у которого чувство любви постепенно вытесняется честолюбивыми стремлениями, желанием сделать карьеру. Автор психологически точно и тонко прослеживает, как этот умный, обаятельный юноша шаг за шагом приходит к нравственному падению. Его мечтательные мечты о личном благополучии, корысто-

любие и расчет приводят к разрыву с Гюльчехрой и ее гибели, которая приобретает в романе особый, остро звучащий смысл: это протест против философии мещанства и эгоизма, против стремления жить только для себя.

За этот роман автор в 1969 году был удостоен премии Ленинского комсомола Узбекистана, и я с нетерпением ждал выхода «Зеленой звезды» на русском языке. И вот она появилась, почти не потеряв своих достоинств, в добротном переводе Александра Орлова. Переводчик сумел сохранить лирический, а бы даже сказал, солнечный настрой и романтическую приподнятость, свойственные творчеству Ульмаса Умарбекова.

В 1962 году выдающийся советский поэт Гафур Гулям писал, что в Ульмаса Умарбекове его привлекают активность, беспокойство, поиск... Может быть, оттого, что основу художественного творчества, подчеркивал Гафур Гулям, он видит в актуальности и современности, политической зоркости и партийной принципиальности писателя, ему нравятся в произведениях Ульмаса злободневность темы, глубокая современность.

И спустя десять лет Ульмас Умарбеков, уже зрелый художник, пользующийся признанием и любовью читателей, остается верным своей теме, завету своего учителя.

Вл. БАРАБАШ

ЗИМНИЙ ДО

Новый роман С. Сартакова «А ты гори, звезда!» посвящен жизни и деятельности И. Ф. Дубровинского, одного из близких соратников Владимира Ильича Ленина. В условиях наступившего в России после революции 1905—1907 годов разгула реакции Ленину приходилось вести борьбу и внутри самой партии большевиков — за ее очищение от чуждых марксизму взглядов, против различного толка антипартийных группировок. В главе из романа, которую мы сегодня печатаем, описывается встреча И. Ф. Дубровинского с Лениным в 1908 году в Швейцарии.

Холодный ветер «биза» гнал к берегу мелкую отлогую волну, бросал ее на гранитную отмостку и заставлял взлетать вверх пыльными брызгами. Чугунные решетки, ограждавшие подходы к озеру, слезились. Под ними образовались широкие лужицы, и ветер накрывал их тонкой рябью.

По склонам гор, вдалеке охватывающих Женеву вместе с озером свободной подковой, медленно волочились клочковатые облака. Проплывали над городом. И тогда еще и сверху сеялась влажная муть, соединяясь с курящимся вдоль набережной туманом. Город казался безлюдным. Лишь иногда на короткое время в улицах появлялись одиночные пешеходы, спешащие куда-то по самым неотложным делам, катились редкие кебы с поднятым кожаным верхом.

— Д-да, Иосиф Федорович, погодка сегодня совсем не женевская, — проговорил Ленин, приподнимая воротник пальто и раскрывая зонт. — Сожалею, что потащил вас на прогулку. Но, право, здесь зимой не всегда бывает так скверно, а мне хотелось блеснуть перед вами способностями гида, поскольку вы в Женеве первый раз.

— Погода действительно неважная, — подтвердил Дубровинский, принимая приглашение Ленина сообщать воспользоваться одним зонтом. — Однако я, Владимир Ильич, совсем не огорчен.

— А я огорчен чрезвычайно. Боюсь, не простудить бы вас. Может быть, нам лучше вернуться?

— Только в том случае, Владимир Ильич, если простуда может к вам прицепиться. А я одет достаточно тепло и, как это ни странно, люблю гулять под мелким дождиком. Надо мне понаблюдать Женеву и слякотную. В день моего приезда сюда я потрясен был обилием света. Хотя, правду сказать, и яркое солнце, и эти роскошные горы, и озеро — все мне показалось каким-то чужим.

— Вот именно: чужим! — подхватил Ленин. — У меня вообще было такое чувство, словно я в гроб ложиться сюда приехал. Не удержался, сказал при Надюше. Она сделала вид, что не слышит, что ей невыразимо приятен этот вояж. Что делать, будем считать: всем нам приятен. Это лучше, чем терзаться глупой тоской. Глупой потому, что тоска подобна ржавчине, которая разъедает самую прочную сталь, если та окажется в сырости и без движения. В первый наш приезд в Женеву она была мне больше по душе.

— Наверно, дело было не в самой Женеве, а в атмосфере, какая вас окружала тогда, — заметил Дубровинский, поглаживая толстые рыжеватые усы. — Тогда у вас здесь вырастали крылья, а теперь эти крылья подбиты.

— Гм, гм! «Подбиты» — слово не нравится,

Полностью роман будет опубликован в журнале «Октябрь».

от него веет какой-то безнадежностью. Но вы правы: тогда революция шла на подъем, а сейчас мы вынужденно отступили. Но — для очередного разбега. — Он рассмеялся. — Видели бы вы, как я пробирался ночью по льду Финского залива! Мрак абсолютный. Два пьяных проводника, крестьяне финны, как водится, молчаливы, ни слова ни со мной, ни между собой. Идут. А лед трещит, ломается. И тут я понял, что значит поговорка «Пьяному море по колено!» И пожалел, разумеется, не в прямом смысле, что сам я не пьян. Тогда бы, очевидно, было и мне все равно. А так — уходит лед из-под ног, и думаешь невольно: «До чего же бессмысленно приходится погибать!» Но знаете, в то же время и злость взяла. Обыкновенная хорошая злость на то, что ноги промокли. Побежал. Лед шевелится, но бегу, и чувство такое — спасение только впереди! Оправдалось. Выскочил из беды. Подошли проводники. Впервые заговорили: «Смекнул. Когда лед проваливается, стоять на месте нельзя». Просто и мудро, не правда ли? После я много раз повторял эти слова. В Женеве лед тоже потрескивает. А потому стоять нам нельзя. — И опять рассмеялся: — Вот идем, невзирая на скверную погоду!

— А помните, Владимир Ильич, как мы с вами гостили у Лидии Михайловны в Стирсудене?

— Помню, — сказал Ленин, — хотя прошло уже сто лет, а точнее — семь с половиной месяцев. Помню, и как мы с вами были там водовозными клячами, каждое утро прикатывали по несколько бочек и поливали цветы, которых у милой Дяденьки бесчисленное множество. А вот вкус оленьего окорока совершенно забыл. Как вы находите, конина не вкуснее?

— В пересчете на франки и сантимы, которых все время не хватает, конина, безусловно, вкуснее!

— Это мне напоминает афоризм Конфуция: самое трудное — поймать кошку в темной комнате, особенно тогда, когда ее там нет.

Ленин остановился, поглядывая на плещущее мелкими волнами озеро, на дальние цепи гор. Ветер дул ровно, с прежней силой, а моросящий дождь прекратился, и несколько приподнялись, посветлели клочковатые облака.

— В качестве самозваного гида какие сведения могу я вам сообщить об этой самой Женеве? — проговорил Ленин, складывая зонт. — Сколько-нибудь обстоятельные, наиболее ранние упоминания о ней мы находим только у Юлия Цезаря. Стало быть, не грех называть Женеву старушкой. Насчитывает она сто десять тысяч жителей, включая нас с вами. А вообще эмигрантов здесь более чем предостаточно. Скучать не придется, если принимать эмигрантские склоки за веселые спектакли. Что сказать об этом озере? Его длина... Вы не закончили, Иосиф Федорович?

— Наоборот, очень хорошо прогрелся, — ответил Дубровинский, догадываясь, что Ленин предложил ему эту прогулку совсем не ради того, чтобы показать город и Женевское озеро. Его мысли заняты сейчас совершенно другим, а разговаривать на ходьбе как-то легче. Конечно, главная забота у него о «Пролетарии», регулярный выпуск газеты — одна из важнейших целей их приезда сюда. В Финляндии стало небезопасно. — Владимир Ильич, меня беспокоит настроение Богданова. Мы, три редактора, казалось бы, работаем слаженно. И однако...

Ленин быстро повернулся к нему. Сунул зонт себе под мышку и сделал короткий жест свободной рукой.

— ...и однако мы с вами в этой слаженности оба уже замечаем серьезную разобщенность. Да, да, Иосиф Федорович, будем называть вещи своими именами. Разобщенность! Мы должны приложить все усилия, чтобы лед, на котором стоим, не дал трещин, как в Финском заливе. Когда лед начинает трескаться, стоять на месте нельзя. Мы должны двигаться. Но пойдет ли с нами Александр Александрович, коего я чту как одного из умнейших людей, увы, одержимого непереносимыми глупостями!

— Наш здешний первый номер «Пролетария» складывается неплохо, — заметил Дубровинский. — Но я, как и вы, предчувствую, что миру и согласию с Богдановым наступит конец. Не знаю только, скоро ли.

— Видите ли, Иосиф Федорович, — Ленин взял его под руку, повел дальше по набережной, — положение партии опять существенно меняется. Мы утрачиваем последние крохи легальных возможностей. Наши газеты убиваются правительством сразу же после их рождения. Открытые собрания, митинги заканчиваются арестами. В этих условиях Дума остается все-таки мало-мальски сносною трибуной для публичного выражения наших взглядов, защиты нашей программы. Но Александр Александрович, который сам же руководил деятельностью депутатов второй Думы, теперь закусил удила и превратился в яростного бойкотиста.

— У меня с ним вчера был тяжелый разговор как раз по этому поводу, — сказал Дубровинский. — Он упрямо стоит на своем. И тут же уверяет, что на общей работе в газете это не отразится.

— Отразится, Иосиф Федорович, и еще как отразится! Партии нужен правильно выходящий политический орган, выдержанный и сильно ведущий борьбу с распадом и унынием. Это я не устаю повторять всем, кого мы приглашаем сотрудничать в «Пролетарии». Писал Алексинскому. Социал-демократ, депутат второй Думы, осужден за это вместе с другими на каторгу. Бежал, скрылся в Австрии. Надежнейший товарищ? Нет! Вертит хвостом и присоединяется, по существу, к Богданову. Дает самочинно адрес и связи для пересылки «Пролетария» в Россию¹. Кому? Меншевику Мандельбергу. Как прикажете это понимать?

— Не самочинно, а по одобрению Богданова.

— Все может быть! Писал Луначарскому, Горькому. Ответы благоприятные, сотрудничать с нами готовы оба, Алексей Максимович согласен систематически давать беллетристику, и это архиважно — сделать газету живой, увлекательной в чтении. Но... И тут «но», Иосиф Федорович! Луначарский с ушами увяз

¹ Алексинский Г. А. Впоследствии занял открыто враждебную партии большевиков позицию. В июле 1917 года совместно с военной контрразведкой Временного правительства сфабриковал фальшивки против В. И. Ленина.

ЖДЪ

в философии эмпириокритицизма, которая отличима от богдановского эмпириомонизма ничуть не больше, чем желтый черт от черта синего. Во что со временем преобразится их сотрудничество?

— Мне думается, Владимир Ильич, единственное, что можно сделать,— это совершенно не касаться философских проблем в нашей газете.

— Именно так и я полагаю, Иосиф Федорович! И в ответном письме Алексею Максимовичу я посоветовал не связывать философию с направлением партийной работы, с большевизмом. Но вот вопрос: сами мы не проявим инициативы — нас вынудят это сделать те же Богданов, Луначарский и Базаров, дудящий с ними в одну философскую дудку. Ведь они сплошь и рядом публично высказываются в этом плане. Вы проштудируйте внимательно их статьи из недавней книги «Очерки по философии марксизма». Это же махизм чистейшей, вернее, мутнейшей воды!

— Да, я читал и с вами полностью согласен.

— То-то и дело, батенька, что мы с вами между собою согласны, а с Богдановым, Базаровым и компанией согласиться не можем, но работать с ними вместе должны. Борьба против махизма и этих «русских махистов» должна быть развернута беспощадная, истребительная, но вестись должна со всеобщим учетом обстановки, так, чтобы «Пролетарий» и большевики, как фракция партии, не были задеты. А что прикажете делать, когда Богданов и компания переполняют чашу сию своими махистскими выступлениями, выдаваемыми за марксизм? Что прикажете делать, когда переметнувшийся душой и телом к меньшевикам Плеханов, вся политическая тактика которого верх пошлости и низости, в марксистской философии оказывается на коне и отстаивает правое дело, обвиняя большевиков в поощрении махизма? Да, да, в поощрении, ибо и Богданов и Луначарский — большевики! Долго ли мы сможем оставлять такие обвинения без надлежащего отпора!

— Действительно, вся штука в том, что отпор давать мы обязаны не меньшевику Плеханову, а большевику Богданову и Луначарскому,— задумчиво проговорил Дубровинский.

— А лично для меня штука еще и в другом.— Ленин был возбужден чрезвычайно, шел, жестикулируя зажатой в руке сложенным зонтом.— Штука в том, что я в Анатолия Васильевича верю и знаю, что придет пора, когда он сам станет стыдиться нынешних своих убеждений, одолевших его от чрезвычайной энциклопедичности ума и чувствительного характера! Это не больше как болезнь, и болезнь излечимая. Но оборвать ее развитие я не в силах, пока она не пройдет какой-то свой цикл, пока не минует кризис. И я должен остаться, и я буду оставаться безжалостным к этому большому, как был безжалостен к заболевшему меньшевизмом Георгию Валентиновичу, а теперь хочу пожать ему руку. Потому что я тоже верю в него!

— Вы верите, что Плеханов полностью порвет с меньшевизмом?

— Верю в то, что он порвет с подлостью меньшевизма! А это уже много. С благородным противником, с партийным меньшевиком,— Ленин нажал на слово «партийным»,— с высокоэрудированным в теории и философии марксизма ученым, наконец, с Плехановым-человеком, я лучше предпочту иметь дело, чем с зазнайкой и махистом Богдановым, кичащимся своим большевизмом, а объективно борющимся против него.

— У меня уже временами начинает вскипать нечто такое...

Рисунок Н. ЖУКОВА.

— Нет! Будем продолжать общую работу, Иосиф Федорович! Будем, пока это возможно. Проявим необходимую терпимость, сдержанность. Что совсем не исключает самой жестокой философской драки с искажителями марксизма. Пока за рамками газеты.

— А если эта драка все же неизбежно ворвется и на ее страницы? Тогда, пожалуй, выигрывают только меньшевики.

— Точь-в-точь, как и вы, сомневается Горький. А в одном немецком журнале уже написали, что разногласия в вопросах философии между Плехановым и Богдановым — принципиальные разногласия меньшевиков с большевиками. Но написавшие это нам только

помогли. Теперь и Богданов не сможет отказаться от публикации редакционного заявления «Пролетария», что попытка представить такие разногласия как фракционные несостоятельна, что в среде и той и другой фракции есть сторонники обоих философских направлений. А что касается меньшевиков, так они выиграют только в том случае, если мы решительно не отделим себя от философии Богданова и компании. Поверьте, если философская драка пойдет вне фракций, то все позиции меньшевиков неизбежно будут полностью сведены к политике, и только, а тут им смерть! — Ленин легонечко кончиком зонтика ткнул в мостовую.— Кстати, вы не про-

читали еще гранок моих «Политических замечаний»? Там в конце я сделал некоторые поправки.

— Нет, не читал, Владимир Ильич! Знаю лишь по первому набору.

Увлечшись разговором, они незаметно для себя сошли с набережной и брели по узкой улочке, где порывов ветра совсем не чувствовалось, но пахло застойной сыростью, скопившейся возле чугунных оград. Ленин вынул из кармана пиджака свернутые в трубочку гранки своей статьи, отыскивал нужное место и вполголоса прочел:

— «Мы умели долгие годы работать перед революцией. Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падет духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе». Так я, Иосиф Федорович, заканчиваю свои «замечки», и я думаю, это имеет прямое отношение к нашему сегодняшнему разговору касательно предстоящей борьбы. Если вам не нравится — критикуйте!

— Готов! — шуточно отозвался Дубровинский. — Мне не нравится, что это написали вы, Владимир Ильич, а не я. И еще мне не нравится, что нас, кажется, занесло в какой-то совсем глухой переулочек.

— Ого! Слышали бы тузы, что живут в этих особняках, — Ленин широко повел рукой, — слышали бы они, как непочтительно вы отзываетесь об их аристократической улице! Вот, например, эта усадьба с пошлейшими каменными львами у ворот принадлежит одному из наиболее могучих фабрикантов. Советую приобрести часы его выработки. А что касается того, каким образом занесло нас сюда, каюсь: сила привычки. Именно через эту улицу мы с Надюшей после вечерних прогулок у озера заходим в наше любимое кафе «Ландольт». Так вот, не поддайтесь ли и нам этому непроизвольному влечению? — Он вынул часы, посмотрел и щелкнул крышкой. — Впрочем, что же я! От пансиона сегодня мы отказались, и нас сейчас дома с обедом поджидает Надюша. А в «Ландольт» сходим попозже. Хотя, честно говоря, если туда наряду с нашими товарищами набьются эсеры, пускаться с ними в политические споры мне еще с первой эмиграции хуже горькой редьки надоело!

— А надю, — сказал Дубровинский. — Горькая редька очень полезна.

— Вот вы в Женеве ее досыта и отведайте! Вам ее здесь начнут подавать и с российским квасом и с прованским маслом. Возмолите: дайте хрена! Хотя, как известно, хрен редьки не слаще. Но не пугаю, Иосиф Федорович! Скорее, заманиваю в здешнюю эмигрантскую кухню. Постарайтесь в ней занять место повара. Другим больше нравится мыть посуду. А также перебивать чужие косточки.

— Будем вместе держаться, Владимир Ильич! Постараюсь не подвести.

— Меня? Подводите меня сколько угодно! Дела, которое мы с вами делаем, не подведет!

— Напоминание о прошлом?

— Нет. Кто старое помянет, тому глаз вон! Это на будущее. В настоящем же нам следует ускорить шаги. По словам Надюши, опоздание к обеду равносильно карманной краже. Краже времени у хозяйки дома. А для мужчин нет ничего позорнее, как обворовывать женщину!

Они опоздали немного. Стол был уже накрыт, в кватире приятно пахло корицей и лавровым листом. Крупская встретила их немным покачиванием головы. Дубровинский принялся извиняться, а Ленин, хитро подмигивая из-за спины Надежды Константиновны, показывал ему жестами, как тот, дескать, залезает в чужой карман. Но тут же присоединился к Дубровинскому и сказал, что всю вину за опоздание принимает на себя, потому что, увлекшись разговорами, забыл совершенно о соловье, которого баснями не кормят. К тому же они забрели далеко от дома, а на обратном пути дул сильный встречный ветер. Здесь Ленин весело расхохотался.

— Прошу, однако, Надюша, не истолковывать этих слов превратно, в ущерб нашему мужскому достоинству, а расценивать их с точки зрения прикладной математики, в которой наш Инок, Иосиф Федорович, дьявольски силен. Это он объяснял мне по дороге, каким образом, меняя галсы, плавают против ветра парусные корабли. И, разумеется, прибывают в гавань с некоторой задержкой.

Крупская, принимая от Дубровинского пальто и шляпу, корила, почему он по такой холодной погоде ходит без перчаток. И Дубровинский честно признался, что их у него попросту нет. Забыл в вагоне. А тратиться на покупку новых жаль, скоро наступит весна.

— Ну как же можно! — воскликнула Крупская. Тут же побежала в другую комнату и, вернувшись, принялась засовывать в карман пальто Дубровинского пару кожаных перчаток. — Володя, я взяла твои запасные.

— Надежда Константиновна, что вы делаете! — взмолился Дубровинский. — Я сгорю от стыда!

— Погасим, сгореть до конца не дадим, — успокоил Ленин. — Очень правильно решила, Надюша!

Он взял под руку Дубровинского и повел к столу. Выбрал для него место поудобнее, посадил, а сам удалился на кухню, помогать жене.

— Иосиф Федорович, — кричала издали Крупская, — будьте добры, сдвиньте блюдо с хлебом, туда мы сейчас водрузим суп.

И появилась, неся прихваченную полотенцем через уши, дымящуюся ароматным паром кастрюлю. Ленин шел чуть позади и нес подставку — гладко выструганный деревянный кружок.

— Обед у нас сегодня из пяти блюд, — торжественно объявила Надежда Константиновна, готовясь разливать суп в тарелки. — Вначале, как полагается, закуска. Она мысленная. На выбор. Соответственно избалованным вкусам каждого: семга с лимоном, паюсная икра, ветчина, яйцо под майонезом или устрицы. Воображали?

— Мне хочется горькой редьки, — заявил Дубровинский. — Владимиру Ильичу она порядком надоела, а я к ней должен привыкать.

— Браво, Иосиф Федорович! — хлопнул в ладоши Ленин. — Но в таком случае из солидарности я обязан составить вам компанию.

— Ну-у, — разочарованно протянула Крупская, — а я-то старалась! Даже как-то неловко теперь мне брать для себя не только устрицы, а самую обыкновенную ветчину. Разве уж маленький-маленький кусочек. — Она сделала вид, что аппетитно закусывает. — Наливаю суп. Вполне реальный. Он с мясом, но без мяса. Потому что мясо из супа будет вам подано на второе, а с учетом мысленно съеденной закуски — на третье. Четвертым будут макароны с маслом, если вы не потребуете присоединить их как гарнир ко второму, которое третье. И, наконец, на пятое я предлагаю простоквашу с корицей и сахаром. Итак, кушайте и нахваливайте!

— Прекрасно! — отозвался Ленин, приступая к еде. Суп ему и в самом деле понравился. Особенно после долгой прогулки на свежем воздухе.

— Очень вкусно, — подтвердил и Дубровинский, — замечательно!

Надежда Константиновна загадочно улыбнулась. Но убедившись в том, что в словах Владимира Ильича и Дубровинского нет никакого лукавства, что их похвалы совершенно искренни, она открылась:

— А знаете, незадолго до вас заходил Александр Александрович. Я пригласила остаться на обед, разговор происходил на кухне, и надо же было видеть выражение его лица, когда он понял, что его ожидает! Он сказал: «Извините, Надежда Константиновна, но у нас дома Наталья Богдановна тоже готовит обед». А я не стерпела намека, договорила: «...и он, конечно, как всегда, лучше вашего!» Александр Александрович расфыркался и убежал, потому что я попала ему не в бровь, а в глаз. Он ведь любит поесть изысканно.

— Да, такую слабость за ним я еще в Куоккала замечал, — сказал Дубровинский. — А я, например, в этих самых разносолах ничего не смыслю.

— Что же касается меня, так после тюрьмы

только Надюша с Елизаветой Васильевной и поставили меня на ноги, — добавил Ленин. — Ем теперь лишь то, что они прикажут. А это всегда бывает вкусно. Но чего ради, Надюша, приходил Богданов?

— Ответ из Вены от Троцкого получил, — сказала Крупская. — Сотрудничать в «Пролетарии» не желает. Ссылается на чрезмерную занятость другими делами.

Ленин тихонько опустил ложку. Сощурился, весело поглядел на Дубровинского.

— Вы не находите, Иосиф Федорович, что это, пожалуй, и хорошо, когда Троцкий занят другими делами?

— Вполне согласен с вами. Обойти его приглашением было нельзя, а иметь такого сотрудника было бы и того хуже!

— «Внефракционный эсдек»! Однако чураться большевиков и подпевающий при каждом случае меньшевикам! — уже сердито проговорил Ленин. — Продаст — недорого возьмет! Других новостей Александр Александрович не принес?

— Он был вообще в дурном настроении, — ответила Крупская, распределяя по тарелкам второе и выбирая для гостя кусочек получше. — Вскользь подбросил какую-то колючую фразу насчет того, что ты, Володя, приписываешь ему в философии Маха и Авенариуса, тогда как он Богданов и только Богданов. Он, дескать, никого не повторяет, а создает свою собственную марксистскую философию.

— Если «собственная, богдановская», значит, уже опровержение, ревизия марксистской философии, — заметил Дубровинский.

— Примерно так я и сказала Александру Александровичу, отчего настроение у него испортилось еще больше, — отозвалась Крупская. — Володя, я кладу тебе с хрящиком. Это полезно.

— Спасибо, Надюша! Мне уже приходилось объявлять философу Богданову «иду на вы», когда только что появился его «Эмпириомонизм». Но это была легкая дуэль на шпагах, как любил называть наши споры Александр Александрович. Теперь я буду стрелять из пушек. Вероятно, получится объемистая работа, у меня постепенно накапливаются черновые наброски, и это будут «критические заметки об одной реакционной философии». Определением «реакционной» я сразу вышибаю опору из-под ног у тех, кто хотел бы себя и Маха прилепить к Марксу и Энгельсу. А в целом книга, очевидно, получит название «Материализм и эмпириокритицизм». Название всегда должно быть строгое и точное. — Он что-то поискал глазами на столе, и, догадавшись без слов, Надежда Константиновна придвинула ему баночку с горчицей. — Спасибо, Надюша! Люблю эту приправу к вареному мясу. Да, о Богданове. Хорошо, если бы мамочка с Маняшей разыскали в Питере мое «объяснение в любви» Александру Александровичу. Сам не знаю, куда девались эти тетрадки. Они очень бы мнегодились. Вижу, без большой драки не обойтись!

— Александр Александрович еще пригрозил, — сказала Крупская, — ну, в общем, не пригрозил, а заявил достаточно зло, что если ты, Володя, вздумаешь связывать его философские взгляды с партийной деятельностью, он привлечет тебя к партийному суду!

— Браво! Сейчас я всеми силами стараюсь этого не связывать. Но мера терпения есть всему! Готов предстать и перед судом. Не зря ли только Александр Александрович мечтает об этом?

— Мечтает, наверно, найти судьей какого-нибудь Шемяку, — проговорил Дубровинский.

— Гм, гм! Так я и соглашусь на кого попало! — воскликнул Ленин. — Шемяку... А впрочем, как раз Шемяку бы и хорошо. Ведь в роли бедного брата оказываюсь я! Вы знаете сказочку о Шемяке, Иосиф Федорович?

— Не твердо. Знаю, что «Шемякин суд» — несправедливый суд.

— Совершенно верно, — подтвердил Ленин. — Но, как всегда, в народных сказках есть особая изюминка. Хотите, расскажу? Жили-были два брата, богатый и бедный. Бедняк попросил у богача взаймы лошадь, куда-то там съездить. Богач лошадь дал, но без хомута. Что делать? Бедняк привязал сани к хвосту лошади и поехал. А подворотню вынуть забыл. Сани уперлись, он стегнул кнутом,

лошадь скакнула и хвост оторвала. Начисто. Богач — бедного в суд. К прославленному Шемяке. Едут вдвоем, остановились переночевать у попа. Бедняк ночью с полатей возьми да и свалился прямо на колыбельку с ребенком. Задавил малыша. Поп в ярости. Теперь уже втроем едут к Шемяке. Бедняк в отчаянии — кругом виноват. И на въезде в город решил покончить с собой, прыгнул с моста, чтобы разбиться об лед. А в это время по низу ехал парень и вез покойника-старика, который только что у него прямо в санях скончался.

— Володя, кажется, старик был живой, — поправила Крупская.

— Есть разные варианты, Надюша, этот больше в тон всей сказке, — ответил Ленин. И продолжал: — Бедняк-то и упал как раз на него. Парень в крик: «Убийца! Убить тебя самого!» И теперь уже вчетвером едут к Шемяке. Ясно, дела у бедного плохи. Завязал он в платок гирю чугунную и на суде издал показывающий Шемяке: вот, мол! А тот по-своему определил: солидная взятка ему предлагается. И выносит по очереди приговоры. По иску богатого брата. Оставить в наказание бедному лошадь до тех пор, пока у нее заново не вырастет хвост. По иску попа. Отдать бедняку попадью, пока у нее от бедняка не родится ребенок. По иску парня. Должен парень убить бедняка, но только тем способом, каким тот «задавил» старика, то есть прыгнуть на него с моста. Богач почесал в затылке, а лошадь отдал. Поп за попадью триста рублей бедняку отвалил. Струсил прыгать с моста и парень, тоже крупными деньгами откупился. Едет обратно бедняк веселый, посвистывает. Вдруг догоняет его посыльный Шемяки. «Ты, — говорит, — судье большой узелок показывал. Ну-ка, гони ему эти денежки!» Бедняк платок развязал. «Вот, — говорит, — чего приготовил я ему — гирей по лбу дать, ежели судить он станет неправильно. Могу вернуться и дать! Потому что суд-то его был неправильный». Перепугался посыльный, поскакал обратно. Да и снова бедняка догоняет, ему же кучу денег везет. «За счастливое свое избавление

от смерти, — говорит, — тебе Шемяка послал». Вот так!

Дубровинский расхохотался. Крупская тоже прыскала в платочек, очень уж темпераментно изображал Ленин всю эту забавную историю с Шемякиным судом.

— Право, остроумен народ русский, — отсмеявшись, проговорил Дубровинский. — Сколько тут изящных поворотов!

— А вы, Иосиф Федорович, обратите внимание на главное, — сказала Крупская. — Как наказывается народом несправедливость. Хотя ты и в мою пользу судил, а неправильно — все равно в лоб получаешь!

— И еще одна изюминка, — добавил Ленин. — С чего все началось? С жадности богатого: лошадь бедняку ссудил, а без хомута. Словом, если Александр Александрович мне свою философскую лошадь хочет подсунуть без хомута, а потом тащить на суд к Шемяке — подставляйте тогда свои свинцовые лбы, любезные! От меня ни попадье, ни деньгами не откупитесь!

Надежда Константиновна расставляла чашки с прохладной простоквашей, присыпала ее корицей, сахарным песком. Вдруг спохватилась:

— Да, а я совсем и забыла вам рассказать. Принесли письмо от Людмилы Менжинской. Из Питера.

— Что же пишет «Милая-людмила»? — спросил Ленин.

— В общем, все прекрасно. Она ведь никогда не унывает. Вячеслав Рудольфович после того, как сбежал от военно-окружного — не Шемякина! — суда и уехал из Финляндии, укрывается где-то в тинистой, самодовольной Бельгии. Мечтает перебраться в Женеву...

— Надюша, тогда следуют добавлять: в райскую Женеву, — с легкой иронией вставил Ленин.

— Хорошо, буду добавлять. Вера по-прежнему в питерской «военке». Только очень уж зажата сыщиками «военка», поодиночке поли-

ция людей все время выхватывает. Видимо, внедрился ловкий провокатор...

— Эту мерзость в помойных ямах надо топить! — в сердцах вырвалось у Ленина. — Так. Ну а что же лично о себе сообщает наша «Милая-людмила»?

— О себе? Ничего. Ее правило: пишу — следовательно, жива. И следовательно, весела, здорова. Но вот об Иноке нашем десятки вопросов. Я вам покажу это письмо, Иосиф Федорович. Отвечайте на него сами.

— Вопросы не мне заданы, Надежда Константиновна, с какой стати я буду отвечать, — сказал Дубровинский.

— Э, батенька, это уже казуистика! — рассмеялся Ленин. — Лучшая информация — из первоисточника. А Людмиле Рудольфовне я покровительствую, она моя особая симпатия. Если бы эти десятки вопросов ею были заданы обо мне, я бросил бы все на свете и немедленно засел бы за ответ. Да, да! И вы, не вставая, садитесь! Надюша, принеси, пожалуйста, письмо. А за обед тебе — большое-пребольшое спасибо!

Он поднялся и стал расхаживать по комнате, засунув руки в карманы. Временами задерживался у окна и задумчиво оглядывал улицу. Там снова пробрызгивал реденький дождь и шевелил вершины безлистных деревьев. Пролетела небольшая стая каких-то серых птиц. Они расселись под карнизами крыши ближнего дома, прицепившись к лепным украшениям стен.

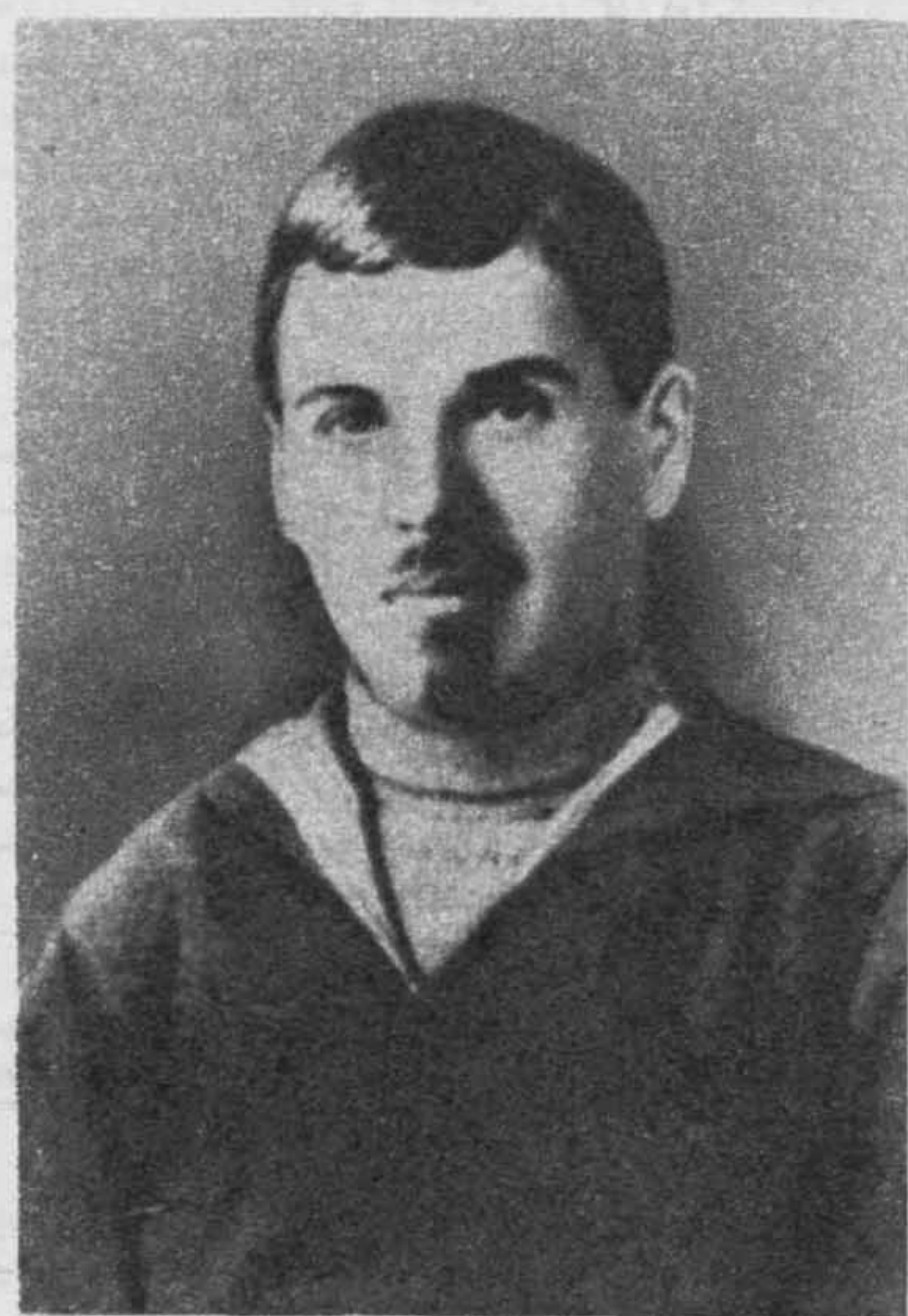
— Надюша, я помогу тебе, — сказал Ленин, — а потом, под вечер, вместе с Иноком сходим все в «Ландольт».

— И опять бессонная ночь? — сказала Крупская.

— Да, но кое-какие мысли для будущей книги мне хочется проверить в остром споре. Ночей же впереди у меня еще миллион!

Крупская только немо развела руками. А Владимир Ильич, скосив взгляд на Дубровинского, углубившегося в чтение письма Менжинской, осторожно составил в стопку тарелки и понес их на кухню.

БОЕЦ РЕВОЛЮЦИИ, БОРЕЦ ЗА МИР

Николай Григорьевич Маркин.

Есть в Кронштадте Флотская — бывшая Павловская — улица. На ней до революции находилась казарма минного отряда. Теперь у этого здания установлен бюст, на постаменте которого высечено: «Н. Г. Маркин. 1893—1918». В старом Питере, на Петроградской стороне, была Олоонецкая улица, в современном Ленинграде она носит имя Николая Маркина. Такая же улица и в городе Горьком. Память о матросе-революционере хранят города и села Верхнего Поволжья, Прикамья.

Со всеми этими местами связана короткая, но яркая жизнь героя гражданской войны Николая Григорьевича Маркина. 20 мая нынешнего года ему исполнилось бы 80 лет. Выходец из крестьянской бедноты Пензенской губернии, он в 1914 году был мобилизован на флот. Попав в казарму на Павловской улице, матрос минного отряда прошел в Кронштадте крепкую революционную школу, а в 1916 году навсегда соединил свою судьбу с ленинской партией. С той поры матрос-большевик на переднем крае борьбы. Петроградская сторона не случайно сохранила его имя, на ее улицах он с оружием в руках боролся за победу Октября. Память, живущая о нем в Поволжье и Прикамье, — след героической деятельности Маркина, одного из организаторов и боевых руководителей знаменитой Волжской военной флотилии.

Но Маркин шагнул в бессмертие не только как герой борьбы с интервентами и белогвардейцами. Еще до этого его фамилия по праву вошла в историю советской внешней политики, ленинской политики мира.

Он был в числе тех, кому сразу после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Советское правительство поручило овладеть положением в бывшем министерстве иностранных дел. Зловещей тишиной встретило пришествие здание министерства на Дворцовой площади, 6. Его кабинеты пустовали — чиновники, прихватив ключи от сейфов и шифры, скрылись. Но красногвардейцы и революционные матросы уверенно расположились в здании, заняли посты у входов в бронированные комнаты, где в несгораемых шкафах хранились секретные договоры и другие документы, скрывавшие от народов тайны мировой империалистической войны.

«Вопрос о мире есть жгучий вопрос, большой вопрос современности», — так начал В. И. Ленин доклад о мире на Втором Всероссийском съезде Советов. Тогда же, 26 октября (8 ноября) 1917 года, в заключительном слове по этому докладу он подчеркнул: «Тайные договоры должны быть опубликованы».

Через две недели указание Владимира Ильича было выполнено. 10 ноября у газетных киосков выросли очереди — «Правда» и «Известия» начали печатать секретные документы, поступившие с Дворцовой площади, 6. Немалая заслуга в этом принадлежит революционному матросу Н. Г. Маркину. Были найдены ключи

от сейфов, привлечены шифровальщики, переводчики. Маркин вскрыл министерские шкафы и отыскал зашифрованную корреспонденцию. «Товарищ Маркин, — вспоминает один из тогдашних сотрудников Наркоминдела, — поразительно деятельный и энергичный, находил время проникать во все углы и закоулки министерства, отыскивать всякого рода бумаги, письма и фотографии».

Самонатчики сразу взяли расшифрованные документы в редакции газет. Однако публикации в периодической печати не могли охватить все документы, дать их систематическое изложение. Поэтому уже в ноябре под руководством Маркина началась подготовка документальных сборников. Менее чем за два месяца — в конце 1917 — начале 1918 года — увидели свет семь сборников, включившие около 130 документов.

В. И. Ленин дал высокую оценку публикации тайных документов. 22 ноября (5 декабря) 1917 года он заявил: «Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры... Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню... Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру».

Ленинский курс на решительное противодействие империалистической политике войны и агрессии, на разоблачение и срыв замыслов, враждебных делу мира, и сегодня является одной из основ советской внешней политики. «Наша внешняя политика, — отметил товарищ Л. И. Брежнев в докладе о 50-лети СССР, — была, есть и будет классовая, социалистической по своему содержанию и целям. И как раз социалистический характер этой политики определяет ее миролюбие... От первого внешнеполитического акта Советской власти — Декрета о мире до Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, наша партия и государство пронесли преемственность главных направлений борьбы за мир, свободу и безопасность народов».

25-летний матрос Николай Маркин героически погиб в боях на Каме незадолго до первой годовщины Советского государства. Имя его по праву осталось в нашей истории.

Д.М. ШЕЛЕСТОВ,
кандидат исторических наук

Председатель Президиума
Верховного Совета Молдавской ССР
К. Ф. ИЛЬЯШЕНКО

КРУГ БОЛ

ВОПРОС. В последние годы законодательно расширены права местных Советов в хозяйственном строительстве. В какой мере местные Советы Молдавии используют эти права?

Ответ. Я знаю, что корреспонденты «Огонька» в эти дни побывали в Вулканештском районе и знакомились там с многогранной деятельностью депутатов сельских и районных Советов. Публикуемый журналом репортаж в какой-то мере является ответом и на ваш вопрос. Мне хочется отметить здесь самое главное: круг забот местных Советов значительно расширился, заметно повысилось их влияние на подъем экономики села. Я не сторонник порою механически устанавливаемого знака равенства между процентами роста производства и уровнем работы, скажем, исполкома райсовета. Но мне отрадно отметить, что если в Вулканештском районе в 1972 году получили рекордный для тех засушливых земель урожай зерновых — 35,5 центнера с гектара, — то есть тут и весомый вклад народных избранников местных Советов, работавших под руководством партийных организаций. Это ощущение твоей причастности к успехам трудового коллектива колхоза или совхоза, завода или фабрики дано испытать многим депутатам местных Советов.

Вот, скажем, Старо-Саратенский сельсовет Теленештского района. На его территории расположено крупное многоотраслевое хозяйство — колхоз «Виктория», занесенный в Золотую книгу почета Молдавской ССР. Когда знакомишься с деятельностью депутатов и исполкома сельсовета, то не можешь не порадоваться тому, как вдумчиво, со знанием дела они вникали в экономику колхоза. На одной из сессий депутаты весьма обстоятельно проанализировали, в какой мере колхоз рационально использует земли, не остаются ли вне поля его зрения богатства, лежащие рядом. Разговор разговором. А результаты? Что дали рекомендации местного органа власти? За счет болот посевной клин был расширен более чем на двести, а пастбища — на сто с лишним гектаров. Годами пустовали земли вокруг животноводческих ферм, складских помещений. Теперь их распахали, здесь выращивают кукурузу и бобово-злаковые травы на корм скоту. Постоянная сельскохозяйственная комиссия Совета во главе с депутатом И. А. Герчиу заинтересовалась использованием земель в садово-огородной бригаде. Оказывается, что тут зря пустуют участки, которые когда-то были освобождены от кустарника, участки кем-то легко «списанных» виноградников. Были и споры, кое-кто косился на непрошенных учителей. Но так или иначе земли эти были засеяны.

Или вот другой район. Вы были на последнем заседании Президиума Верховного Совета республики и слышали, с какой требовательностью обсуждался доклад председателя исполкома Фалештского райсовета тов. И. Тобултоа.

ВОПРОС. На собрании республиканского партактива руководителей Фалештского района резко критиковали за невыполнение плана производства мяса. Не этим ли обстоятельством было

вызвано обсуждение работы местных Советов района на Президиуме Верховного Совета республики?

Ответ. Нет, тут случайное совпадение во времени. Но, естественно, мы не могли не обратить внимания исполкомов Советов района на меру их ответственности за срыв плановых заданий по производству мяса. Ведь все возможности для их выполнения были.

В Фалештском районе хорошо развита экономика. И народные избранники не раз проявляли там активность в делах хозяйственных. Есть в этом районе в колхозе имени 50-летия Октября большой мастер высоких урожаев кукурузы и свеклы, коммунист, депутат сельсовета М. Андриешу. Ершистый человек. На сессиях сельсовета не раз звучало его гневное слово: «Не так дело ведем... С наукой мало считаемся». И тут же предложение: «Надо смелее внедрять новую технологию выращивания сахарной свеклы, рекомендованную Киевским научно-исследовательским институтом». У себя в бригаде он свеклу выращивает уже по-новому. И получает рекордные урожаи. Но депутата волнует судьба колхоза в целом. И об этом он вел разговор на сессии сельсовета.

В деятельности местных Советов района оказалось немало слабых звеньев, помешавших, в частности, и тому, чтобы вовремя предотвратить срыв задания по производству мяса. Да и не только этого задания.

Заинтересовались хозяйственно-финансовой деятельностью комбината бытового обслуживания населения. И выявили серьезные нарушения государственной дисциплины. 50 из 57 мастерских не выполнили годовые задания. Да и выполнялись они не всегда за счет расширения количества услуг и улучшения их качества. Некоторые руководители план выполняли за счет продажи махровых полотенец по завышенной цене (от покупателей незаконно получили более 5 тысяч рублей), за счет продажи строительных материалов без производства строительно-монтажных работ. За все это исполком райсовета должен был держать ответ.

ВОПРОС. При обсуждении доклада председателя исполкома Фалештского райсовета среди многих проблем колхозной экономики как-то выделась проблема трудовых ресурсов. Что, это наиболее острая проблема?

Ответ. В республике она выделяется не столько своею остротой, сколько важностью. Встречаются у нас руководители местных Советов, на мой взгляд, не очень глубоко вникающие здесь в суть дела, они всю вину вают на молодежь, пытаются все объяснить ее несознательностью. Другие видят источники зла лишь в том, что на селе нет Дома культуры, танцев, кино, службы быта. Не отрицая большого значения всего этого для решения проблемы сельских кадров, хотелось бы обратить внимание — и на заседании Президиума Верховного Совета мы об этом говорили — на другое, куда более важное обстоятельство. Домов культуры, кинотеатров, коллективов художественной самодеятельности в молдавских селах немало. Но парень, окончивший школу, хочет,

чтобы ему дали работу в какой-то мере эквивалентную сумме приобретенных им знаний. Он хочет иметь дело с техникой, машинами, хочет почувствовать, что не зря учился. А нередко паренька с дипломом о среднем образовании заставляют изо дня в день ковыряться в земле лопатой. Это, кроме всего прочего, унижает его, стыдно перед друзьями, перед девушками... Вот он и уходит в город. Надо заинтересовать сельскую молодежь техникой, механизацией ферм. В решении проблемы сельских кадров сейчас уже играет первенствующую роль не заработок, а культура труда. И, конечно, обязательно надо позаботиться о клубе, о кино, о бытовых условиях жизни трудящихся села, условиях, приближающихся к городским.

Мне представляется, что именно здесь обширнейшее поле деятельности местных Советов. Именно тут стыкуются их культурно-бытовые заботы с экономическими. Помочь молодежи получить высокую квалификацию, создать наиболее благоприятные условия жизни для тех, кто борется за напряженные планы, за высокие обязательства в социалистическом соревновании, — в этом, пожалуй, одна из наиболее сильных сторон деятельности местных Советов, когда речь идет об их ответственности за экономику.

На селе мера этой ответственности должна еще больше возрасти в связи с важным новшеством в руководстве сельскохозяйственным производством Молдавии. Впервые в стране в порядке эксперимента у нас начал действовать избранный съездом колхозников республиканский Совет колхозов. Он наделен большими правами и обязанностями: у него распорядительные, снабженческие, заготовительные, финансовые, плановые функции. Он несет полную ответственность за хозяйственную деятельность всех колхозов Молдавии. Образно говоря, создан «республиканский колхоз». Советы колхозов имеются уже и в районах. В сфере деятельности исполкома появился теперь Совет колхозов, высококвалифицированный, располагающий большими возможностями влиять на сельскую экономику.

ВОПРОС. Для Молдавии традиционно соревнование городов. Как оно сказывается на работе их заводов, фабрик?

Ответ. В свое время Владимир Ильич Ленин указывал, что «организация соревнования должна занять видное место среди задач Советской власти в экономической области». Ленинский завет успешно претворяется в жизнь. И особенно активно в нынешнем году, в связи с теми большими задачами, которые партия поставила перед советскими людьми в третьем, решающем году пятилетки. Многие избранники народа заняли место в ряду правоплановых. Они сами показывают пример и других увлекают. Я мог бы, например, сослаться на прекрасный почин депутата Бендерского горсовета Героя Социалистического Труда В. Фирсовой, бросившей клич: «Восьмичасовую норму — за семь часов!»

Но соревнование, заинтересовавшее вас, охватывает целые города, а значит, множество

ЫШИХ ЗАБОТ

предприятий. Оно действительно традиционно. Но, увы, не всегда носило подлинно состязательный характер. Сказывался формальный подход к его организации. В договоре на соревнование были записаны чрезвычайно важные технико-экономические показатели работы заводов, фабрик. Но горсовет (не формально, а практически) не мог нести ответственность за их невыполнение и лишь формально мог принимать поздравления по случаю их перевыполнения. Жизнь заставила пересмотреть этот договор. В нем появились такие обязательства, за которые может и должен отвечать исполком горсовета. А самое главное, у него появились права, которые позволяют ему активно вникать в экономику предприятий.

Начали действовать и чисто экономические рычаги. В формировании доходной части местных бюджетов не последнюю роль играют отчисления от прибыли предприятий, как непосредственно подчиненных Совету (местная промышленность тут на положении первой скрипки), так и министерствам. Мера интенсификации экономики этих предприятий определяет и меру роста доходной части местного бюджета. Вот тут и начинается то, что принято называть прямой заинтересованностью. Скажем, исполком Тираспольского горсовета весьма внимательно исследовал резервы промышленности, роста прибыли, дополнительного выпуска товаров народного потребления из экономленного сырья и материалов. Резервы были найдены с помощью широкого круга специалистов, привлеченных исполкомом. И вот результат: предприятия местной промышленности внесли в бюджет свыше ста тысяч рублей сверх плана. Все они были оставлены в распоряжении горисполкома и направлены на нужды города. А ведь от сверхприбылей в бюджет Совета отчисляют не только предприятия местной промышленности. Так успехи промышленности города сказываются на улучшении быта его горожан.

Недавно были подведены итоги соревнования наших городов. Первое место занял город Бендеры.

ВОПРОС. Нельзя ли чуть подробнее рассказать о победителе?

Ответ. Все познается в сравнении. Незадолго до того, как Бессарабия воссоединилась с Советской Молдавией, газета «Бессарабская жизнь» опубликовала статью с красноречивым заголовком «Столица несчастных». Это о Бендерах с ее обездоленными восемнадцатью тысячами жителей. «В городе, как на кладбище,— писала газета.— На стенах и крышах домов явственная печать медленного и верного разрушения. Несколько десятков человек на главном проспекте, несколько торговцев у кафедрального собора — вот и все, что можно встретить на улицах города. И лишь изредка постоянный покой кладбища нарушает далекий гудок паровоза». Побывайте в Бендерах сегодня, и не только на главном проспекте, но и на окраинах, и вы сразу же ощутите кипучую, интересную жизнь девяноста тысяч горожан, хозяев больших предприятий тяжелой, легкой и пищевой индустрии, хозяев, по существу, заново отстроенного, утопающего в зелени, чи-

стого, умно спланированного города, где по-настоящему заботятся, чтобы людям тут было легко, удобно жить, работать, учиться, приятно отдыхать.

Но вернемся к итогам соревнования городов. Когда они оглашаются, то порой раздается недоумевающий вопрос иного недалекого хозяйственника: «Позвольте, постановление о присуждении переходящего Красного знамени начинается с перечня процентов перевыполнения заданий по реализации продукции, росту производительности труда и т. д. и т. п. Но при чем тут горсовет? Наш завод подчинен министерству...»

Это — глубокое заблуждение. Ведь среди депутатов горсовета — передовики производства, руководители крупнейших заводов и фабрик города. А главное — новые заботы исполкома горсовета, его новые широкие права и обязанности, связанные с развитием экономики предприятий города, независимо от того, какому министерству они подчиняются. Сначала активное вторжение депутатов исполкома в экономическую сферу вызывало у некоторых хозяйственников снисходительную улыбку: ваше дело, мол, коммунальное хозяйство, здравоохранение, служба быта... А тут уж мы сами разберемся. Но вскоре стало ясно — разговор предстоит серьезный и придется отвечать на некоторые «почему?». Почему, например, кое-где не очень разумно используются фонды социально-культурного развития, да и с формированием самих фондов не все ладно. Изучая положение дел на предприятиях города (с тем, чтобы потом поставить вопрос на сессии), исполком горсовета, его постоянные комиссии, привлеченные ими специалисты обнаружили, что на заводе «Молдавкабель» часть оборудования еще не была установлена. Это сказалось на рентабельности, а значит, и на формировании поощрительных фондов. На заводе «Электроаппаратура» велики были непроизводительные расходы, на молочном комбинате — заниженный план. Все это, конечно, не могло не отразиться на отчислениях и в фонд социально-культурного развития.

Разговор на сессии горсовета был острый, деловой. Исполком горсовета в течение длительного времени требовательно проверял, как выполняется решение, принятое сессией, рекомендации, высказанные депутатами.

Вот и ответ на вопрос того недалекого хозяйственника, который иронически скажет по поводу «процентов»: «А при чем тут горсовет?»

Но это еще не весь ответ. А вся повседневная деятельность исполкома горсовета, его заботы об условиях жизни, отдыха рабочих и служащих тех же заводов «Молдавкабель», «Электроаппаратура», текстильно-ткацкой фабрики, шелкового комбината? Я не стану приводить здесь цифры. Замечу лишь, что все это весьма крупным слагаемым вошло в сумму успехов, которые обеспечили Бендерам первое место в соревновании городов. Само собой разумеется, что это «крупное слагаемое» будет более крупным там, где под руководством горкома партии горсовет сумеет разумно скоординировать усилия предприятий, учреждений города для решения трудных проблем житья-бытья

всех горожан. Именно это во многом и определило победу Бендер.

ВОПРОС. Вы говорили о координации местными Советами усилий предприятий, учреждений района или города. Не приходится ли здесь встречаться с явлениями узковедомственного подхода к решению задач, выходящих за пределы одного ведомства?

Ответ. Увы, приходится. Правда, все реже и реже. В одном случае сказывается мелкое честолюбие: «Кто здесь хозяин?». В другом — непонимание новых задач, поставленных перед местными Советами. Иной директор весьма болезненно воспринимает намерение исполкома Совета проанализировать, скажем, сколько рационально используются на предприятии материальные, финансовые ресурсы: «Что вы понимаете в экономике? Без вас разберемся!» А иной на просьбу исполкома Совета помочь элементарно благоустроить микрорайон, где живут рабочие этого завода, коротко и решительно заявляет: «Это ваша забота». Я знаю хороших директоров предприятий, которым горком партии, исполком горсовета вынуждены напоминать: «Вы же должны уважать свой город!» А речь-то идет иногда о пустяках, об использовании уже ненужных заводу материалов, отходов производства для благоустройства улицы близ завода.

Конечно, многое зависит и от разумного учета возможностей предприятия, от опыта, деловитости, культуры председателя исполкома, его авторитета, который, как известно, завоевывается делами и приказом не устанавливается. А самое главное — правильное руководство местных партийных органов, которые должны и больше требовать, и больше доверять, смелее поддерживать инициативу исполкома Совета в решении многих вопросов.

Нельзя не считаться с тем, что год от года среди депутатов местных Советов растет число людей с высшим образованием, с высокой культурой, с большим опытом работы. Они способны квалифицированно решать многие сложные вопросы хозяйственного и культурного строительства, готовы нести полной мерой ответственность за порученные им дела. И не нужно, как говорится, подрезать им крылышки.

Из 5 710 депутатов районных и городских Советов, избранных в Молдавии в 1971 году, 4 352 имеют высшее и среднее образование. Надо полагать, что и во вновь избранные местные Советы придет много новаторов производства, передовых инженеров, агрономов, учителей, врачей, деятелей науки и культуры.

В Молдавии, как и во всех других республиках страны, названы имена людей, достойных быть народными избранниками в местные Советы. Это и к ним обращены слова, сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в его речи перед избирателями: «...Местные органы власти призваны взять на себя значительную долю работы по практическому выполнению решений XXIV съезда нашей партии. В этом сегодня и должен состоять главный вклад Советов в укрепление и развитие нашего нового, социалистического образа жизни».

ГРОЗЫ И САМОЛЕТЫ

Весной в Воейкове буйно цветет сирень. Пожалуй, во всех окрестностях Ленинграда нет такой дурманящей, бархатистой махровой сирени. Незапыленной листвою гордится молодая березовая роща. Ее сажали, когда тут, недалеко от знаменитых Колтушей, еще только строилась научная база Главной геофизической обсерватории Гидрометеослужбы СССР.

А сейчас Воейково перестраивается заново. Составлен проект нового научного городка с первоклассными лабораториями, комфортабельными жилыми домами. Но строительство — дело будущего, а научные работы полным ходом идут и теперь.

На экране прибора виден зеленоватый всплеск.

— Над Индийским океаном разразилась гроза, — объясняют нам.

Гроза... Это слово таит в себе тревогу, опасность. Гроза... Она бушует постоянно над одной шестисотой частью земного шара. Каждую секунду более ста молний пронзают небо. Однако это сложное, опасное явление до конца не разгадано. В грозовое облако не влезешь, молнию руками не пощупаешь.

И все же ученые пытаются понять, как устроено грозовое облако, по каким законам живет, как можно предотвратить грозу, а как, наоборот, вызвать ее искусственно.

В Воейкове, на экспериментальной базе Главной геофизической обсерватории, находится единственная в Советском Союзе лаборатория атмосферного электричества, которая ведет исследования по широкой программе.

Руководитель лаборатории В. П. Колоколов находился в командировке, и с работой нас знакомил его заместитель Тихон Васильевич Лабодин.

Работа ученых, изучающих атмосферное электричество, героична в своих каждодневных, будничных проявлениях. На самолете «Ту-104» № 42403, превращенном в исследовательскую лабораторию, Лабодина и другим сотрудникам отдела не раз случалось попадать в трудное положение. Например (это случилось на Дальнем Востоке), самолет-лаборатория начал облет грозового облака. И как раз в это время разразилась гроза. Чтобы уйти от нее, пилот решил перевалить через облако, но попал в нисходящий поток. Почти три километра камнем падал самолет вниз: исследователи почувствовали все «прелести» невесомости, их сорвало с кресел, прижало к потолку... Летчик чудом посадил машину, спас жизнь ученым. Но не будет преувеличением сказать, что и их исследования, приборы, созданные ими, тоже

спасли не один самолет от грозовой опасности.

Взять хотя бы наземный пеленгатор гроз. Он помогает своевременно обнаружить это опасное явление. Три таких пеленгатора уже несут службу в аэропортах нашей страны и сберегли государству немало средств. А как выразить в деньгах спасение самолетов от аварий, спасение человеческих жизней? Нет еще электронно-вычислительной машины, способной подсчитать такую «экономию».

...Между двумя серебристыми стенами установлена модель самолета. Идет изучение электризации машин.

Люди давно заметили: если человек, поднявшийся высоко в горы, проходит сквозь облако, то вокруг него вспыхивают искры. А вы представляете, как заряжается самолет при современных скоростях движения? Ночью порою кажется, что за машиной тянется сиреневое вуальное покрывало. Искры создают шум, радиоприборы глохнут. И вдруг... удар молнии.

Как это случилось? Ведь облако было негрозовым? Дело в том, что самолет может вызвать молнию из облака, даже если оно и негрозовое. Образно говоря, облако в этом случае напоминает стог сена. Само по себе сено не загорится. А вот если поднести к нему зажженную спичку... Нечто подобное происходит, когда машина врывается в облако с огромной скоростью.

Чтобы этого не произошло, ученые изучают свойства облаков и свойства самолетов, узнают наиболее уязвимые места, куда любит попадать молния. Вы, вероятно, замечали на крыльях машин приборы, похожие на кисточки? Это электрические разрядники, заставляющие «стекать» лишнее электричество. Правильно расставлять разрядники учатся на моделях, живущих по тем же законам, что и настоящая машина.

В грозовом облаке происходят сложные явления, которым теория еще не может дать строгого толкования. Достаточно назвать молнии. Ведь чтобы при лабораторном эксперименте пробить

слой воздуха в один сантиметр, нужно напряжение в тридцать киловольт. А в атмосфере это происходит при одном киловольте. Задача ученых — объяснить подобные парадоксы.

Знакомая с работами исследователей, понимаешь: чем быстрее развивается техника, тем зависимее делается человек от природы. Пещерному жителю был не нужен молниеотвод. Человек, поставивший над своим жилищем первый молниеотвод, не думал об его защите: ведь тогда не было высоковольтных линий электропередач. В восемнадцатом веке никого бы не взволновало известие, что существуют радиопомехи, а сейчас этот вопрос вызывает живой интерес каждого радиолюбителя. Даже из истории нашего многоопытного двадцатого века, умеющего заглядывать вдаль, таких примеров можно отыскать немало.

Природу не надо покорять. Покоряют врага, а природа — союзник человека, ее надо изучать, исследовать, умело пользоваться ее уроками.

Это и делают сотрудники обсерватории. Я. М. Шварц создал установки для измерения напряженности электрического поля. Прибор действует не только вблизи Земли, но и за сотни километров от нее. А вместе с Б. Ф. Евтеевым они разработали аппаратуру для исследования электризации самолетов, ту самую, которую мы видели в лаборатории.

ТЕНИ ПРОГРЕССА

Раннее ленинградское утро. В аэропорту Смольный готовится к вылету вертолет «МИ-1». Старшие инженеры лаборатории по разработке контроля загрязнения атмосферы Борис Вдовин и Сергей Коньков заботливо готовят вертолет в путь: обряжают его самой разнообразной аппаратурой. Одни приборы измеряют метеорологические характеристики: температуру, влажность, давление, направление и силу ветра, другие — содержание в воздухе пыли и газов: сернистого, угарного, окислов азота...

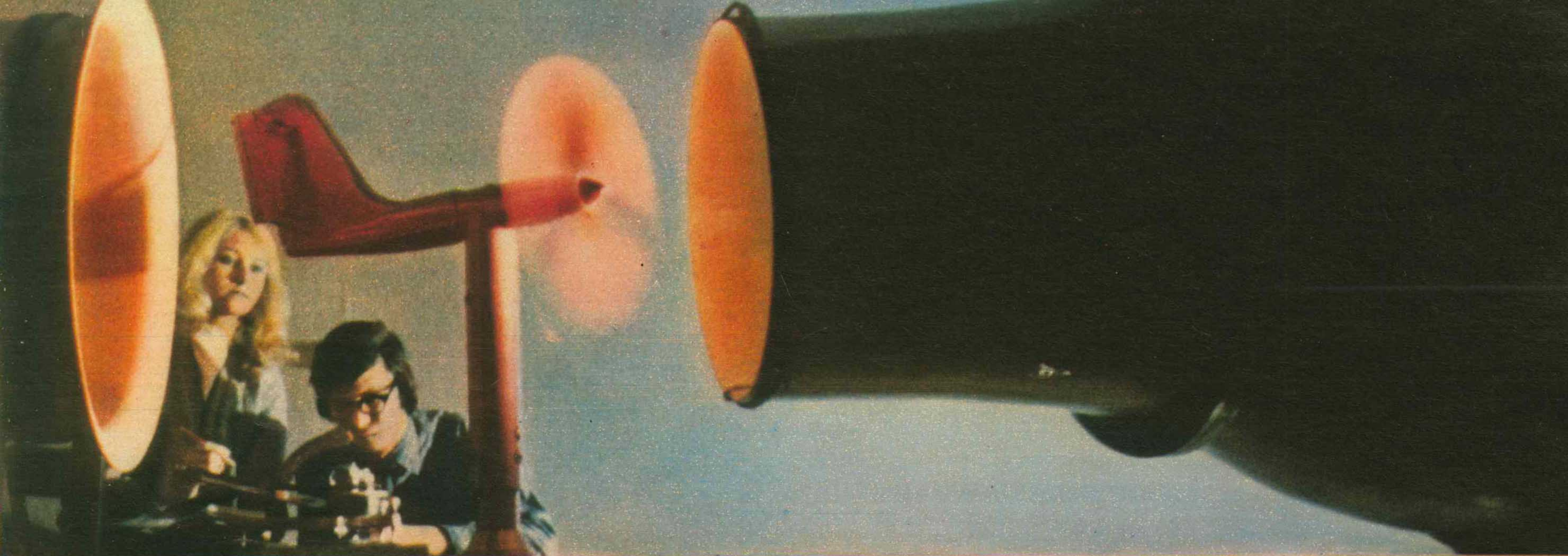
Приборы, измеряющие скорость и направление ветра, сначала тщательно проверяются в аэродинамической трубе. На снимке: сотрудники ГГО Ольга Клименкова и Валерий Ступень.

Старший инженер Центральной лаборатории поверки гидрометеоприборов Борис Куров.

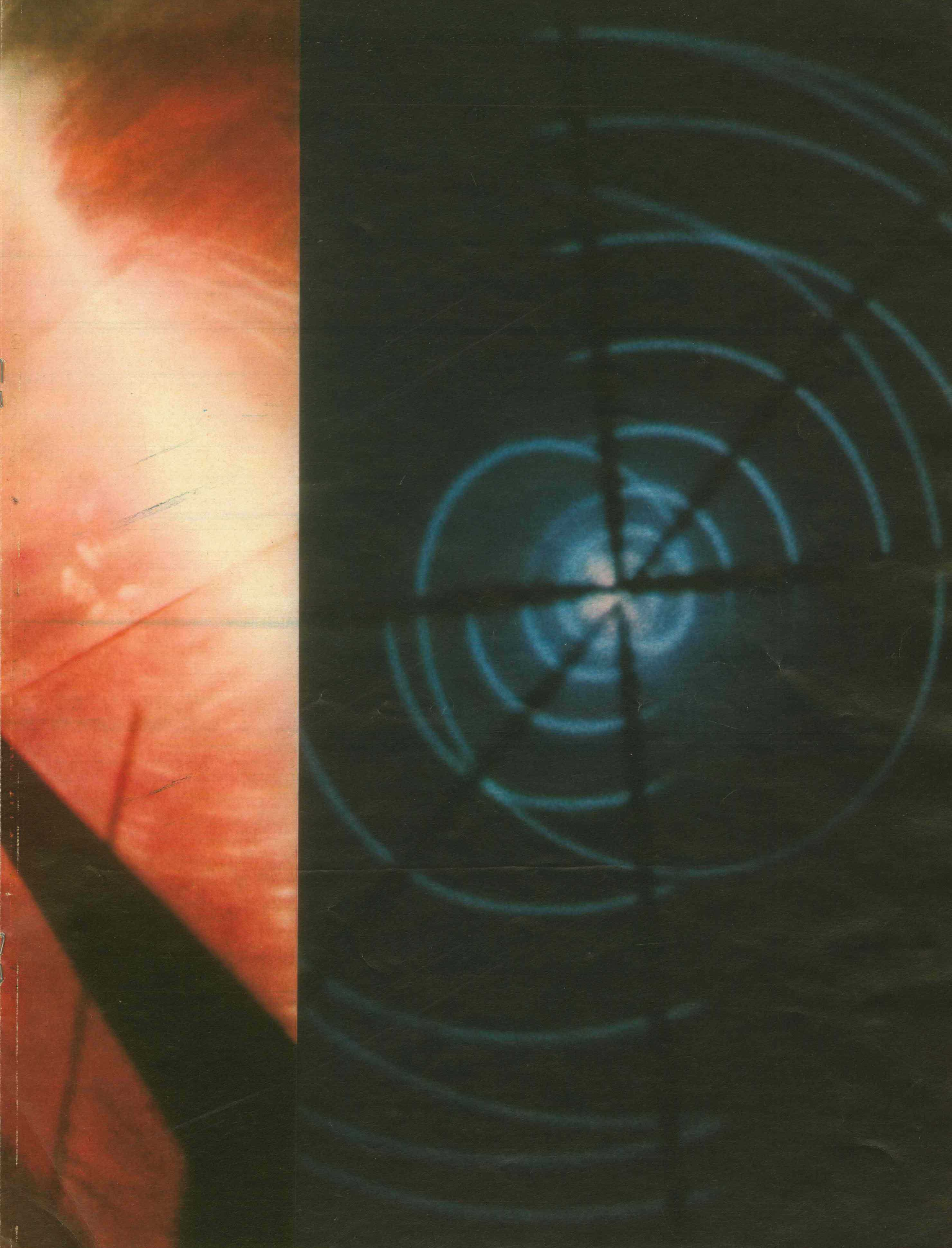
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

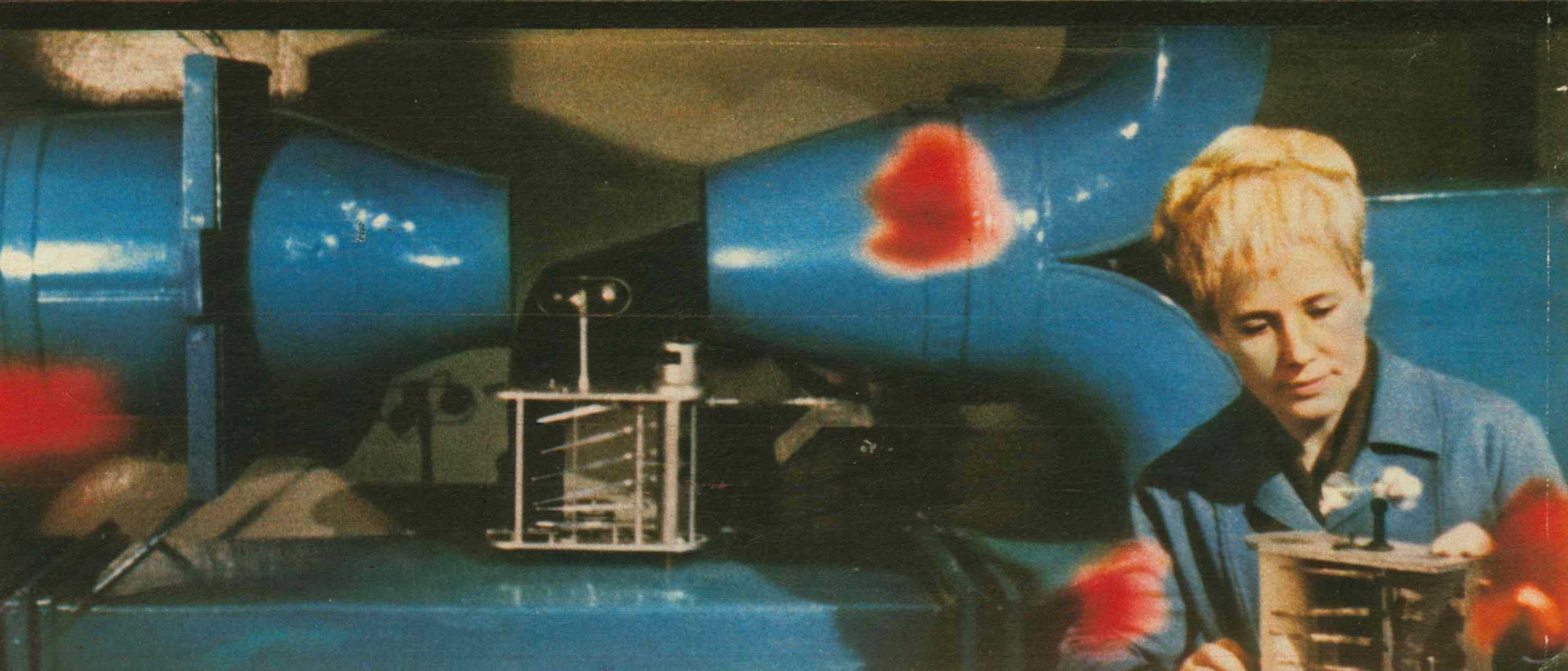
Как распределяется электрический заряд на поверхности самолета? Сотрудник лаборатории электричества свободной атмосферы В. Рубан исследует это на модели машины.

Такая зеленоватая вспышка говорит ученым, что за много сотен километров разразилась гроза.

Чтобы понять, как важны эти исследования, вспомним несколько печальных фактов.

Лондон. Декабрь 1952 года. Пять суток над городом стоял смог. Лондонцам он обошелся в четыре тысячи человеческих жизней: умирали сердечники, люди с болезнями легкими. «Аналогичная картина наблюдалась лишь во время последней холерной эпидемии в 1866 году», — писали английские газеты.

В ФРГ в окрестностях металлургических заводов воздух насыщен мышьяковистыми соединениями и металлической пылью.

США. На расстоянии семнадцати километров от свинцовоплавильных заводов засыхают деревья, перестают расти цветы.

Двести пятьдесят миллионов автомобилей во всем мире непрерывно выбрасывают в атмосферу окись углерода, соединения свинца и другие крайне вредные для

ТЭЦ. Вертолет летит вдоль факела, затем поворачивает, возвращается к трубе и зависает над ней. А внизу по ленинградским улицам к тому же объекту движется машина с такими же приборами: одновременно идет сбор информации на земле и над землей. Это необходимо ученым, чтобы познать закономерности распределения примесей в атмосфере. Подобные работы вместе с теоретическими исследованиями позволят найти допустимые нормы загрязнения, превышение которых должно караться законом. Такие нормы уже введены в нашей стране.

Рекомендациями Главной геофизической обсерватории (ГГО), как руководством к действию, пользуются конструкторы и строители. Например, известно, что на ТЭЦ концентрация выбросов в атмосферу зависит от высоты трубы: труба высотой в 200 метров соответствует 99 процентам очистки при трубе в 20 метров. Однако сейчас ученые доказывают, что увеличение высоты труб не выход, а лишь временная, вынужденная мера. Золу и свинец находят во льдах Гренландии, в далекой Антарктиде. Вот почему ученые выдвинули предложение ограничить высоту труб и настаивают на большей очистке, хотя это и очень дорого. Достаточно сказать, что полная очистка сернистого газа обходится дороже, чем сама ТЭЦ. И все-таки самое драгоценное на земле — люди, их жизнь, их здоровье...

В лабораториях ГГО совершенная техника: лазерные установки для изучения аэрозолей, электронные машины. Здесь впервые в мире на основании множества экспедиций в различные районы Союза проведен детальный расчет распределения степени загрязнения воздуха крупного города.

А сейчас начались очень интересные совместные исследования с американскими учеными по охране среды.

— Объединение усилий советских и американских ученых чрезвычайно полезно для обеих сторон, — говорит доктор физико-математических наук М. Е. Берлянд. — У нас, например, большие достижения в изучении физики атмосферы. У американцев неплохо с исследовательской техникой. Мы тоже разрабатываем новые приборы.

— Составлен план совместных исследований нашей обсерватории и Американского национального центра, занимающегося охраной среды. Для сравнительных работ мы выбрали два характерных города СССР и США — Ленинград и Сант-Луис. Оба города промышленные и интересные для метеорологов. Намечается первая встреча ученых.

Недавно из США в Ленинград пришло более 50 работ доктора Гиффорда и его коллег. А в США электронные машины перевели труды советских специалистов. Первая из них — книга профессора М. Е. Берлянда и члена-корреспондента АН СССР К. Я. Кондратьева «Города и климат планеты».

«ОБЛАКО» И ЕГО ПОТОМКИ

На Кубу доставили необычный груз. А вскоре в аэропорту «Хо-

се Марти», что в двадцати километрах от Гаваны, можно было увидеть группу советских специалистов, которая монтировала невиданное до этого устройство. И вот над аэропортом появилась идеально круглая сфера — советский метеорологический радиолокатор «Облако».

Погода на Кубе изменчива. То приветливо сияет безоблачное небо, то вдруг откуда ни возьмись на остров обрушиваются разрушительные ураганы. Чем раньше и точнее будет получена информация о наступлении урагана, тем меньше убытка понесет народное хозяйство. Новый радиолокатор собирает информацию и заблаговременно предупреждает о надвигающейся опасности.

Доктор Родригес, глава Института метеорологии Академии наук Кубы, отметил: прибором воссоздается не только общая картина облаков, но и их тонкая структура, что чрезвычайно важно метеорологам.

А создали этот прибор специалисты Главной геофизической обсерватории. Они обосновали физические параметры метеорологического радиолокатора и разработали основные принципы его построения. Но кто воплотит идею в металл? Никто из конструкторов не брался. И тогда они решили сами приняться за дело. Они не были конструкторами, и поэтому их первое детище весьма отдаленно напоминало современный метеорологический радиолокатор. И все-таки энтузиасты вывезли свой макет на ленинградский аэродром Шоссейное, поставили недалеко от взлетной полосы. Радиолокатор предупреждал о подходе облаков, находил свободные коридоры, когда, казалось, аэродром затянула сплошная облачность. Информация ученых была гораздо точнее существующего тогда прогноза, и к исследователям зачастили диспетчеры.

Сначала к подсказкам прибора относились недоверчиво. Каждое его «слово» (например, где находится кромка облаков или где свободный от них коридор) проверяли, поднимаясь на самолетах. Прибор не врал, а давал объективную, точную информацию...

Теперь у радиолокатора появились потомки, которые помогут в борьбе с градом, позволят определить количество выпавших осадков.

Но и это не полное решение вопроса. Обнаружить опасное для жизни людей и хозяйства страны стихийное явление еще не все. Надо сказать, когда оно придет в данный район, что принесет с собой, как будет развиваться.

Эту задачу будет решать новое поколение аппаратуры, опытные образцы которой уже показали себя с самой лучшей стороны в Кабардино-Балкарии. Новый прибор отличается от своих предшественников примерно так же, как знаменитая БЭСМ-6 от первых ламповых электронно-вычислительных машин: скоростью действия, совершенством конструкции, широкими возможностями для метеорологического анализа облаков.

В лабораториях Главной геофизической обсерватории не увидишь, как выглядят созданные учеными приборы. Там топорщатся проводами внешне некрасивые, растрепанные аппараты. Исследователи создают макеты, опять ищут новое.

АКТИВНАЯ ЛИРИКА

В последнем сборнике Василия Ноздрева преобладают лирические стихи о природе. Это одна из «вечных» тем мировой литературы. Но Василий Ноздрев нашел свой, особый подход к этой теме, поэтому его стихи не воспринимаются как перепевы давно известных мотивов, они своеобразны, обращают внимание своеобразным поэтическим трактовкой темы. Особенность пейзажной лирики Василия Ноздрева — в его умении взглянуть на природу как на мудрого учителя жизни.

В лирических стихах Василия Ноздрева поэтически раскрывается многообразие непосредственных, живых связей человека с природой, мудрость и воспитывающая сила «уроков-подсказок», которые поэт подмечает во множестве явлений: «в лесных письменах» («Уроки леса»), в шелесте зеленой травы («Травы»), в тоскливом крике одинокого журавля, отставшего во время перелета от стаи («Не опоздать!»), в буйном цветении молодой липы («Дедовская липа»).

Жизнь человека и природы поэт воспринимает как одно неразрывное целое. Счастливы влюбленные близостью друг к другу. Природа помогает им познать счастье любви и как бы закрепляет и облагораживает их союз. Многообразная ее жизнь — мудрая и целесообразная — помогает и самому поэту осмыслить чувство любви, жизнь и назначение человека, его призвание и место в природе и обществе.

В стихах Василия Ноздрева звучит мысль о доверии живой природы к человеку как разумному и сильному другу, способному созидать и творить добро.

Своего лирического героя — рачительного хозяина и доброго, разумного друга природы — поэт противопоставляет тем бездумно неряшливым людям, которые относятся к ней хищнически, нередко оправдываясь при этом производственными нуждами.

Так лирика активно врывается в нашу повседневную жизнь, в нашу действительность, взволнованно отзываясь на прекрасное и уродливое, восторгаясь и негодуя.

Особый (небольшой) раздел сборника составляют басни, но они, к сожалению, несколько слабее лирических стихов.

Лучшие произведения сборника свидетельствуют о своеобразии творческой индивидуальности Василия Ноздрева, о крепком мастерстве поэта.

С. ШЕШУКОВ

Василий Ноздрев. Лирика, сатира, юмор. Издательство «Московский рабочий», 1972.

Еще и еще раз проверяют метеоприборы старший инженер Н. Лобозина, техник И. Купрейко и старший инженер Ю. Рогалев.

Невский проспект в час «пик». Старший инженер отдела исследования атмосферной диффузии С. Коньков, сотрудники З. Махалова и Т. Чеснокова берут пробы воздуха.

Отдел экспериментальной геофизики. Здесь подготавливаются приборы для аэростатных исследований. На снимке: инженер-бортэролог Г. Тюлькова.

здоровья людей вещества. «Одно из двух: или люди сделают так, что в воздухе станет меньше дыма, или дым сделает так, что на земле станет меньше людей», — пишет американец Луис Дж. Баттан.

Таковы страшные тени прогресса. Для того, чтобы они не заслонили от людей плоды техники, работают исследователи.

Первый маршрут вертолета-лаборатории — в центр Ленинграда. Вертолет делает продольный разрез атмосферы, потом вертикальный. И везде чувствительными приборами берутся пробы воздуха.

Новый полет. На этот раз в район намеченной к обследованию

Красноштанов спустился к реке, прихватив куклы сетей, швырнул их в маленькую легкую лодчонку и, помедлив, будто бы решал, плыть ему или не плыть, все-таки столкнул лодку в воду и неуклюже забрался в нее.

Солнце высоко поднялось над тайгой. Из-за сопки потянуло жарким ветерком, который, усиливаясь, рябил воду в уловах, гнал волну на плесах и раскачивал верхушки деревьев.

Лена навела порядок в зимовье, скатала к реке и замочила бочки под рыбу, вычистила и вымыла всю посуду. Постирала заношенные, старые рубахи мужа, постель, заспанную до черноты, нарубила и поставила вдоль берега вешал.

Жара становилась нестерпимой, к потному

для любви и радости, для продолжения рода людского. Застыдившись тайги, она резко присела, и вода, пробежав по золотистой ложбинке на спине, перекинулась через плечи, заще-котала грудь, а снизу шевельнувшаяся прохлада как-то так тайно коснулась ее сосков, что Лене до отчаянного захотелось снова ощутить теплые ищущие губы ребенка.

Вымывшись и наплававшись, она долго еще стояла по плечи в воде, неотрывно глядя на тот берег в темно-зеленую, с нежными выплесками лиственок, глубину тайги. И уже когда вышла на косу, когда сгоняла жесткими ладонями воду, лаская ими, тяжелыми, свое тело, вдруг ощутила рядом присутствие человека. Лена оглянулась. К ней, чуть наклонив-

там, в сопках, за рекою Чоккой, громадный столб дыма, словно бы беззвучный взрыв выбросил его в линияное небо, а чуть поодаль от этого взрыва и выше по сопке, куржась и выплескиваясь, полз черный-черный вал с огненно-рыжими вспышками.

— Вениамин! — крикнула она, и он неохотно обернулся. — Вениамин, гляди, гляди-тко! — Лена не в силах была произнести больше ни слова и только взмахивала и взмахивала рукой.

— Чего ты... Ну, чего? — не понимал он и, оглянувшись туда, куда показывала рукой жена, вдруг как-то сразу побелел до мертвого и, охнув, кинулся стремительной прытью прочь от Лены, совсем в другую от дыма и огня сторону, к лагерю геодезистов...

Топор

телу прилипало платье, и горячий ветер рождал какой-то неприятный звон в ушах. Лена, прихватив кусок хозяйственного мыла, оставшиеся нестиранными кое-какие тряпки, спустилась к реке, всем существом желая ее прохлады. По-бабьи сторожась, разделась под кустами, где все еще, несмотря на жару, жглись комары, вышла на песчаную косу. Нагая, эта тридцативосьмилетняя женщина была все еще красива, но эту красоту как бы трагически подчеркивали приобретенные в тяжелой работе уродства. В меру небольшая голова с пучком светлых волос, высокая, стройная шея и плавный переход к круглым плечам, которые теперь заострились, определив не в меру развитые ключицы, небольшая шафраново-нежная грудь с девическими, розовыми, совсем не материнскими сосками и живот, угловато выпирающий, по-мужски мускулистый, тонкая талия, плавная линия бедер, стройные, длинные ноги и тяжелые, раздавленные в кистях, все в темных сплетениях вен, словно бы чужие руки...

Вода была теплой, но Лена, поживаясь, прикрыв руками груди, медленно входила в реку. Теплая прохлада реки ласкала ее кожу, и она вдруг разом, до озноба, почувствовала свое тело, тело женщины, созданное природой

шлись вперед, не спеша, еще ниже, чем обычно, опустив руки, шел муж.

Она, как всегда, оказавшись перед ним беззащитной, застенялась, пытаясь поднять платье и прикрыться, а пока, прикрываясь руками, охнула и все-таки потянула к себе платье.

— Не надо, — только и сказал он и больше не проронил ни единого слова...

...Красноштанов так же не спеша и деловито уходил, как и пришел, низко опустив собранные в кулаки кисти рук. Она глядела ему вслед, ощущая вокруг и в себе слепящую пустоту зноя. Ничто не изменилось в ней, ничто не откликнулось. Она вошла в воду, упала в нее, выбежала на берег, поспешно натянула платье и глянула снова вослед уходящему мужу.

Он все еще шел по косе, дымя махоркой, сосредоточенный той сосредоточенностью безделья, которая свойственна всем внутренне пустым людям.

Она глядела ему в спину, ничего не чувствуя к нему, даже вечной своей жалости, и казалось, что растворись, исчезни он сейчас или разом сгори, она не удивилась бы этому, решив, что так в конце концов и должно было произойти.

И вдруг она увидела там, за его угловатой, тяжелой фигурой, над его большой головой,

...— Горим, горим, братцы! — кричал что есть силы Красноштанов, и мимо него, подхватывая на ходу лопаты, топоры, все, что попадало под руку и чем можно было в какой-то мере задержать огонь, бежали к сопке рабочие.

Копырев, не ощущая собственного тела, несся впереди всех в гору, сжимая в руках топор. Сзади кто-то нагонял его, тяжело хрипя и постанывая. И чтобы уйти от этого хрипа, Копырев все подбавлял и подбавлял бег, чувствуя, что сердце его вот-вот лопнет от напряжения.

«Неужели мой пожиг?! Неужели мой?» — думал Копырев.

Огонь слабыми, тщедушными ручейками полз по вершинке сопки, неуклюже взбираясь на малые деревца и кустарники, неоправданно быстро вдруг взметывался, и тут же опадал, и снова вился змейкой по земле, перебираясь с одной сушинки на другую, с одного листика на другой. Вершина сопки чуть-чуть курилась, и огонь совсем был нестрашный и ленивый. Замаяв несколько змеек, Копырев остановился, не зная, что делать и к чему приложить топор, который держал наготове. Хрип и стон за его плечами прекратился, и он понял, что слышал весь этот отчаянный бег, свое дыхание. Далеко внизу ломились через тайгу его товарищи, и в полгора уже гасил парашют первый приземлившийся пожарный. Совсем успокоив-

шись, Копырев принялся топтать огонь ногами. Потом, срубив тяжелую густую ветку ели, начал и ею охаживать квелье струйки огня, все дальше и дальше уходя по вершине к месту своего пожига. Рядом кто-то тоже топтал и охаживал веткой огонь и кто-то кричал: «С лопатами давай сюда! С лопатами!»

И Копырев уже было подался на голос, хотя в руках у него, кроме еловой ветки и топора, ничего не было, но вдруг увидел скрытый доселе от него склон сопки, а увидев, отпрянул, пораженный страхом. Там, по склону, клубясь и взрываясь густыми взрывами дыма, катил отчаянно рыжий вал огня. Этот вал вздымался к небу, разом опадал, но не сникал, а, окрепнув, еще больше выплевывал грибовидные столбы дегтярно-черного дыма и уходил все ниже к кедровым борам в подножие сопки.

Копырев увидел, как наперерез этому огненному валу по чистому брусничнику спешат крохотные фигурки парашютистов, беспомощно слабые перед огненной стихией, туда же, к брусничнику, спешили и рабочие бригады, что-то крича и махая руками. Копырев тоже побежал туда, на мгновение остановившись перед выкопанной им ямой. Что-то остановило его внимание, когда он заглянул в шурф, но что, так он и не понял, надавая ходу и скользя по чистому склону, заросшему брусничником. Он бежал туда, куда бежали все, — наперерез огненному валу.

Люди сбежались к подножию сопки. Толпились бестолково, крича каждый свое, и вдруг разом замолкли. Там, где бушевал огонь, что-то тяжело охнуло и загудело, будто бы сразу с остановки перешел на полный ход груженный железнодорожный поезд.

— Верховой пошел, — сказал парашютист-пожарный. — Неужели не успеем, едрена матрeна? Кто тут старший? — обратился он к молча стоящим и слушающим страшный поездной шум пожара рабочим.

— Я. — Ефимов вышел вперед, хотел было протянуть руку, но тот опередил его, ухватив за плечо и поворачивая лицом к кедровникам.

— Гоните вот так — просеку. Пилы есть?

— Есть.

— Гоните топорами, пилами, зубами. Где взрывчатка, Куркин? — заорал, и ему откликнулись:

— Несем!

— Давай, обходим с юга и рвем там от ручья! Слышишь?!

— Слышу.

...Работали, не замечая ни времени, ни жары, ни огненного ветра, который, поднявшись неведь откуда, раздувал и расшвыривал огнеметом пламя. Почти не говорили друг с другом, и только Красноштанов, попусту появляясь то подле одного, то подле другого работающего, что-то кричал и советовал. Его не слушали.

Охали в тайге взрывы. Пожарные, пытаясь сбить пламя, отрезали дорогу огню к кедровым борам минполосой. Еще дважды прилетал самолет, сбросив взрывчатку и еще бригаду пожарных.

Копырев, скинув энцефалитку, работал в одной майке, в три-четыре посека сваливая деревья. Работа эта была ему знакома. Только раз встретились лицом к лицу с Ефимовым, и тот, тужась поднять крупный кряж, прохрипел:

— Подмогни-ка.

И потом, когда уже отволокли лесину с просеки, сказал:

— Поговорить надо. Понял, что сотворил-то?

— Кто?

— Ты, кто же? Эх! — и махнул рукой. — Ладно, ладно, поговорим. Возьми бензопилу у Харева, его проворнее. Скажи, я приказал.

Харев был тем самым парнем, из-за которого и возникла у Копырева с Ефимовым ссора.

— Да ладно, я топором...

— Ну, гляди, рядом буду. Если что, сразу ко мне. Понял?

Копырев кивнул головой.

— Обошел! Обошел! Отходи! — кричал все тот же старший среди пожарных, выбегая на просеку.

И Красноштанов, появившись рядом с ним, подхватил:

— Обошел! Обошел, братцы! Ат-хо-ди-и-и!

— Отходить к реке по склону! — командовал пожарный.

— По склону ат-хо-дить, — повторял Красноштанов.

Копырев увидел, как позади них, уж за прорубленной до самого ручья просекой, взмошел к небу черный столб дыма. В кедрачах за их спинами бушевал огонь.

— Всем! Всем отходить!

Люди, поспешно бросив работу, торопясь, потянулись к подножию сопки.

Копырев глянул туда, в уже густо задымленную даль, и ему показалось, что там, на ветру, полочется подол женского платья. Кровь молотом глушила его по голове, и он почти ясно увидел, что среди мужиков, тяжело ступая, идет та давняя, забытая им, но не сердцем девочка.

— Ты что тут? — Ефимов возник из дыма, чуть было не сбив с ног Копырева.

— Да вот энцефалитку где-то бросил!

— Вали отсюда! — заорал Ефимов и потащил прочь Копырева. Когда они, задыхаясь, вырвались к подножию сопки, люди их бригады и пожарные были уже далеко, бегом отступая к реке, к лагерю. Среди них действительно была женщина. Сладкой, совсем не ко времени болью защемило сердце Копыреву, что-то до отчаяния знакомое было в этой женской фигуре.

— Давай на сопку к шурфу. Давай, — приказал Ефимов, и они, поборов слабость, бегом кинулись в гору к месту пожига.

Уже поднявшись почти до самой вершины, Копырев оглянулся. Там, где всего несколько минут назад были они, бушевал огонь. Пламя как будто перешагнуло просеку и сейчас, разливаясь, морем лизало кедровники. Огонь шел к Чоке, а кое-где уже упирался в берег, принаравливаясь сигануть за реку.

— Перейдет за Чоку, до Авлакана не остановится, — подумал вслух Копырев.

— Что? — Ефимов обернулся.

— Я говорю, коли за Чоку уйдет огонь — не остановить до Авлакана.

— Не твоя забота. Ты о себе думай, парень.

Шурф был почти доверху забит крупным прогоревшим, но все еще хранящим жар углем. Отчетливо было видно, как огонь, найдя потаенные сухие корешки, перебрался за бруствер и медленно растекался по вершине. Туда, где сейчас бушевал таежный пожар, уходил широкий черный след. Огонь мог распространиться и от выброшенной за бруствер крупной искры. Пламя, судя по нагоревшим углям, было высоким.

— Ах, черт возьми, как в книге. Все видно. Ни хрена не отвертишься. Хоть бы выгорело все дотла... — Ефимов в сердцах сплюнул в шурф, и слюна зашипела на углях, мигом испарившись.

— Сергей Петрович. — Волнуясь, Копырев никак не мог справиться с собой: голос его срывался. — Сергей Петрович, я же говорил, говорил — сушь ведь... Вы приказали...

— Ты что... сорвался, что ли?

— Я не хотел, не хотел. Я не...

— Что ты сопли пускаешь! «Я» да «я»... — закричал вдруг Ефимов. — Тут думать надо, как концы убрать. А ты — «я» да «я»... Меня не меньше твоего за глотку возьмут. — И сразу, как вспылит, так и успокоился: — Давай, что ли, вычистим шурф? А? А то вот-вот нагрянут. И тогда, Копырев, крышка, хана. А ты говоришь — «я» не «я»... Нам с тобой нужно сейчас думать, как все-таки объясниться. Нас двоих загребут. Слышишь. Меня и тебя. А зачем двоим-то, Копырев?! Сообрази, зачем двоим. — Ефимов говорил быстро-быстро. — Я приказал — ты выполнил. Тебе так и так сидеть. А, может быть, ты сам, а? Сам?!

— Как это... Значит, стрелочник я, да? — Копырев задохнулся.

— Погоди, погоди, парень. Тут так нельзя... Слышь, что говорю. Погоди. Ты сядешь — точно. Я сяду, какая тебе от того польза? Слышишь? Детей твоих возьму на руки. Денег дам. Слышишь, есть деньги. Копейка есть. А ты, дескать, сам зажег, самовольно. За копейкой погнался. Тебе-то все равно. Зачем двоим? Зачем? Слышишь?

— Сергей Петрович, у меня Фаина...

— Фаину твою на работу возьмем, слышишь?.. Понял, Копырев! Понял, Ваня...

— Сам я, сам, Сергей Петрович. Эх, пропадать так пропадать. — Копырев махнул рукой. Отчаянный я. — И вдруг осекся.

Прямо на них катил огонь.

Пал вернулся к месту своего возникновения, пожирая все на пути и охватывая сопку теперь уже и со стороны лагеря.

— Бежим! — Ефимов снова, как и там, на просеке, поволок за собой Копырева. — Глаза закрой! — крикнул он, рукавом закрывая лицо и бросаясь в невысокое еще пламя, отрезающее их от спуска к лагерю.

Они вырвались из огня и, не переводя дыхания, бросились вниз, падая и помогая друг другу.

«Это я из-за детей, из-за детей я это делаю, — думал Копырев. — Семь бед — один ответ. Ефимов выручит. Он с начальством водится... А так для детей лучше... Помогут им...»

Они бежали к лагерю, а над пожаром стрекозкой нырял вертолет, то скрываясь в черных клубах дыма, то снова возникая в пустоте огненного неба.

Ручьев летел к месту пожара с тайной надеждой, что огонь удалось усмирить. То, что увидел он, не с чем было сравнивать. Даже пожарища войны, через которые шел он подряд четыре года, затмил этот раскинувшийся на многие километры всепожирательный огонь таежного пожара.

Приземлились на каменистую отмель. Пилот оцупал грунт колесами и посадил машину, притеревшись к самому берегу, и все же, выйдя из вертолета, Ручьев брел по воде, отступая и оскальзываясь на камнях. Он прилетел на пожар сразу с Буникана, не залетая в Бунское. И даже этот прямой короткий путь показался ему непомерно длинным.

— Не глуши! — крикнул пилоту и сделал рукою знак.

Он не намеревался долго оставаться тут, готовый к немедленным действиям. То, что на пожар надо было поднимать все население, это ему уже было ясно. «Только бы не перешел за Чоку», — думал, поднимаясь по береговому свалку, а навстречу уже спешил летнаб Глыбин.

— Иван Иванович, пожар возник на северном склоне сопки. Причина пока не установлена, но думаю, зажегла экспедиция. Они там работают, вышку ставят. Горят сейчас северный, восточный и западный склоны, кедровые боры...

— С вертолета видел, что горит... Глыбин, — спокойно сказал Ручьев.

Вокруг уже собирались пожарные и рабочие из геодезической бригады. Они смотрели на Ручьева так, будто только один он сейчас в силах остановить огонь. Ручьев оглядел собравшихся, увидел среди мужчин Лену, улыбнулся ей, и от этой улыбки как-то спокойнее стало всем.

— А вы почему тут?

— Мы тут рыбачили.

— Да ну? И вы, Вениамин, тоже? Вот не думал, — снова блеснул в улыбке коронками зубов, — что вы рыбачить можете.

— Как же... — Красноштанов смутился, отступил назад.

— Товарищи, все собрались?

Каждый, проверяя, поглядел на соседа.

— Мои все, — по-военному вытянулся Глыбин.

— А экспедиция?

— Начальника нашего нет и еще одного.

— Где они?

— Последними из огня выходили.

— Вышли? — Тревога зазвучала в голосе Ручьева.

— Вышли, вышли. Вон он, Ефимов, сам.

К берегу спешил, потный, в обгоревшей одежде, Ефимов. Копырева с ним не было.

— Вы один? — Ручьев непроизвольно пожал протянутую потную, в черных потеках сажи руку.

— Рабочий мало-мало поопалился, в лагере он...

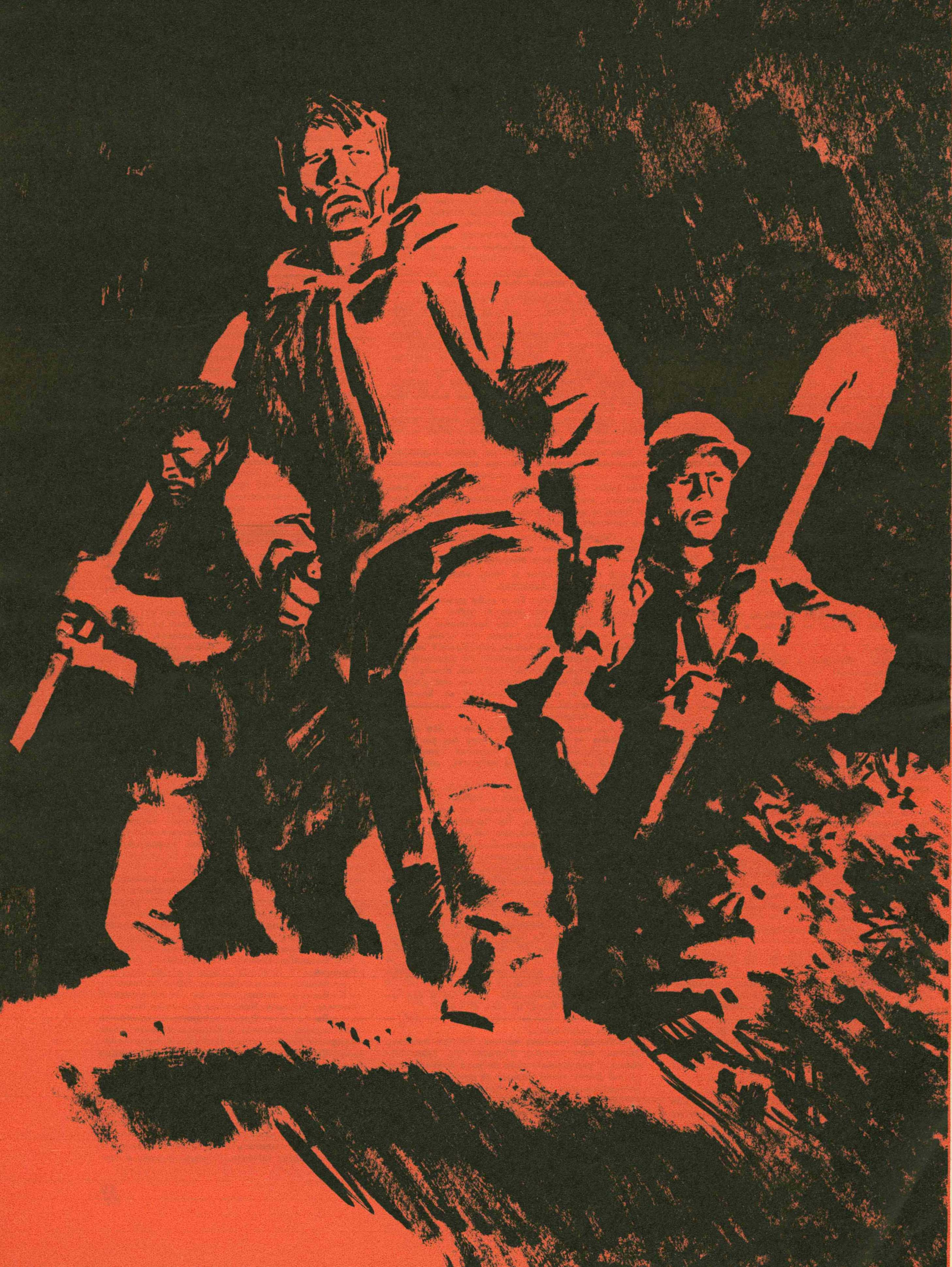
— Причину пожара, виновника знаете?..

— Да.

— Кто?

— Рабочий Копырев, товарищ секретарь райкома. Самовольно разжег костер. Пожиг, чтобы шурф...

— Быстро садитесь в вертолет. Возьмите с собой четырех человек. Пожарные тоже в вер-

толет. Буду высаживать вас вдоль кромки пожара. Задача — продержаться до прихода подкрепления, не пустить огонь за Чоку. Как ваше мнение, Глыбин?

— Вы правы, Иван Иванович. У нас еще есть взрывчатка. Думаю, тут Чоку огню не перепрыгнуть, а вот с востока на шиверах, если туда дойдет, очень даже просто перебросится. Ручьев быстро распределил людей по командам и объяснил задачу.

— Красноштанов, вы с Леной тут оставайтесь, окарауливайте огонь в районе вашего зимовья, — остановил у вертолета Вениамина.

— Мне б в Буньское надо... — забормотал тот. — Я себя плохо чувствую.

— Постыдитесь жены-то, Красноштанов!

Лена одиноко стояла на берегу.

— Чего вросла? Валяй к зимовью! — крикнул Красноштанов и поплелся вдоль реки, думая, как быть, если хлынет на его зимовье пал.

Лагерь геодезистов решено было эвакуировать за Чоку, для чего оставлены были из бригады шесть человек. Среди них и Копырев.

— Значит, причина и виновник пожара известны? — спросил Ручьев у Ефимова, когда вертолет на бреющем пошел вдоль реки к восточным узким перекатам.

— Да.

— Как фамилия рабочего?

— Копырев.

— Копырев? Что-то очень знакомое. Он у нас не впервые?

— Второй год в экспедиции. Сам он с Бинска. С завода Бинского машиностроительного.

— Делал пожиг? — за шумом мотора Ручьев многого из сказанного Ефимовым не разобрал.

— Чего? — тоже не расслышал Ефимов или вид сделал только.

— Я говорю, — напрягал голос до крика Ручьев, — пожиг делал, да?

— Да, — кивнул головою Ефимов.

— Как же так, товарищ Ефимов?

— Самовольно. Без ведома моего... Выработку гнал...

Высадив людей у шивер и определив их действия, Ручьев направился в Буньское.

— Включите радию, свяжитесь с райцентром, — попросил он пилота.

— Буньское на связи, Иван Иванович.

— Диктуйте радиogramму.

— Принимайте радиogramму со слов секретаря райкома Ручьева...

Ручьев подтянулся на локтях в проем летной кабины, укрепился рядом с командиром и начал говорить высоким голосом. Он отлично и трезво представлял все, что необходимо было делать сейчас.

Еще не долетая до Буньского аэропорта, встретились с двумя вертолетами и двумя «АН-2».

— Идем на пожар, — сообщили с бортов. — Ваши распоряжения поняли!

— Желаю успеха, — про себя сказал Ручьев и удивился тому, что пилот откликнулся по радию:

— Желаю успеха. — И добавил: — Садитесь у восточных шивер подле солонцов — площадка отличная...

— Спасибо! — откликнулись с вертолетов.

ГЛАВА V.

Пожар за № 12, возникший в районе р. Чоки, действует на территории 2 800 га.
Из сводки о лесных пожарах на 11 июля 1971 года.

Огонь ушел за Чоку.

Двое суток люди без сна и отдыха боролись с огненным валом. И все-таки затихший на ночь, будто выбившийся из сил, пожар утром, потаенно обойдя просеки и минполосы, перекинулся через реку, широко разлился по тайге и двинулся в сторону райцентра.

Ручьев как забежал домой, вернувшись с первого облета пожара и убедившись, что домашние его, как и планировали, улетели на отдых, так уже больше и не заходил на квартиру.

Созданный штаб борьбы с пожаром не сразу заработал энергично и слаженно. Люди все

еще не верили, что возникший в тайге огонь вырос в большое бедствие.

На первом же заседании штаба Ручьев предложил немедленно выяснить, кто может находиться сейчас в районе пожара.

— Подконтрольной, — сказал Ручьев, — надо считать по левому берегу Чоки всю территорию до границ района. По правому — вплоть до Авлакана.

Огонь тогда еще не перекинулся на правый берег, и такое предложение секретаря райкома удивило.

— Иван Иванович, ты никак и Буньское собираешься отстаивать? — задал кто-то вопрос.

И Ручьев, сразу же потемнев лицом, что с ним бывало перед вспышкой гнева, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Запомните каждый: с этого дня вы на фронте. За каждым из вас не просто людские судьбы, но и жизни. Невыполнение приказа буду расценивать как невыполнение фронтового приказа. Ясно?

В кабинете секретаря райкома, где проходило первое заседание штаба, воцарилась тишина.

— С этой минуты, — продолжал Ручьев, выдержав паузу, — в районе вводится особое положение.

Выяснить всех, кто находился сейчас в опасной зоне тайги, оказалось не так-то просто, и все-таки к концу третьих суток установили, что в непосредственной близости к очагу пожара, кроме бригады геодезистов, работает небольшой геологический отряд из четырех человек, в своем зимовье должен быть Вениамин Красноштанов с женой (о них Ручьев знал), и в самый последний момент, когда уже списки таежников легли на стол в штабе, вдруг оказалось, что в месте, где сейчас бушевал огонь, должны быть звенки — Степан Почогир с сыном и старик Авачан. Об этом сообщила запыхавшаяся девочка, прибежавшая с базы экспедиции.

— Почему они там? — удивился Ручьев, чувствуя, как горячая волна крови вдруг ударила ему в голову.

Никто не мог ответить, и босоногая девчушка, перебирая пальчиками подол платья, все стояла и стояла перед ним, не решаясь убежать прочь.

— Начальника экспедиции мне! — Ручьев рывком поднял к лицу телефонную трубку. — Дайте Хаенко. Хаенко? Вы почему не докладываете, что в зоне пожара у вас находятся люди? Нет, не бригада. Какие? Почогир и Авачан. Ах, послали сказать? Так вот, Хаенко, немедленно ко мне, в штаб пожара! Что?! — Лицо Ручьева побагровело, на шее надулись жилы.

— Ты, девочка, иди, иди, — шепотом выпроваживал босоногую курьершу летная Глыбин.

— Что вы сказали?! Не подчиняется мне?! Немедленно в райком. Партия тебе приказывает... Сукин сын! — И швырнул на рычаг трубку с попискивающими коротенькими сигналами. — Он мне не подчиняется! Видите ли, свободный князь! Что вы стоите, Глохлов? — Ручьев, не понижая голоса, обратился к начальнику милиции. — Немедленно в экспедицию, пригласите этого... Не пойдет — под охраной. Все! Слышите?! — Багровые пятна покрывали лицо Ручьева. — Он зажег тайгу, у него люди в огне. И он, видите ли, занят, послал курьера... — Снова поднял трубку. — Патрульного мне. Патрульный? Ручьев говорит. Сейчас вылетаем в район пожара. В огне люди. — И уже остывая: — Вы только поглядите, товарищи, что это за отношение!! У Хаенко там люди, его же экспедиция подожгла тайгу, а он занят. Как это понимать! Кстати, мне докладывают, что экспедиция вроде бы отрицает факт поджога тайги рабочим Копыревым, ссылаясь, что огонь возник от костра каюров. Какое безобразие! Сейчас, когда буквальная земля горит под ногами, — искать оправдание! Постыдно заниматься этим! Кстати, Хаенко был на пожаре?

— Мы с ним делали облет, — встал и по-военному вытянулся Глыбин. — Но ему стало плохо... Не переносит вертолетов.

— Скажите, какие нежности! Все люди экспедиции находятся сейчас на пожаре?

— Нет, — Глыбин продолжал стоять по стойке «смирно».

— Почему?

— Они продолжают работу.

— Так... — Зазвонил телефон. — Слушаю. Ах,

это вы? Да, да, назвал! И не сожалею. А коли так себя будете вести, посажу. Как? Очень просто! Пока предлагаю вам быть через пять минут в аэропорту. Да, да! Полетим на поиск каюров. Да, все! Передайте трубку начальнику милиции. Глохлов, через пять минут быть в аэропорту. Да, да! Разрешаю! Вы — начальник милиции, а не преподаватель в танцклассах. Вот так! Это другое дело.

— Однако, Степка, совсем дело плохо — дымом пахнет. Огонь тайгой идет, — сказал Авачан, останавливаясь и поднимая лицо.

— Не слышу. — Степан покачал головою. Илюшка, сидя верхом на учаге, тоже понюхал воздух: — Не слышу.

— Однако, сюда идет огонь, Степка! Далеко еще, но идет. — Авачан сошел с тропы, углубился в лес, долго стоял там, слушал тайгу, вернулся, сказал определенно: — Горит тайга, большой пожар будет.

Шли левым берегом Чоки. Тут река, делая громадную кривулину, уходила за хребтики, и каюры, срезая путь, шли напрямую по чистым борам к Восточным шиверам. Этот путь по кедровым и сосновым урманам был легкий и приятный.

Олени шли хорошо, и люди только иногда подбадривали их окриком и то, вероятно, только для того, чтобы послушать в тишине окатистое гулкое эхо.

— Что делать будем? — спросил Степан. Теперь и он из всех запахов тайги вдруг уловил еще не ощутимый явно запах гари.

— Поспешать надо! Чего сделаешь...

Сделать что-либо каюры не могли. Справа и слева от тропы была густая тайга, в спину дул обжигающий жаркий ветер, нанося запах дыма, и только впереди, в два оленьих перехода, была спасительная пойма реки, были броды на Восточных шиверах. Шли весь день, не останавливаясь, дым был уже виден. Он пока еще кисейно-тонко висел меж деревьев, но быстро густел, и это говорило о том, что огонь где-то рядом за спинами звенков, а может быть, уже и впереди.

Измученные комаром и паутами олени, почувствовав запах дыма, пошли медленнее в ожидании привала. Приученные к дымокурам на стоянках, они этот дым воспринимали как сигнал к отдыху. И наконец, когда дым зарыхлел и повалил уже будто бы от костра, брошенной мокрой травой, олени легли. Люди поднимали их, тащили за собой, били, но животные все чаще и чаще ложились.

Ночью дым вроде бы стал отставать, пожар потерял ходкость, но выбившиеся из сил олени легли насмерть. Пришлось затабориться и людям.

Низко над лесом, прямо над их головами, прошел вертолет. Илюшка, уже понимая всю опасность, грозившую ему, отцу и деду, даже покричал и помахал в небо. Но гул мотора скоро затих, словно бы увяз в тайге.

— Тебе, парень, идти надо, — вдруг сказал Авачан Степе. Старик, по своему обыкновению не сгибая спины, прямо сидел на подогнутых ногах, покачивался раздумчиво и сосал трубочку.

— Как так?

— Илюшку бери на закорки и беги, однако, — старик ласково посмотрел на заснувшего рядом с собаками мальчишку.

Собаки — черный Тураки Авачана и рыжий Космос Степы — вздрагивали во сне, просыпались и поднимали морды, внюхиваясь.

— Я, парень, оленей догляжу. Отдохнут олени, и за тобой побегу. С оленями-то мы вместе все не выйдем. А так я их погоню, а они на твой запах побегут.

— Да нет, деда, вместе пойдем...

— Нельзя. Илюшка совсем маленький, Илюшку спасать надо. Я знаю все. Я думал. Беги, парень.

Степа понял, что дальше говорить с Авачаном не имеет смысла, старик не успокоится, пока не спровадит их, и потому поднялся, разбудил Илюшку, усадил его к себе на спину и, кликнув Космоса, пошел по тропе.

Белая ночь чуть-чуть затушевала тайгу белым сумраком, упрятав дальние деревья, а может быть, это дым уже рыхло залег вокруг.

Старик долго смотрел в белую мглу ночи, медленно раскачиваясь и посасывая трубочку. Потом прямая спина его сгорбилась, голова упала на грудь, и он погрузился в сон.

Снилось Авачану все то же самое место у «Трех девочек», сухое темное чрево каменной пещеры, теплый мех, пахнувший всеми запахами родной тайги, снилось ему, что он — крохотный медвежонок — тычется в этот мех, выискивая тугой сосок материнской груди.

«Опять медведем стал, — думал во сне Авачан. — Когда ж это я народиться успел, что-то не припомню, — и улыбался этой мысли. — Разве можно упомянуть свое рождение?»

К утру Степа выбился из сил и сел отдохнуть. Илюшка уже шел сам, даже чуть перегибая сбитого ноги отца. Он ничего не спрашивал и только, когда сели, сказал:

— А деда мне нож прицепил. Он что, в медведя ушел?

И Степа не ответил сыну. «Когда это сумел Авачан повесить внуку нож? Наверное, когда сажал на спину. Значит, собрался старик. Не верит, что вернется».

Степа и сам мало верил, что сумеет уйти от огня Авачан. На себя он еще надеялся, но на старика...

С солнцем поднялся ветер, и тайга миглом наполнилась теперь уже густым и едким дымом.

— Не спи, папка, — сказал Илюшка, и Степа, пересилив слабость, поднялся.

— Идем.

И они медленно пошли по тропе. Впереди Космос, часто и тревожно оглядывающийся, Илюшка и за ними Степа. На лысой сопке, куда они поднялись, дышалось легко, дыма тут не было. Как только вышли на свежий воздух, Илюшку стошнило, мальчишка, бледный, лег на землю и как-то по-животному — так могут глядеть только народившиеся олени — посмотрел на отца. Он не жаловался, не плакал, он просто лежал на земле, обесиленный, крохотный олененок, и глядел на Степу виновато и преданно.

Отсюда, с лысины, взобравшись на дерево, Степа впервые оглядел окрестность. То, что он увидел, даже его, привыкшего с детства ничему не удивляться в тайге, бросило в дрожь. Где-то еще далеко, там, где оставался Авачан с оленями, густо валил дым, подкрашенный кровавыми замывами огня, но этот вал дыма и пламени не был вытянут в какую-то определенно очерченную границу. Огонь далеко опередил этот вал, ручьями и реками втекал в тайгу и закольцовывал ее новыми очагами пожара. Две такие реки текли в подножии той сопки, на которой находился сейчас Степа. Еще час-полтора, и они сомкнутся, отрезав путь к реке. Чуть поодаль от сопки Степа увидел еще одну голую вершину, покрытую мелким багульником и брусничником. Она была просторной, закольцованной не таким высоким лесом, как эта. Степа решил идти туда, уже твердо зная, что к реке им не выйти.

Только к следующей ночи добрался туда Степа, петляя тайгою, обходя то и дело пересекающий его путь огонь. Когда он поднялся к этому просторному и чистому месту, силы оставили его, но он все-таки, прижимая к груди своего ребенка, кое-как, на коленях, четвереньках, ползком на боку достиг центра свободного от леса пространства и только там затах, стараясь быстрее отдышаться и прийти в себя.

Ночью, когда вокруг себя Степа выполол брусничник и багульник на добрый десяток метров, неожиданно из леса вырвались олени и, чуть было не стопав лежащего в забытьи Илюшку, закружились очумело по поляне.

Степа кричал, ожидая выхода из тайги старика. Но Авачан не появлялся. Не вышел и его пес Тураки. Кругом уже бушевал огонь, вылескиваясь на опушки. Степа повязал и уложил оленей вокруг места, где лежал Илюшка, потом лег и сам, прижавшись всем телом к земле, и слушая, как гудит она, и будто бы даже сотрясаясь от дикой скачки огня. Так лежал он, не двигаясь, в каком-то забытьи, ощущая, что огонь снова замедлил свой бег. Потом поднялся и начал снова полоть багульник и траву, окапывая топором землю. Он знал, что к утру к поляне придет низовой пожар и верховка снова наберет силы.

Продолжение следует.

ТРОЕ В ТЕ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Станислав Иванович Гашенко, главный инженер объединения Запорожский титано-магнийевый комбинат, рассказывая мне о новых по конструкции установках для получения магния, стремился подчеркнуть не столько их технические и экономические достоинства, сколько социальный эффект, произведенный ими.

— На старых электролизерах, так называемых диафрагменных, теперь никто не хочет работать. Вот вам и социальная проблема. И мы заранее к ее решению готовимся. К концу пятилетки реконструкция цеха должна быть полностью завершена. Дело в том, что новые установки принесли совершенно иную культуру труда, труд стал более, если так можно выразиться, интеллектуальным. Раньше все зависело от физических усилий, затрачиваемых человеком, определялось его выносливостью, теперь требуются знания и опыт, умение, позволяющее «понимать» ванну и процессы, происходящие в ней. Вот только одна операция, которая отпала. Людям приходилось вручную со дна раскрытой ванны выскребывать шлак. Представляете, что это такое? Температура электролита семьсот градусов, едкие испарения. Сейчас эту тяжелейшую операцию успешно выполняет насос. Я привел лишь один пример, а их много. И мы сегодня не мечтаем, а думаем о том, как бы вообще автоматизировать весь процесс электролиза магния, оставив за человеком лишь функции управления.

Естественно, меня заинтересовали новые установки, хотя и отпугивало их слишком техническое, узкоспециальное название — бездиафрагменные электролизеры. Главный инженер познакомил меня с заместителем начальника соответствующего цеха Александром Петровичем Богдановым. Быстрый в движениях, спортивной стати, художавый, молодой еще человек — позже я узнала, что он действительно занимался спортом, — повел меня по заводу. Территория очень чистая, точно шли мы ухоженной городской улицей. Возле корпуса сочно-зеленый газон.

— Американцы, когда увидели здесь травку, не поверили своим глазам. Подумали, что мы высадили ее за ночь, специально к их приезду. Потом со смехом нам признались в этом, — пояснил Богданов. — Ведь при получении магния выделяется хлор, губитель всего живого. Загазованность в цехах на иных заводах была так высока, что приходилось работать только в противогазах. Мы тоже носим их на боку, так предписано правилами техники безопасности. Но это на всякий случай. С пуском бездиафрагменных электролизеров необходимость в них отпала окончательно. А вот и они сами, эти установки...

Мы стояли возле батареи массивных брусков — анодов, ненамного выступающих в кирпичной футеровке над уровнем пола.

— Где же ванна — чрево всякой электрохимии?

Богданов повернул рычаг, внизу приподнялась крышка ванны, утопленной в фундамент. Перед нами, у ног, бурлила, клокотала вишнево-бронзовая тяжелая жидкость — электролит, представляющая собой расплав хлористого магния и других хлористых солей. Окраска жидкости все время менялась — от прозрачно-золотистой до густо-темной, будто вобрала в

себя все оттенки расплавленного янтаря. А поверху, как по волнам, ртутными пятнами скользили легкие серебристые разводы — магний! Игра этой подвижной массы красок завораживала, точно это был сгусток вечно живого, фантастического океана Соляриса...

— Вот точно так же, как и вы, у ванны стояли американцы, — во второй раз напомнил мне о них Богданов. — Пришлось и им открыть крышку, но по другой причине. Видите ли, они не поверили, что агрегаты работают, — настолько чист в нашем цехе воздух. А ведь Уиллер перед посещением цеха объявил: «Если я увижу, что ни один рабочий не наденет противогаз, то немедленно подпишу соглашение».

— Что ж, он сдержал свое слово?

— Подписал! А стоит лицензия немало!..

— Кто же такой этот самый Уиллер?

— Миллионер из Техаса. Президент фирмы «Американ магнелиум компании». У него...

— Подождите, — коснулась я руки Богданова, — расскажите, пожалуйста, все с самого начала. Во-первых, об этих самых бездиафрагменных... Кто их придумал? Когда?

— Сам принцип бездиафрагменного электролизера предложила группа инженеров ВАМИ — Всесоюзного алюминиево-магниевого института, что в Ленинграде, — и заводов. Несколько лет назад это было закреплено авторским свидетельством. В составе группы Бондаренко из ВАМИ, Егоров и Петрунько — сейчас они работают в институте титана, который входит в наше объединение, Петрунько был главным инженером нашего завода, а Егоров — начальником опытно-промышленного участка. Тут все и началось с полужавской установки. Второе авторское свидетельство было выдано в конце шестидесяти восьмью года уже за сам электролизер нового типа. Завод построил промышленную установку, она совершенствовалась, было несколько ее вариантов, разрабатывалась технология. Только после этого ВАМИ вместе с Лицензинторгом подготовили проект. Реклама очень скоро привлекла внимание. Посыпались из разных стран запросы. Вам, вероятно, понятно, почему?

Мне было понятно. Магний — один из самых распространенных элементов в земной коре, среди металлов третий после алюминия и железа. Если алюминий называют металлом двадцатого века, то магний — его верный спутник. Рядом стоят они в таблице Менделеева и в мире техники шагают рядом. Магний легкий, (удельный вес его меньше, чем у соседа), ковкий и гибкий, способен воспринимать большие ударные нагрузки — отсюда широкая популярность магниевых сплавов в самолето-, прибор- и автомобилестроении. В отличие от алюминия магний стоек к ряду жидких агрессивных сред, в то же время в силу своей химической активности способен вытеснять другие элементы в соединениях, что давно сделало его незаменимым в производстве стали, чугуна и титана. Словом, понятно, почему его акции беспрерывно растут. На международном рынке три страны зарекомендовали себя первостепенными экспортерами магния — Советский Союз, США и Норвегия.

— В США производство магния сильно отстает от производства алюминия и было сконцентрировано главным образом в руках старой,

XACE

SDN Bombing Step-Up Ord

mn
use during National
weekend, but it's
Borden fifteen
in the last issue of
in is now in the of
County Historical

trial present in the
in a several years
shown, are washed
near the picture
panels in the road
at Borden Plant is
the still there will
whether these roads
should be taken
to take this
road, the
drawbacks, but
the several
years, and
the roads are well
the other
the
the roads are well
the other

to be considered
needs and desires
for years. Today,
the world, but the
the today as it was
is neighbors to the
the interest in the
the interstate high-
way of the Panhandle
has been officially
back and the ap-
ard as lived prior
years ago, pub-
lic. This appears
itself to an in-
terest in mind as
the to emerge. At
a possibility that
the new two
and contractors
use active as the
to be made
for a north-south
route to both the

USSR VISITORS TOUR WTC—Engineers from the Soviet Union who are here as technical advisors and observers of tests now underway at the American Magnesium Plant toured the Western Texas College campus Tuesday evening. Following Mrs. Lillian Kassady, interpreter, in the

foreground are Dmitry V. Dunaev, O.G. Desyatnikov and N.V. Bondarenko. In the background are Tom Turk, assistant professor at WTC, who speaks the Russian language and helped with interpretation, A.P. Bogdanov and David Lofin, AM instrument technician.

In S
Reg

By GEORGE FISHER
Associated Press Writer
The American
Magnesium Plant
is now in the of
County Historical

Value C
Coin I

By JIM HENRY
AP Aerospace Writer
The American
Magnesium Plant
is now in the of
County Historical

FOR FLOOD CONTROL City For Renewing DeenCreek Request

F11s Jets
Returned
To Action

США. Советские специалисты в студенческом городке в штате Техас,— об этом писала газета «Снайдер дейли ньюс».

СССР. Пионеры освоения установок нового типа на Запорожском титано-магниево комбинате: наладчик Г. К. Зеленский, А. П. Богданов и электролизник Г. К. Сивак.

Фото Н. Козловского.

давно известной фирмы «Дау кемикл». Но вот возникла новая компания, «Америкен магнизиум компани», потенциальный ее конкурент... Президент компании Уиллер первым пошел на прямой деловой контакт с нами,— продолжил свои пояснения Богданов вечером того же дня, но уже у себя дома.— Дела в «Америкен магнизиум компани» шли из рук вон плохо. Компания была основана в 1968 году. Единственный завод ее расположен вблизи Снайдера, в штате Техас. На наших картах этот городок не обозначен, живет в Снайдере всего пятнадцать тысяч человек. Работает завод на рапе — природном рассоле, поступающем по трубам из огромного подземного источника, что поблизости, в округе Бorden. Что же касается завода, то посмотрите эту статью.

Богданов протянул мне перевод статьи из журнала «Металл Буллетин» от 17 ноября 1972 года. На низеньком столике у дивана к моему приходу были приготовлены книги, газеты, фотографии.

«Летом прошлого года американская фирма «Америкен магнизиум компани» закрыла на неопределенный срок свой магниевый завод в г. Снайдере (шт. Техас) в соответствии с распоряжением Управления по контролю за состоянием атмосферы штата Техас,— читала я.— Несмотря на существенные улучшения, внесенные в систему газоулавливания завода, полученные результаты не были сочтены удовлетворяющими требованиям указанного управления. Некоторое время шли споры по вопросу об остановке завода, однако обстоятельства (авария оборудования) заставили фактически ускорить закрытие. Поскольку фирме в период эксплуатации завода, предшествовавший остановке, пришлось в возрастающей степени испытывать трудности, вызванные неудовлетворительными результатами работы электролизеров немецкой конструкции, было принято решение установить при реконструкции остановленного цеха электролизеры русской конструкции, разработанные в ВАМИ, и принять советскую технологию...»

— Вот видите, какие чрезвычайные обстоятельства вынудили Уиллера принять срочные меры и купить у нас лицензию. Соглашение было подписано в прошлом году в мае. Тогда же я познакомился с Уиллером. Представители фирмы приезжали к нам еще два раза — брат Уиллера и главный инженер фирмы Халл Браун. Через год, когда оборудование было изготовлено и смонтировано, на наладку и пуск фирма пригласила советских специалистов. От ВАМИ поехали Десятников и Бондаренко, третьим был я. В Снайдере мы жили семьдесят три дня.

...До предела напряженными и насыщенными событиями были эти семьдесят три дня для «трех русских», как называли их американские газеты. Задача их была оговорена соглашением: наблюдение и техническая консультация. Обязанности экспертов условно распределялись так: Десятников возглавляет группу и занимается проектной частью, Бондаренко — научно-исследовательской, у него анализ работы, Богданов курирует все то, что касается самого производства. За два месяца электролизеры предстояло вывести на проектную мощность с тем, чтобы две «зачетные» недели они работали на заданных режимах.

Богданов облачился в брюки-техасы, в такую же куртку, купил ботинки на толстой подошве, получил каску с надписанной на ней своей фамилией и, вооружившись респиратором, направился в цех. В первый же день ему ста-

ло ясно: рабочий персонал совершенно не подготовлен. «Эти симпатичные, смуглолицые парни — великолепные ковбои, — подумал он, — но электролизники пока никакие — совсем неловкие и неумелые». Как бы он поступил в подобной ситуации, будь он не в Америке, а у себя на родине, где-нибудь на новом заводе, осваивающем выпуск магния? Счел бы своим долгом обучить людей, сделать их квалифицированными рабочими, если б это даже и не входило в его прямые обязанности. Так поступил он и в Техасе.

В первый же день Богданов набросал эскизы простейшего инструмента, без которого рабочему не обойтись: ломик, ложка, скребок, шуровка. О них здесь и понятия не имели. Проверил работу вакуум-ковша и насосов для выборки шлама. Как пригодились теперь ему те жизненные ступеньки, которые он прошел после окончания в 1961 году Ленинградского горного института! На комбинате в Запорожье Богданов начинал с «азов»: основательно поработал электролизником еще на старых установках, потом перевели его в мастера, потом назначили старшим мастером... И вот сейчас ему снова предстоит побыть на самой нижней ступеньке, но не одному, а с людьми, напоминающими каждый его жест, каждый его шаг. Как благодарно светятся их глаза, как стараются, когда подбодрить их словом: «Гуд, Лери. Хорошо сработал». И тот же Лери, Рубен или Билл от радости ног под собой не чувствуют.

Электролизеры работали хорошо.

7 октября, в рекордно короткий срок, первый электролизер вышел на проектные отметки. К этому времени формены (бригадир) могли уже работать самостоятельно, оставалось только проверять, контролировать их. Ленинградцы еще подтрунивали над Богдановым: «Что, Саша, пошел из рабочих на повышение, в мастера?»

И вдруг все полетело кувырком: резко изменился внешний вид электролита и металла, упали показатели, которым все так радовались. Не на одном электролизере, на всех трех одновременно. Что случилось? Советские консультанты видели, что технических неполадок никаких нет. Тогда в чем же дело? Изменилось сырье? Богданов справился об этом у Дарвуда Хоппи, начальника электролиза. Тот растерянно пожимал плечами. Правда, он не очень опытный специалист в этой области, диких лошадей он лучше знает, пятнадцать лет их объезжал, на память шрам на лице. Но на заводе он с самого начала, с 1968 года, и такого не помнит. «Каков состав сырья?» — обеспокоенно спрашивал Бондаренко у главного инженера фирмы Брауна. «Не знаем, как будто все по-прежнему». Наконец анализы показали: в сырье появился кремний, очень вредная примесь для электролиза. Он обволакивает пленкой катоды, и весь процесс нарушается.

Кремний удалили, состав сырья восстановился. Теперь надо было наладить работу электролизеров. Но как сделать это быстрее и лучше? 25 октября собрался технический совет.

Советские специалисты предложили давно проверенные способы. Американцы предложили свой метод. Эксперты сочли с инженерной точки зрения его несостоятельным и высказали свою оценку. Но американцы настаивали, мнения разделились. Чтобы прекратить бесплодный спор, решили так: электролизер под цеховым номером 6 поведут советские специалисты, а электролизер под номером 5 — американцы. Консультанты при этом сразу же назначили себе срок выхода на гарантированные показатели — 5 ноября. И ни днем позже. К своему празднику они должны были прийти победителями! Стало одновременно известно, что американскую программу задал сам Роджер Уиллер. Он считал себя специалистом в этой области, сотрудничал одно время в фирме «Дау Кемикл».

Итак, своеобразное состязание американского миллионера и советских инженеров началось: пятый электролизер повел Уиллер, шестой электролизер повели консультанты.

Секундантов-добровольцев было более чем достаточно: весь завод. Уиллер сидел в своем особняке в городе миллионеров Талсе и ди-

товал распоряжения Брауну по телефону. Браун тотчас передавал их Хоппи. Женнин, секретарь Брауна, еле успевала обрабатывать технологические паспорта.

— О, вас можно поздравить! — сказала она Богданову на третий день, когда электролизер стал набирать мощность. На пятом электролизере сдвигов не намечалось.

— Рашн сел (ванна. — Г. К.) — гуд сел! Файф сел — бед сел! — бросали реплики рабочие.

К утру 5 ноября шестой электролизер преподнес советским инженерам праздничный подарок: вышел на гарантированный показатель! Пятый электролизер с того же дня стал работать еще хуже. «Русская тройка» могла считать себя победительницей. Вдали от Родины, на чужом материке, они продемонстрировали превосходство советской школы магниевиков.

Оставался последний этап экспертизы — зачетный. Это означает, что в течение двух последующих недель, предусмотренных соглашением, электролизер должен работать в заданном по проекту режиме по всем показателям.

7 ноября — в Америке это был рядовой рабочий день, вторник, — русские объявили Брауну: «Сегодня мы начинаем зачетный период». И в половине третьего доложили секретарю: «Сегодня мы больше не работаем!» Обычно они уезжали домой после пяти. «Что-нибудь случилось? — забеспокоился Браун. — Устали?» «У нас сегодня праздник». «Какой? Ах да, национальный, это когда пушка стреляла... По-едемте ко мне», — предложил Браун. Но им так хотелось побыть в этот день одним, покрутить приемник или телевизор, может быть, поймать Москву. В мотеле их ждали телеграммы с Родины. А потом позвонила телефонистка и сообщила, что Ленинград вызывает Бондаренко. На другой день повезло Богданову. Рано утром, бреясь, он включил телевизор, и вдруг после сумятицы кадров на экране отчетливо всплыл силуэт Спасской башни. По площади шли войска. Богданов был потрясен: будто ветер донес дыхание далекой Москвы в степи Техаса.

Ровно через две недели подводились итоги. Все эти дни шестой электролизер работал четко и ровно, показатели по всем пунктам стойко превышали те, что были оговорены соглашением. Браун был доволен и 22 ноября подписал заключение о завершении работ.

— Все было хорошо, — говорил он, — но одно плохо: вы во всем оказались правы!

В устах главного инженера это звучало как полное признание советской технологии, советского опыта.

Халл Браун послал заключение Уиллеру. Уиллер прилетел на своем самолете не один, а вместе с вице-президентом компании «Нейшнл стил корпорейшен», весьма заинтересованной в покупке магния. Все сели за стол. Уиллер оставалось подписать акт и произнести при этом какие-то слова. Однако миллионер неожиданно заявил:

— Но мне кое-что неясно. Получается неувязка по количеству магния и извлечению хлора...

То есть ставилась под сомнение не только вся работа, проделанная заводом в присутствии советских экспертов, но и самые электролизеры.

— Позвольте, но ведь все происходило под вашим контролем, — возразил Десятников. — Вот документ, подписанный вашим главным инженером!

Уиллер смутился:

— Какой документ? Я ничего о нем не знаю. — И тут же обрушился на Брауна: — Почему русские имеют заключение, а я нет?

Потом выяснилось, что Уиллеру надо было протянуть, выиграть время. С компанией «Нейшнл стил корпорейшен» вопрос о магнии еще не был решен, шел торг. Инцидент, однако, вскоре был исчерпан. «Американ магнезиум компани» намерена сейчас расширить деловые связи с заводом, и ее президент собирается вновь посетить Советский Союз. Вскоре Халл Браун направил в Москву благодарности. Вот что он, например, написал заместителю министра цветной металлургии СССР В. С. Устинову о Богданове:

«Мистер Богданов А. П. проявил дружеские

отношения к нашим людям, они почувствовали, что он знает о производстве магния больше, чем они предполагали. Одного дня было достаточно, чтобы увидеть способность этого человека и уверенность, с которой он разбирался в данной обстановке. Мистер Богданов А. П. является прекрасным инженером и энергичным, знающим человеком. Находясь вне работы, мистер Богданов А. П. вел себя поджентльменски. Он один из лучших представителей своего предприятия и своей Родины».

Я спрашиваю Александра Петровича, как вообще им жилось в Техасе в те часы, когда они, как сказано в письме Устинову, находились вне работы.

— Хорошо. Об этом трогательно заботился Эд Ллойд, директор-распорядитель фирмы и вообще очень веселый и предупредительный человек. Бывший артиллерист, между прочим. Он опекал нас вне работы. Снайдер — крохотный, тихий, провинциальный городок. Ллойд показал нам много других интересных, красивых городов: Лаббок, Сан-Антонио, Биг-Спринг, Талс. Мы с увлечением ходили на родео. Этот национальный, весьма темпераментный вид спорта очень любит техасская молодежь. Еще течет в ее жилах кровь майн-ридовских героев. Десятников в соседнем штате охотился с луком. Ллойд возил нас на выставки и стадионы, в музеи, колледжи и клубы.

— И выпивал с вами виски! — подсказала Лиля Михайловна, жена Богданова, входя с чашечками кофе на подносе.

— В меру, Лилечка, в меру, — улыбнулся жене Богданов. — Кстати, имеются официальные подтверждения. — Он из кипы газет достал «Снайдер дейли ньюс» за 2 ноября 1972 года. — Вот что писал о нас корреспондент Ассошиэйтед Пресс: «Около шоссе находится единственное в Снайдере ночное заведение — клуб 250, в котором, возможно, по совпадению взимают 2 доллара 50 центов за право пить алкогольные напитки. «Их ноги там не было», — сказал буфетчик. «Единственная странность, замеченная у них, — добавила официантка из ресторана мотеля, в котором жили русские, — это то, что они почти всегда заказывают одно из рыбных блюд — мы продали большое количество креветок и устриц».

Впрочем, другие корреспонденты утверждали, что мы особенно любим бифштексы и ходим с удовольствием в рабочие клубы. Пресса вообще не спускала с нас глаз после того, как местная газета опубликовала нашу фотографию и заметку о нас. И тогда началось: у нас брали интервью, Ллойда одолевали звонками, нас приглашали в гости банкиры и адвокаты, просто останавливали на улице. У киоска или в магазине к нам без стеснения подходили самые разные люди и спрашивали: «Вы немцы? Датчане? Русские-е?» — Не могли они опомниться от удивления. Всплеск возгласов, круглые глаза. А потом снова: «Туристы? Нет? Дела? Какие могут быть дела у русских в Техасе? Во всяком случае, желаем вам удачи!» В некоторых городах Техаса мы были первыми советскими людьми.

Вообще американцы — народ очень общительный, разговорчивый. Особенно нам понравилось на ранчо в Оклахоме, куда нас повез Ллойд. Это было ранчо его отца, в тысяче миль от Снайдера. Как раз был праздник — день Благодарения. Мы чувствовали себя у Ллойдов непринужденно, как дома, помогали по хозяйству на ферме, отдыхали, как нам хотелось, осматривали озера, играли в шахматы. В последний вечер на ранчо мы долго сидели у камина, разговаривали со стариком.

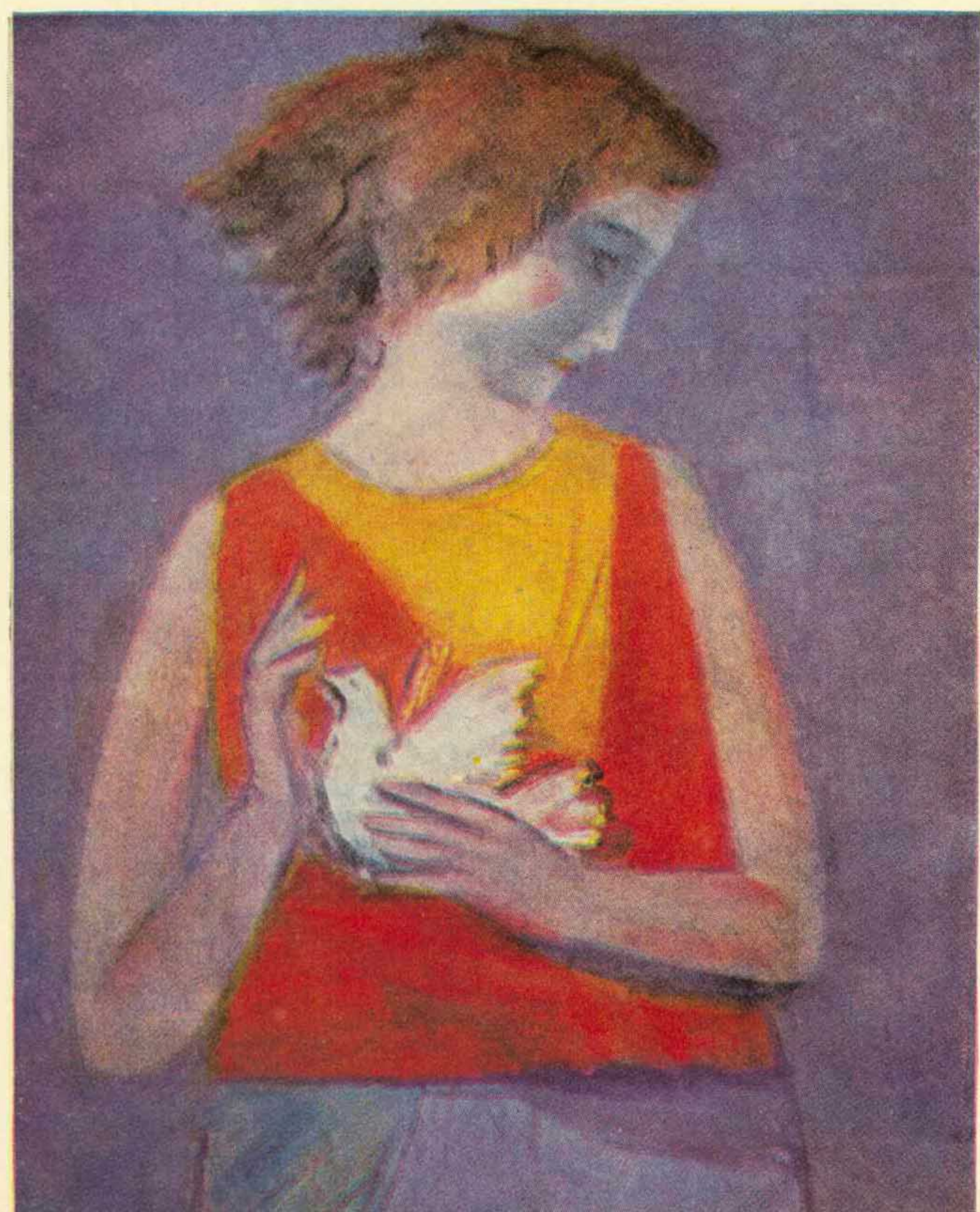
— Почаще бы приезжали в нашу страну такие люди, как вы, — сказал Ллойд-отец. — Мы плохо представляем себе вас. Не предполагали, что русские такие отличные ребята. Побольше бы мы встречались друг с другом. Тогда бы, вероятно, не было никогда войн.

Я подумала: вот еще один аспект советского изобретения, о котором не говорил мне главный инженер Запорожского комбината, — политический! Очень важный аспект!

— Репортеры нас часто спрашивали: «Что вас больше всего поразило в Америке?» И мы неизменно отвечали: «Люди! Очень хорошие люди американцы! Радушные, простые, дружелюбные!» — как бы подвел итог Богданов.

А. Кравченко. ПОХОРОНЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРА.

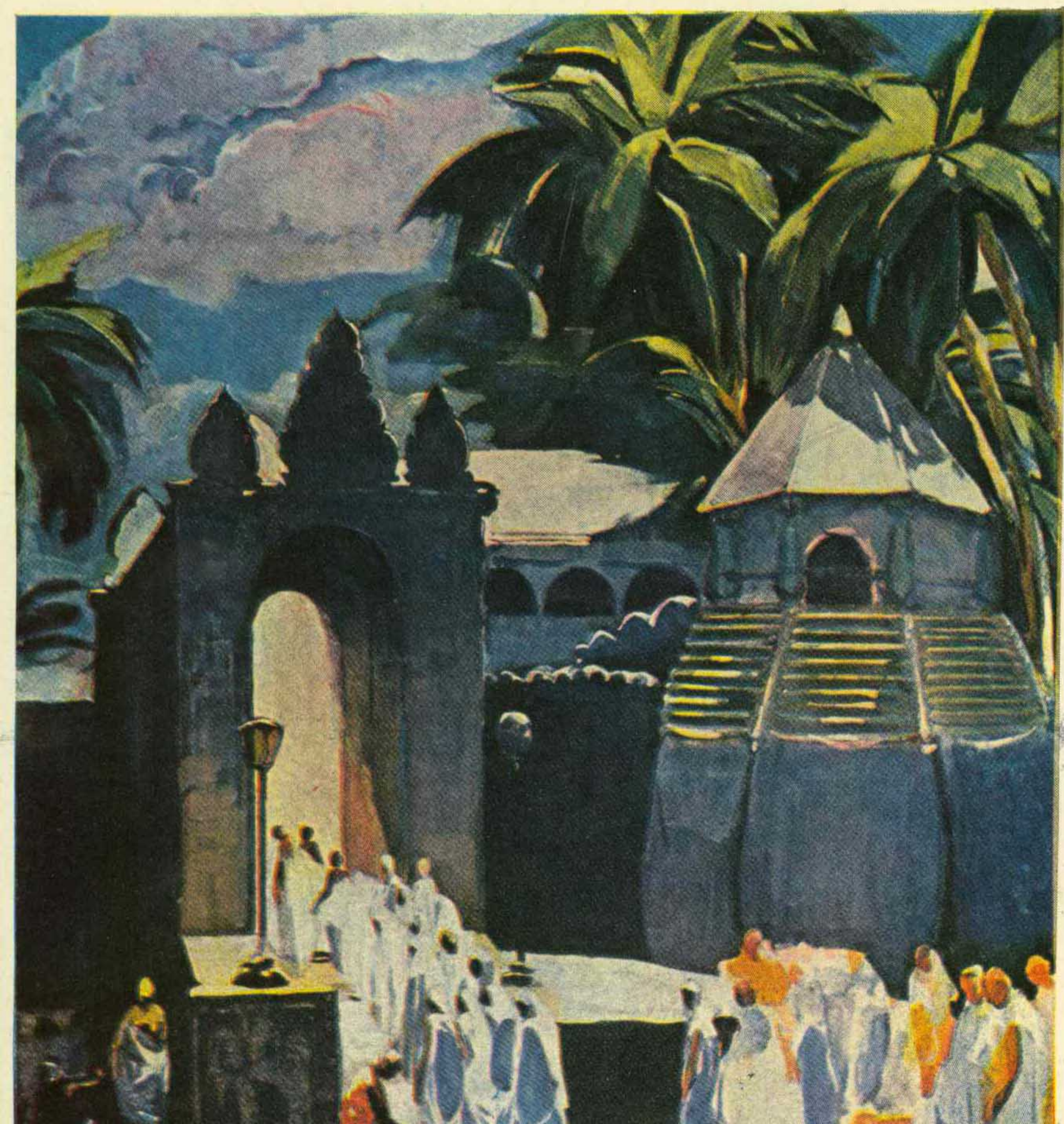
ДЕВУШКА С ГОЛУБЕМ.

АЗОВСТАЛЬ.
РАЗЛИВ СТАЛИ.
1938.

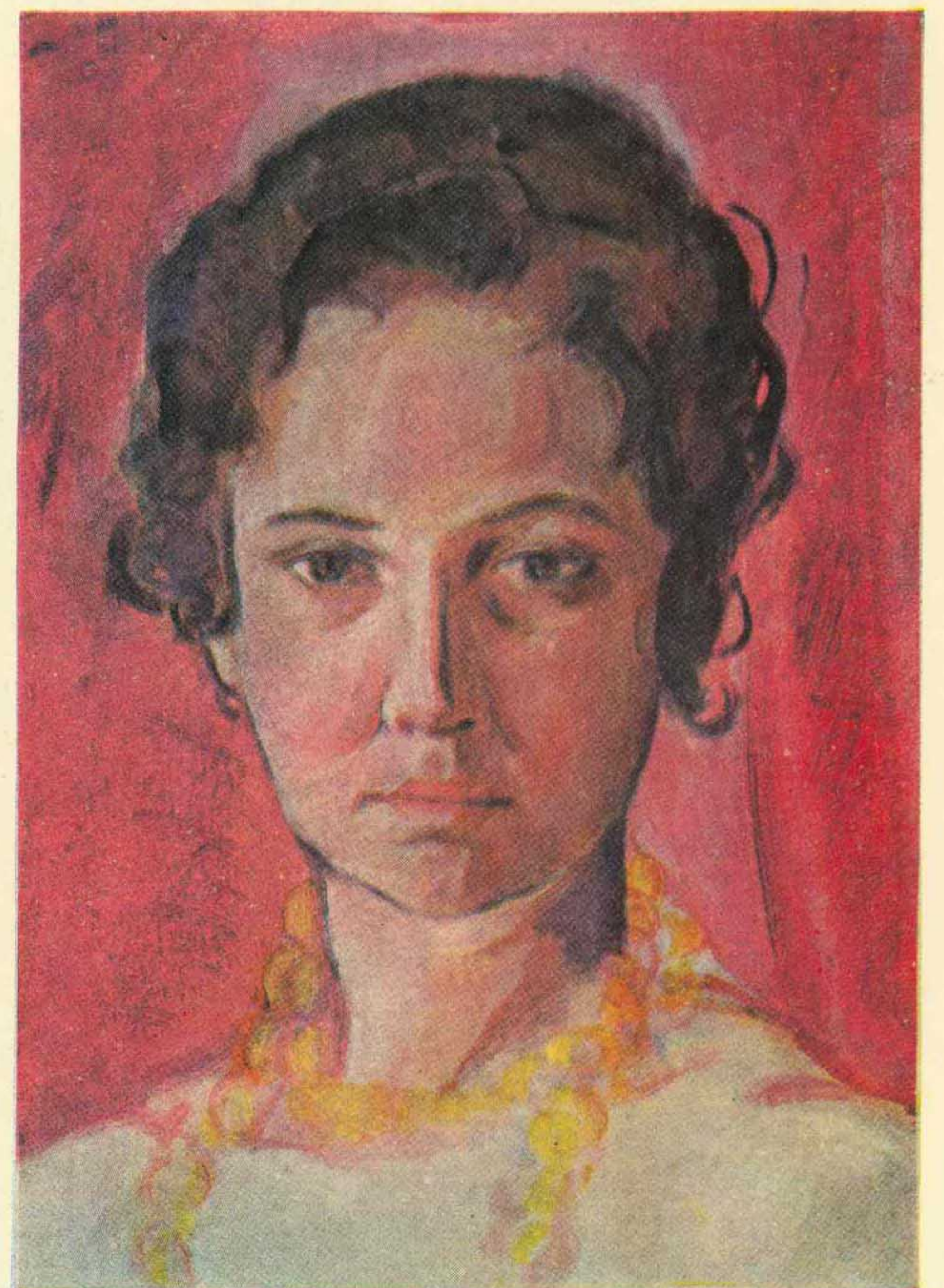

А. Кравченко. У ОЗЕРА КАНДИ.

ЦЕЙЛОН.

ПРОЦЕССИЯ. 1914.

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ.

(Фрагмент).

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ ПОЛИТИКИ МИРА

Начало см. на стр. 5

острого политического противоборства в Бонне возобладали силы, стоящие на позициях разума и политического реализма. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева в ФРГ открыл новую страницу во взаимоотношениях как наших двух стран, так и других стран Европы. Уже теперь очевидно, что положительные итоги боннских переговоров имеют историческое значение.

В условиях, когда социализм превратился в могучую, неодолимую силу, создались реальные условия для того, чтобы окончательно поставить крест на кровавом прошлом Европы. Прошлое не должно постоянно довлеть над народами и погружать в туман перспективы на будущее. А перспективы эти становятся все более зримыми, конкретными и реальными. В результате неуклонной деятельности КПСС и Советского государства принцип нерушимости государственных границ стал общепризнанным в международных отношениях. Правовое подтверждение в серии договоров и соглашений, заключенных в последние годы, получило послевоенное устройство. Ныне оно незыблемо. Завершается процесс полной ликвидации всех негативных последствий прошлой войны. Открыт путь к мирному, полезному для всех сторон сотрудничеству европейских государств. Весьма важным шагом в этом направлении является предстоящее общеевропейское совещание по вопросам безопасности и сотрудничества, к созыву которого так много усилий приложили Советский Союз и другие социалистические государства Европы.

Принципиальное значение для всего хода мировых событий имеет тот факт, что ленинская идея мирного сосуществования государств с различным общественным строем одерживает все новые победы в умах людей и в практике международных отношений. Этот принцип закреплен во многих межгосударственных соглашениях, в том числе и в документах, подписанных в итоге состоявшейся год назад в Москве советско-американской встречи в верхах. Международная общественность не сомневается: визит Л. И. Брежнева в США откроет еще более благоприятные перспективы как для дальнейшего всестороннего развития советско-американского сотрудничества, так и для всего последующего хода мировых событий.

Таким образом, есть все основания утверждать, что всеобщий мир сегодня прочнее, чем когда-либо.

Но это отнюдь не должно порождать благодушие и беспечности. Достигнутые в мировой политике перемены еще не стали необратимыми. Битву за прочный мир, за всеобщую безопасность еще надо довести до полной победы.

Движение миролюбивого человечества по пути к более прочному миру не идет самотеком. Противники разрядки — силы милитаризма, реванша, приверженцы агрессивных военных блоков — еще не сложили оружия. Зарницы военных действий продолжают сверкать в Камбодже, а временами и в Лаосе и Южном Вьетнаме, где реакционные антинародные силы, поощряемые извне, постоянно нарушают соглашения о прекращении огня. Продолжает чадить опасный очаг военных конфликтов на Ближнем Востоке, где израильский агрессор, поддерживаемый империалистами, по-прежнему топчет захваченные им земли арабских народов, чинит одну за другой преступные акции против соседних государств. Милитаристские силы в некоторых странах Запада продолжают раскручивать и без того бешено крутящийся маховик гонки вооружений.

Все это требует от поборников мира постоянной высокой зоркости. Апрельский Пленум ЦК КПСС вновь обратил внимание на необходимость постоянной бдительности и готовности давать отпор любым проискам агрессивных, реакционных кругов империализма.

«Пленум ЦК, — говорится в его постановлении, — поручает Политбюро и впредь неуклонно осуществлять определенный XXIV съездом КПСС внешнеполитический курс, руководствуясь положениями и выводами доклада товарища Л. И. Брежнева на настоящем Пленуме, бороться за полное претворение в жизнь Программы мира, добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер».

Такая позиция великой социалистической державы вдохновляет на борьбу за мир все народы. Они справедливо считают, что в наше время речь идет уже не просто о предотвращении угрозы мирового термоядерного пожара. Речь идет о том, чтобы окончательно утвердить в международных отношениях принцип мирного сосуществования государств. Сейчас создалась возможность осуществить такие новые сдвиги в международных отношениях, которые обеспечат прочный, надежный мир на основе систем коллективной безопасности в различных районах земного шара.

Большую роль в борьбе народов за мир, несомненно, сыграет предстоящий в октябре этого года в Москве Всемирный конгресс миролюбивых сил, практическая работа по подготовке которого все шире разворачивается во всех уголках планеты.

От первого внешнеполитического акта Советской власти — ленинского Декрета о мире до Программы мира XXIV съезда КПСС наша партия, весь наш народ пронесли преемственность главных направлений борьбы за мир и счастье народов. На новой стадии битвы за мир Коммунистическая партия Советского Союза еще выше поднимает ленинский стяг активной миролюбивой внешней политики.

Начало см. на стр. 1

ДЕПУТАТЫ ЗЕМЛИ МОЛДАВСКОЙ

— Потому-то на последней сессии сельсовета стоял один-единственный вопрос: дисциплина труда, — продолжает председатель исполкома сельсовета В. Д. Попов. — Разговор был очень крутой. Держать ответ перед избранными народом пришлось и любителям выпить и тем, кто ревниво печется о приусадебном участке, а в колхозе работает спустя рукава. Одним этот урок пошел впрок, других пришлось наказать — перевести на низкооплачиваемую работу. Так, в частности, поступили с трактористом Дмитрием Братко.

— Владимир Васильевич, — спросил я у председателя колхоза, — а хватает ли в хозяйстве специалистов?

— Вполне. В селе пятьдесят человек с высшим образованием и раза в два больше со средним. Мы не скупимся на колхозные стипендии. Только за последние годы институты окончили десять колхозных стипендиатов. Среди них ветеринарный врач, экономист, гидротехник, бухгалтер... У нас три работника Дома культуры имеют высшее специальное образование. Формально на учебу направляет правление колхоза, но ребят для этого подбирает сельсовет. Ведь я, как хозяйственник, не могу знать, что представляет собой школьник: в колхозе он еще не работает, и я с ним не встречаюсь. А вот депутаты сельсовета знают о нем все: и как учится, и как себя ведет, и в какой семье растет... До сих пор ошибок не было: все парни и девчата, рекомендованные сельсоветом, окончив институты и техникумы, вернулись в колхоз.

— Но это вовсе не значит, что у нас не существует проблемы молодых кадров, — заметил В. Д. Попов. — В прошлом году школу окончили пятьдесят четыре человека, а половина из них работает в городе — у нас под боком дунайский порт Рени. Честно говоря, я сам до конца не пойму, в чем тут дело. Зарабатывают они там меньше, труд менее квалифицированный, да и на работу мотаться далеко... Видимо, чего-то мы не додумали здесь, у себя на селе. Разные точки зрения у депутатов... Но в одном все сходятся: нельзя допускать того, чтобы люди, которые стремятся работать в городе, в то же время пользовались всеми правами, льготами колхозников. Недавно мы пригласили на заседание исполкома сельсовета трех таких сельан-горожан. Ребята все поняли: взвесили все «за» и «против», а потом явились и сказали: хотим работать в колхозе. Вообще все больше юношей и девушек возвращаются в село. Думаю, одна из причин в том, что за последние годы в колхозе изменился крестьянский труд. Вы посмотрите, какой аппаратурой оборудованы молочнотоварные фермы, какое сложное инженерно-гидротехническое сооружение — система полива полей, какая передовая агрономия применяется в питомниках по выращиванию виноградных саженцев! Да и жизнь на селе изменилась. Иногда от городской не отличишь ее. Сейчас в Джурджулештах живут 2 700 человек, а недавно исполком сельсовета утвердил генеральный план реконструкции села на пять тысяч жителей.

ВСЕ УЕХАЛИ НА ПОЛЯ

Стол председателя Вулканештского райисполкома, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР Д. Х. Рашкулева был завален книгами. Но экономические и юридические справочники, книги по агрономии и строительству отодвинуты в сторону. Зато прямо под рукой лежали тома Большой Советской Энциклопедии и... путеводители по странам Латинской Америки.

— Собираюсь в Венесуэлу, — пояснил Дмитрий Харлампиевич. — Еду в составе парламентской делегации. Вот сел за книги.

Потом он отодвинул путеводители и спросил: — Итак, вы побывали во многих селах нашего района. Что больше всего НЕ понравилось? Я несколько оторопел от такой необычной постановки вопроса. И ответил:

— Может, я сперва скажу о том, что понравилось... Больше всего меня поразило, что буквально в каждом селе есть книжные магазины. Я интересовался их вырубкой: все как один рентабельны. Значит, спрос на книги необычайно велик... Понравилась архитектура сел: дома культуры, школы, универмаги и детские сады построены со вкусом. Да и дома колхозников — загляденье. Но не мешало бы подумать и о газе, водопровод, а улицы или хотя бы тротуары — асфальтировать. Колхозники говорили об этом. Сейчас еще куда ни шло — весна, а что будет осенью?!

— Да, дороги — это наше больное место, — вздохнул Дмитрий Харлампиевич. — Проблема серьезная, и решать ее надо по-государственному. В районе шестнадцать колхозов и четыре совхоза. Все это крепкие, получающие миллионные прибыли хозяйства. Председатели колхозов и директора совхозов охотно расхо-

дуют деньги на сооружение, скажем, коровников, свинарников или насосных станций. Но как только речь заходит о благоустройстве сел, строительстве спортивных площадок или тех же тротуаров, кое-кто проявляет... Ну, как бы это помягче сказать?... Прижимистость, что ли? Как тут быть?... Ведь я тоже долгие годы был председателем колхоза. И строительством мы много занимались. Не только хозяйственным, но и культурно-бытовым... Дом культуры, две школы, Дом пионеров, замахнулись даже на стадион. И никто не ругал нас за «отвлечение средств». Но знаю: всегда есть возможность объяснить, почему колхоз не может помочь, скажем, благоустройству села. Даже соответствующую инструкцию привести. И тут многое зависит от местных Советов, от их гибкости, инициативы, энергии, настойчивости. Если тебя, скажем, не понимает председатель колхоза, попроси партийную организацию помочь. Сумей объяснить, что двигаться вперед укреплением одной лишь материально-технической базы колхоза не удастся. А если председатель не поймет, выйди на общее собрание колхозников. Народ сам разберется: дороги, школа, Дом быта — все это тоже хозяйство двигает... Хороший отдых не что иное, как подготовка к производительному труду. Поэтому-то местные Советы и уделяют так много внимания улучшению быта колхозников, организации их досуга. Мы установили, что из тех сел, где в домах культуры трудятся люди с выдумкой, где хорошо поставлена спортивная работа, где думают о повышении квалификации молодых колхозников, почти никто из выпускников школ не уезжает в город.

Правда, я с огорчением должен признать, — продолжал председатель, — что по части спорта дела у нас обстоят не блестяще. Этот вопрос обсуждался на последнем заседании райисполкома, и нам пришлось выслушать суровую критику депутатов. Даже в районном центре нет стадиона. Лет пять назад это объясняли отсутствием средств. Тогда же правление колхоза «Гигант», где я был председателем, выделило на строительство стадиона сто тысяч рублей. Мы понимали, что стадионом будут пользоваться не только жители райцентра, но и наши колхозники. Председатели других колхозов, к сожалению, этого не поняли, так что кооперироваться было не с кем. Да и райисполком занял какую-то выжидательную позицию... В тот день, когда меня избрали председателем райисполкома, я дал избирателям слово: стадион в Вулканештах будет! И не только стадион, но и плавательный бассейн. Мы смогли убедить хозяйственных руководителей, что без спортивного комплекса нам не обойтись. Теперь средства есть. Загвоздка в другом: в районе имеются неплохие строители, они сооружают прекрасные коровники, свинарники, но как подступиться к стадиону, а тем более к плавательному бассейну, понятия не имеют. Думается, что настало время создать крепкое межрайонное строительное управление, которому под силу и такое дело, как стадион...

Потом наш разговор пошел о весеннем севе, видах на урожай.

— Это — главное направление деятельности местных Советов. Недавно Вулканештский район выступил с ценной инициативой: построить в каждом колхозе механизированный ток. Выгоды этого дела столь очевидны, что хозяйственники энергично взялись за работу. На окраине многих сел уже можно увидеть механизированные токи. И сейчас депутаты ни на один день не выпускают эти стройки из-под контроля. Но принять решение — лишь полдела, надо обеспечить его выполнение. Это одна из первых заповедей избранников народа.

Вечером мы снова встретились с Дмитрием Харлампиевичем. На этот раз он был не один: собрались все председатели колхозов и председатели исполкомов сельсоветов. Здесь же агрономы, ветеринары, врачи, работники санэпидстанции. На экстренном заседании райисполкома обсуждался очень важный вопрос: борьба с долгоносиком и восточной плодожоркой. Каждый получал конкретное задание: один отвечал за технику, другой за химикаты... А депутаты местных Советов должны были мобилизовать население.

Заседание быстро закончилось, и райисполком опустел: все уехали на поля.

ЭСТАФЕТА ЮНОСТИ

Мотор трактора надсадно гудел. Через каждые сто — двести метров нужно было останавливаться, чтобы дать ему остыть. И опытному-то трактористу пришлось бы туго, а тут 15-летний парнишка. Да и трактору уже давно пора уйти на покой. Но заменить его нечем. Шла война. Великая Отечественная.

Труден был тот военный хлеб. Рабочих рук не хватало, новой техники не было. Андрей, герой повести Владимира Еременко «Свой хлеб», вместе с другими такими же, как он, подростками 40-х годов вступал в самостоятельную жизнь, выращивал урожай.

Эта книга посвящается тем, кто заменил отцов и братьев на трудовом фронте в тяжелую годину войны, и современным подросткам-школьникам. Комсомольцы сороковых и нынешних, семидесятых годов. Но между ними целая эпоха.

Периоды нравственного созревания двух героев книги, отца и сына — Андрея-старшего и Андрея-младшего, — отделяют тридцать лет. И перед каждым из них в свое время встает вопрос: как сделать жизнь нужной и полезной, с чего начать ее, чтобы стать человеком, чтобы быть человеком. Именно о пороках первых испытаний, первых жизненных экзаменов рассказывается в повести.

Оба Андрея и похожи друг на друга и одновременно очень разнятся. Вместе они являют как бы обобщенный портрет мальчишек двух поколений. Рисую характеры своих героев, автор обстоятельно описывает и тех, кто влияет на их становление: бригадира Василия Афанасьевича, секретаря райкома комсомола Гришу Завгороднева, чуткого друга, старшего товарища; механика Халима Винулова, в котором сочетается суровость с добротой; учительницу физики Анну Павловну, мудрого человека и талантливого воспитателя.

Пожалуй, самые выразительные страницы книги повествуют о подвиге советского крестьянства во время Отечественной войны. Они полны и жизненной правды, и неподдельного чувства, и художественной выразительности. Суровые военные будни описаны очень зримо, убедительно.

Две жизни, судьбы отца и сына, тесно и естественно переплетаются в повести, как бы дополняя и обогащая друг друга. Наиболее яркие и запоминающиеся эпизоды подтверждают главную мысль, основную нравственную идею книги: живой эстафетой идет от отца к сыну желание делать свое дело, выращивать хлеб, строить, творить, создавать во имя счастья человека.

Ирина МИКАЭЛЯН

Владимир ЕРЕМЕНКО. Свой хлеб. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1973.

Ольга САХАРОВА

Вы встречаетесь с его музыкой чуть ли не ежедневно вот уже почти полвека, в драматическом театре или в концертном зале, в музыкальной программе радио или в телевизионной передаче, в кино или на балетном спектакле... И если это не первая встреча, то сразу же, с первых тактов вы, несомненно, узнаете почерк автора — народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, лауреата Государственных премий Арама Ильича Хачатуряна.

Созданное, сотворенное им богатство обильно и многообразно: две симфонии, три балета, концерты, многочисленные камерные произведения, песни, музыка к двадцати пяти кинофильмам и к двадцати драматическим спектаклям... Но, конечно же, не количеством произведений определяется ценность того вклада, что внес Хачатурян в культуру советского народа.

В его творчестве нашла отражение целая эпоха нашей жизни. Она раскрыта и разгадана, она утверждается в тех проявлениях, что непереводимы словами, движением, линией, что живут только в звуке, в музыке.

«Чувствовать себя частицей своего народа, черпать из неиссякаемых родников его искусства, быть выразителем его жизненных интересов — это ли не высшая цель всякого подлинного художника?» — так композитор определяет задачу своего творчества. И каждое его сочинение делает слушателя причастным борьбе за эту высшую цель.

Одним из самых народных произведений о Великой Отечественной войне стала Вторая симфония Хачатуряна, созданная в 1943 году. В этом произведении, так же как в балете «Гаянэ», написанном незадолго до симфонии, композитор не ограничивается всегда присущим его стилю ярко контрастным решением темы. Он строит музыкальную драматургию на остро-конфликтном, откровенном столкновении двух противоборствующих сил и со свойственным его дару мужественным оптимизмом разрешает конфликт победой добра над злом. В те тяжкие военные годы композитор сумел сказать не только о своей личной надежде — он стал выразителем всенародной веры в победу.

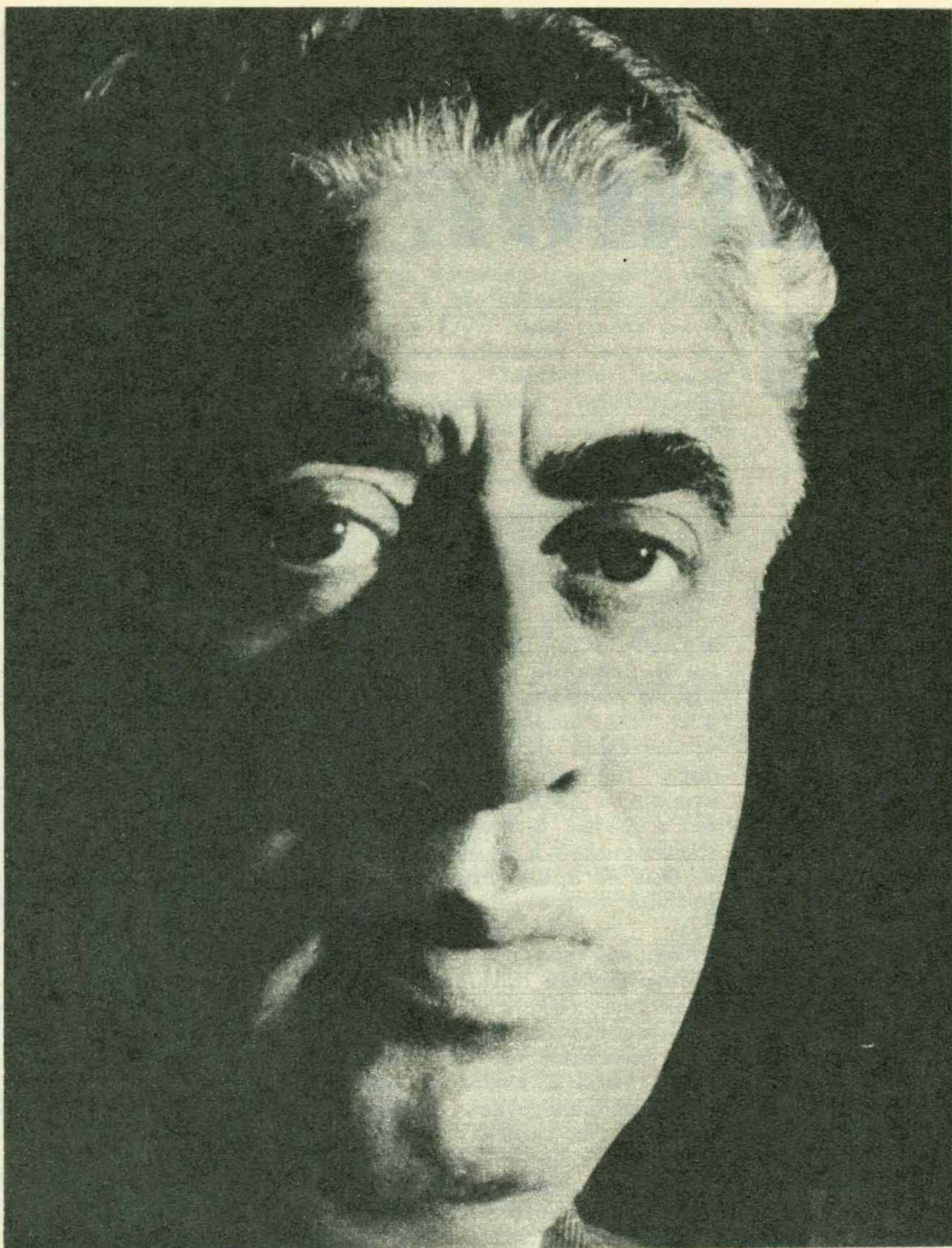
Арам Хачатурян — композитор глубоко национального. Его творческие искания, самые новаторские, подчас опережающие сегодняш-

ХАЧ

ний день музыкальной жизни, всегда покоятся на веками складывавшемся фундаменте народной армянской культуры.

Не знаю, можно ли сказать, что Хачатурян «осваивал» музыкальную культуру Закавказья. Наверное, освоение это произошло само собой. Судьба будто нарочно свела воедино все три музыкальные культуры Закавказья в семье будущего музыканта. Родители Арама Ильича, прекрасно знавшие родные армянские напевы, провели свои детские годы в Азербайджане, а позже переехали в Тбилиси. Поэтому и древние азербайджанские напевы, и песенное многоголосие Грузии, и армянские мелодии с детства воспринимались Хачатуряном как части единой музыкальной сокровищницы. Но самой близкой была музыка, сложенная его дедом и прадедами.

Мне никогда не забыть песни ашуга Закариана Глахо — то был плач очарованной души... Он выплескивал вдруг то пылкую надежду, то откровенное, почти кричащее горе и опять уходил в тихую грусть старой мелодии, созданной много веков назад народом-художником. И у Хачатуряна в любом его произведении вы найдете народную мелодию — сестру той, что пел Глахо. Но как они несхожи при том, что так явственно близки!.. Композитор почти никогда не цитирует народную мелодию, он смело и бережно вводит ее в ткань своего произведения, облекая в совершенно неповторимую, «хачатуряновскую» форму, наполняя ее новым, сегодняшним содержанием. Этот непостижимый процесс творчества, этот ценнейший сплав дара сочинителя, глубочайшего знатока народной мелодики и острого, почти осязаемого чувствования ритма сегодняшнего

А Т У Р Я Н

дня, — все это рождает музыку, близкую и желанную сердцу человека любой национальности. Только так, на самом высоком уровне художественного творчества, рождаются произведения, любимые во всех уголках земли, подлинно интернациональные.

Огромным успехом пользуются балеты Хачатуряна «Спартак» и «Гаянэ». Колорит музыки, насыщенность ее остросовременным содержанием привлекают и советских и зарубежных балетмейстеров.

Как всякое большое явление в искусстве, творчество Хачатуряна немислимо вне времени, вне общественной жизни. Оно никогда не замыкается в рамки национальной тематики. И как измерить то колоссальное влияние, которое испытал композитор, вплотную, профессионально соприкоснувшись с творчеством великих русских композиторов — П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, А. П. Бородина, С. С. Прокофьева? Как определить меру воздействия интеллекта, таланта, эрудиции прекрасного русского композитора и педагога Н. Я. Мясковского на формирование молодого Хачатуряна-музыканта?.. Да, все это практически неизмеримо и, однако, на удивление, ощутимо, наглядно отражается в трудах музыканта.

Хачатурян совершенно не приемлет позицию художника-индивидуалиста. Он всегда находится в самой гуще событий, всегда стремится к активному восприятию жизни. Отсюда, наверное, и идет то единство творческих принципов, которые Хачатурян несет через всю свою жизнь. Единство — но не однообразие! — оно рождается не скудостью таланта, а его целностью, монолитностью.

Концерт для фортепиано с оркестром, Кон-

церт для скрипки с оркестром и Концерт для виолончели с оркестром, написанные Арамом Ильичом в тридцатых — сороковых годах, исполняются с огромным успехом на многих концертных площадках мира; и сейчас вы слышите в них ритм, настроение тех давних горячих лет Советской страны...

Вся архитектура Концерта для фортепиано с оркестром, так же, как и двух других концертов, основана на непрерывающемся соревновании двух инструментов: рояля и оркестра. Я не оговаривалась: оркестр у Хачатуряна часто воспринимается как единый инструмент — могучий и многоликий. И вот будто сейчас, здесь, на наших глазах, рождается музыка... Яркую, причудливую фортепианную тему подхватывает оркестр, расцвечивая ее всплесками красок. Пьянист вдруг как будто отступил, ушел в размышления; они — почти импровизация, глубоко личная, даже отрешенная. Но и в этой недолгой отрешенности чувствуется внутренний неостывающий накал, мятельность. Она, наконец, прорывается в мощном оркестровом звучании, разворачиваясь в излюбленном Хачатуряном контрастном развитии темы, где все проникнуто мелодией страстной и лиричной, неистовой и легкой, высвечивающейся все более ощутимо из насыщенной оркестровой ткани.

Концерт для фортепиано с оркестром — исповедь натуры глубокой и пылкой. В ней и сомнения, и упрямая уверенность, и ликующая радость, и мягкая скрытая нежность...

По прошествии трех десятилетий Арам Ильич Хачатурян вновь обращается к форме концерта солирующего инструмента и оркестра. На этот раз он создает три Концерта-рапсодии: скрипичную, виолончельную и фортепианную. И в них сказалось не только возросшее мастерство Хачатуряна-симфониста, проявилась не только его собственная, углубленная жизненным опытом философия. В этих концертах вновь сквозь призму чрезвычайно поэтического, образного, глубоко индивиду-

ального восприятия жизни отразился ее сегодняшней день; зазвучало время нынешнее — бурное и зрелое, радостное, уверенно устремленное вперед.

Музыка Хачатуряна никогда не была иллюстративной. Никогда не опускалась до «оформительской» атрибуности, если даже она специально написана для кино или театра. Музыка Хачатуряна развивается и живет по своим собственным, только ей, музыке, свойственным законам. Но это реальные законы, реальная жизнь. Музыка Хачатуряна не «сопровождает» действия героя, не служит искусственному нагнетанию страстей... Эта музыка раскрывает самые сокровенные тайники не только души героя, но и души всего произведения.

Вспомните музыку Хачатуряна к драме Лермонтова «Маскарад»: тот всем знакомый, знаменитый хачатуряновский «Вальс»... Наверное, его можно воспринимать и просто как танец на балу. Но... вслушайтесь в этот причудливый узор, в его скрытую трагическую окраску, отдайтесь течению то ускользающей, то вплотную приближающейся к вам мелодии. Ведь здесь все, чем наполнена лермонтовская драма: это бесконечное движение, то стремительное, то будто затихающее, дающее возможность остановиться, очнуться от наваждения, но, нет, не останавливающееся... И эта щемящая сердце, чистая, все выше взлетающая, какая-то беззащитная мелодия, вдруг прерываемая глухим, непроницаемым отзвуком в нижнем регистре... Нельзя привыкнуть и слышать просто вальс...

Очень жаль, что практически нет возможности сейчас услышать музыку, написанную Арамом Ильичом к величайшим шекспировским трагедиям: к «Королю Лиру» для театра имени Моссовета, «Макбету» для Малого театра и к «Отелло», кинофильму режиссера Юткевича с Бондарчуком в заглавной роли; произведения настолько значительны по своему музыкальному выражению, что могут существовать как самостоятельные полотна, полные огромного эмоционального значения.

...Мартiros Сарьян назвал Хачатуряна, своего знаменитого соотечественника, художником, «чье кредо сформировалось и окрепло в творчески активном отношении к своему народу...» — это вообще главная черта человеческой природы Арама Ильича.

Она проявляется не только опосредованно — в музыке. Для него это способ существования, ежедневный, ежечасный.

Арам Ильич ведет класс композиции в Московской консерватории и Институте имени Гнесиных. Но к профессору Хачатуряну не подходят слова «педагог», «преподаватель», как бы ни были они уважаемы и значительны. Он — Учитель... Потому, что главная его забота не только приобщить к профессии, передать молодым тайны мастерства. Главное — воспитать настоящего советского художника, который завтра продолжит дело своего Учителя... Принципиальность в большом и в малом, бескомпромиссность в борьбе, самоотверженность в труде, сыновья преданность Родине — чуткая и мужественная — все эти качества невозможно просто привить ученикам. Их можно только передать из сердца в сердце.

Арам Ильич щедро награждает учеников своим душевным богатством. Так же, как каждого человека, с которым сводит его судьба. Впрочем, в данном случае ссылки на судьбу неправомерны. Стремление Арама Ильича к общению с людьми настолько велико, настолько целенаправленно и активно, что никакая другая судьба не справилась бы с этим бурным потоком общественной деятельности Хачатуряна. Он объездил всю нашу страну, весь мир. И всюду он находит сподвижников, единомышленников — среди рабочих, актеров, инженеров, писателей, военных...

В каком бы качестве ни предстал перед людьми Хачатурян — как всем известный композитор или как ректор народного университета «Молодой мастер», как доктор искусствоведения или как президент Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, и в общении с ними происходит одно и то же: Хачатурян полной мерой отдает себя людям и получает взамен такую же меру человеческого тепла, меру таланта и мудрости.

Наверное, в этом бесконечном процессе взаимобновления и кроется секрет непреходящей душевной молодости Арама Ильича Хачатуряна.

СЕРДЦЕ,

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ ЭРНЕСТОВИЧА БАУМАНА

ОТДАННОЕ РЕВОЛЮЦИИ

На гранитном постаменте среди алых гвоздик и тюльпанов — несколько скромных одуванчиков, только что положенных детской рукой. Они сорваны неподалеку, прямо на обочине тротуара. Они еще в утренней росе.

Эти цветы показались мне особенно милыми и дорогими, потому что их принесли дети, чья память хранит только самое ценное, самое близкое сердцу...

29 мая исполнилось сто лет со дня рождения пламенного революционера-ленинца Николая Эрнестовича Баумана.

Свою недолгую, яркую жизнь Бауман прожил как один день, посвятив себя единой цели, отдавшись единственному счастью: революционной борьбе за свободу угнетенных — рабочих и крестьян.

Уже в шестнадцать лет становится он убежденным пропагандистом марксизма среди рабочих.

Жизненный путь Баумана был тесно связан с деятельностью великого Ленина. В Казани, где родился и рос Николай Бауман, в те же годы учился и начинал революционную работу молодой Владимир Ульянов.

Стремясь больше сделать для революции, Бауман едет в Петербург и принимает участие в ленинском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

После побега из вятской ссылки Н. Бауман эмигрирует в Швейцарию, в Женеву, и по прибытии туда В. И. Ленина становится его ближайшим помощником в организации общерусской политической газеты «Искра». Вместе с Владимиром Ильичем Бауман едет в Германию. Ведет переговоры с владельцами типографий и приобретает русский шрифт для газеты, работает наборщиком. Ленин справедливо называл его одним из самых главных практических руководителей дела издания «Искры».

Бауман, без сомнения, был выдающейся личностью. Друг Николай Эрнестовича Василий Иванович Качалов дает ему в своих воспоминаниях замечательную характеристику: «Бауман поражал своей исключительной жизнерадостностью, талантливостью натуры, широтой интересов живого творческого ума. Пламенность и непримиримость революционера соединялись в нем с душевной стойкостью, добродушием... У меня ос-

талось впечатление, что это был лучший человек из всех, с кем я близко встречался за всю свою жизнь».

О смелости и самообладании Баумана в борьбе с тюремщиками и шпионами царской охраны можно рассказать много интересного. Он, например, организовал и блестяще осуществил дерзкий побег одиннадцати заключенных-искровцев из Лукьяновской тюрьмы в Киеве. Вначале он приучил надзирателей к тому, что заключенные во время прогулки на тюремном дворе для разминки делали гимнастические фигуры, взбираясь друг другу на спину. Затем Бауман установил связь с Киевским городским комитетом социал-демократов и заручился его помощью в осуществлении плана побега. Николаю Эрнестовичу передали букет роз, куда была спрятана «кошка» — стальной крюк для закрепления веревки на тюремной стене. В момент побега вооруженного часового накрыли одеялом и прижали к земле.

Всем одиннадцати удалось бежать и надежно укрыться на явках киевского подполья. Полиция не обнаружила ни одного из них.

А случай, когда Бауман, уже окруженный шпионами, буквально из-под носа у них ускользает, воспользовавшись помощью миллионера-фабриканта Саввы Морозова! Или другой случай, когда Николай Эрнестович скрывался у артистки М. Ф. Андреевой в доме ее мужа — действительного статского советника, а буквально за стеной той комнаты распивал чай обер-полицмейстер Д. Трепов, явившийся с рождественским визитом к хозяину.

Большой любовью и популярностью пользовался Н. Э. Бауман у московских рабочих, которые тщательно оберегали его от царских ищеек. Известен ряд адресов его явок в рабочих слободах, например, во флигеле дома № 27 по улице Немецкой (ныне улица Баумана) на квартире рабочего К. Ф. Бойе.

В революционной борьбе видел Николай Эрнестович смысл своей жизни.

— Мы чувствуем себя счастливыми только в борьбе, — говорил он своей жене.

Ради революционной работы пошел он на разрыв с горячо любимыми родителями, пренебрег «проклятием» матери.

Трижды подвергался Н. Э. Бауман аресту. Был заточен в одиночной камере № 56 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Два раза бежал из заключения. Из Таганской тюрьмы его освободили восставшие рабочие в 1905 году.

Столетний юбилей со дня рождения Н. Э. Баумана почти совпадает по времени с другим знаменательным юбилеем — 70-летием исторического II съезда РСДРП, который готовятся торжественно отметить Коммунистическая партия и трудящиеся Советского Союза, все братские коммунистические и рабочие партии.

Михаил Дмитриевич МИЛЛИОНЩИКОВ

Советская наука понесла большую утрату. 27 мая 1973 года после тяжелой болезни на 61-м году жизни скончался крупнейший советский ученый, коммунист, Председатель Верховного Совета РСФСР, вице-президент Академии наук СССР, заместитель директора Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий академик Михаил Дмитриевич Миллионщиков.

Ушел из жизни выдающийся ученый и видный общественный деятель, талантливый организатор советской науки, активный участник движения ученых за мир и разоружение, замечательный человек, отдавший всю свою жизнь служению Родине, великому делу строительства коммунизма.

М. Д. Миллионщиков родился 16 января 1913 года в г.

Грозном. Окончив в 1932 г. Грозненский нефтяной институт, М. Д. Миллионщиков ведет исследования проблем фильтрации нефти и газа, непосредственно связанные с практическими нуждами развивающейся нефтяной промышленности нашей страны. В дальнейшем, обучаясь в аспирантуре Московского авиационного института, которую он закончил в 1938 г., а затем, работая в этом институте и других научно-исследовательских учреждениях, М. Д. Миллионщиков выполнил важные исследования в области теории турбулентного движения и прикладной газовой динамики. Ему принадлежит ряд крупных результатов в теории турбулентности, ставших классическими.

С 1949 года М. Д. Миллионщиков работал в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова заведующим отде-

лом, заместителем директора института. Здесь он отдает свои знания специалисту по механике и прикладной физике, свой талант организатора решению

проблемы использования атомной энергии. Им внесен большой вклад в становление советской атомной науки и техники, развитие высокотемпературной энергетики, разработку методов прямого преобразования ядерной энергии в электрическую. В 1953 году М. Д. Миллионщиков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1962 году — академиком и вице-президентом Академии наук СССР. На этом ответственном посту он внес большой вклад в решение важных задач организации науки, совершенствование подготовки научных кадров, дальнейшее развитие научного приборостроения, создание новых научных центров АН СССР, развитие науки в союзных республиках.

В течение более чем тридцати лет М. Д. Миллионщиков преподавал в высших учебных заведениях, руководил работой молодых научных работников, многие из которых стали известными учеными.

М. Д. Миллионщикова отличала широта интересов и строгость научного мышления, необыкновенная доброжелательность, сочетавшаяся с глубокой принципиальностью и требовательностью. Наряду с большой

ветственнейшие задания, например, доставку в Россию первых номеров «Искры». В декабре 1903 года Николаю Бауману поручается руководство Северным бюро ЦК партии и Московской организацией большевиков. В своей работе «Шаг вперед, два шага назад» Ленин неоднократно упоминает о Баумане.

Жизнь Баумана трагически оборвалась в дни первой русской революции 1905 года, когда он во главе демонстрации рабочих направлялся к Таганской тюрьме, чтобы освободить политических заключенных. Агент охранного отделения черносотенец сзади нанес ему смертельный удар.

Сама смерть Н. Э. Баумана послужила мобилизации и сплочению рабочего класса вокруг Красного знамени революции. Похороны Баумана стали мощной демонстрацией силы и единства рабочих.

Полиция не решилась помешать похоронной процессии: ведь в ней участвовало более трехсот тысяч человек. В этот день рабочие были хозяевами Москвы.

Через неделю после смерти Н. Э. Баумана в газете «Пролетарий» была опубликована статья В. И. Ленина, посвященная памяти славного революционера.

Бауман прожил всего 32 года и из них половину отдал делу рабочего класса, делу Ленина.

Рабочие нашей страны, все советские люди склоняют свои головы перед светлой памятью революционного бойца-ленинца Николая Эрнестовича Баумана, отдавшего свое сердце за победу пролетарской революции.

Имя Баумана присвоено старейшему пролетарскому Басманному району столицы, фабрикам и заводам, научным учреждениям, улицам, паркам и площадям.

Дмитрий ХАРЛАМОВ

Бауман был делегатом съезда от Московской организации РСДРП, выступил с большим докладом о ее работе и с блестящей речью в защиту ленинского состава редакции «Искры». Плечом к плечу с В. И. Лениным боролся он на съезде за создание партии нового типа, партии большевиков.

Владимир Ильич очень ценил Баумана как революционера-марксиста и талантливого организатора. Неоднократно поручал ему от-

научной, научно-организационной и педагогической деятельностью М. Д. Миллионщиков вел большую государственную и общественную работу, многие годы был депутатом Верховного Совета РСФСР, а с 1967 года был Председателем Верховного Совета РСФСР. Он активно участвовал в международном Пагуошском движении ученых за разрядку международной напряженности и разоружение, а с 1964 года был Председателем Советского Пагуошского комитета.

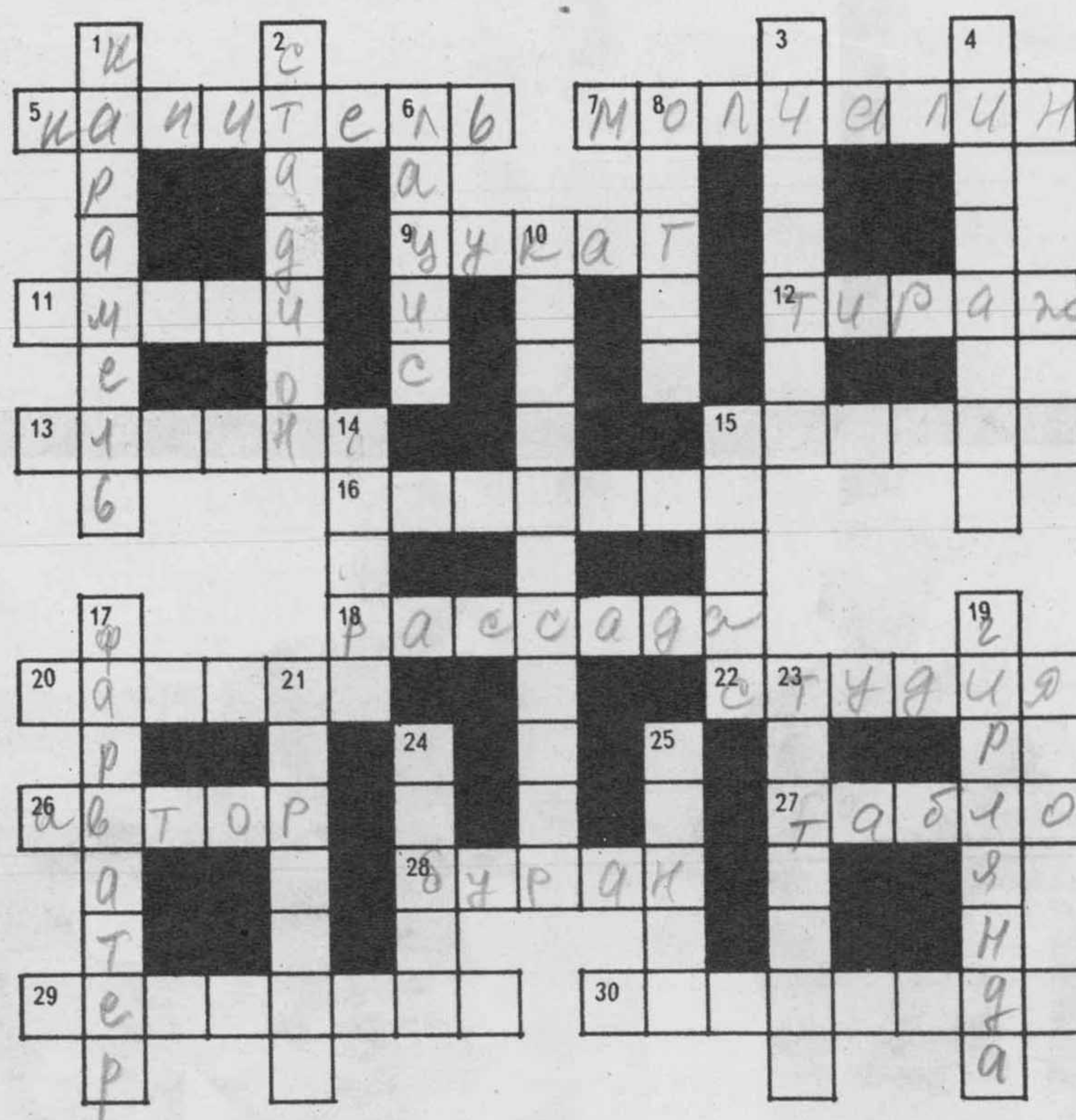
Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили научную, педагогическую и общественную деятельность М. Д. Миллионщикова. Он удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, награжден пятью орде-

нами Ленина, орденом Октябрьской Революции. Его выдающиеся научные заслуги были отмечены присуждением ему Ленинской и Государственных премий СССР.

Многогранная деятельность М. Д. Миллионщикова в области науки заслужила признание международной научной общности. Он был избран членом Академии наук ГДР и почетным членом Американской академии искусств и науки, удостоен ряда наград зарубежных стран.

Светлая память о замечательном человеке, выдающемся ученом и организаторе науки, воспитателе молодых советских ученых, верном сыне нашей Родины навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Сулов, А. Н. Шелепин, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, М. В. Келдыш, В. А. Кириллин, Н. К. Байбаков, Л. В. Смирнов, С. П. Трапезников, И. Д. Сербин, А. П. Шитиков, Я. С. Насриддинова, М. А. Яснов, В. П. Елютин, С. А. Зверев, С. А. Оруджев, К. Н. Руднев, Е. П. Славский, В. Д. Шашин, И. М. Макаров, В. Ф. Промыслов, А. М. Петросьянц, А. П. Виноградов, В. А. Котельников, П. Н. Федосеев, М. А. Лаврентьев, Ю. А. Овчинников, Б. Е. Патон, Г. К. Скрябин, А. П. Александров, Н. Г. Басов, Н. Н. Боголюбов, П. Л. Капица, М. А. Марков, Б. Н. Петров, А. М. Прохоров, М. А. Стырикович, В. М. Тучкевич, А. Н. Колмогоров, Ю. В. Харитон, Е. П. Велихов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Верхняя часть колонны. 7. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 9. Засахаренный плод. 11. Итальянский композитор. 12. Количество экземпляров печатного издания. 13. Армянский поэт. 15. Дневная бабочка. 16. Птица семейства фазановых. 18. Растение, выращиваемое для пересадки. 20. Драма Бальзака. 22. Мастерская художника, скульптора. 26. Создатель произведения, проекта. 27. Щит со световыми сигналами или надписями. 28. Снежная буря. 29. Вид ивы. 30. Картина Леонардо да Винчи.

По вертикали: 1. Кондитерское изделие. 2. Спортивное сооружение. 3. Трагедия Еврипида. 4. Советский физик, академик. 6. Народный писатель Латвийской ССР. 8. Рыба семейства карповых. 10. Теплообменный аппарат. 14. Щипковый инструмент. 15. Киргизский народный эпос. 17. Путь для безопасного плавания судов. 19. Украшение из цветов и зелени. 21. Областной центр в УССР. 23. Сорт яблок. 24. Дикая африканская лошадь. 25. Арена цирка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 4. «Обломов». 8. Аквариум. 9. Ассонанс. 11. Школа. 12. Початок. 13. Ижора. 14. Кряква. 16. «Старик». 17. Таволга. 18. Аквариум. 22. Мазурка. 25. Аренга. 26. Ретина. 29. Кроки. 30. Борисов. 31. Егерь. 32. Леонидзе. 33. Сорренто. 34. Архимед. **По вертикали:** 1. Облучок. 2. Толстой. 3. Циклотрон. 5. Пантомима. 6. Палатка. 7. Андижан. 10. Канио. 15. Атакама. 16. Санитар. 19. Вариометр. 20. Конвертер. 21. Индиана. 23. Углич. 24. Стрелец. 27. «Кобзарь». 28. «Соловей».

На первой странице обложки: Сколько их, Васиных тезок, мчались в таких вот буденовках на горячих конях!

Фото Д. Ухтомского.
На последней странице обложки: Красавица Катунь. Алтай.

Фото Ю. Лушина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

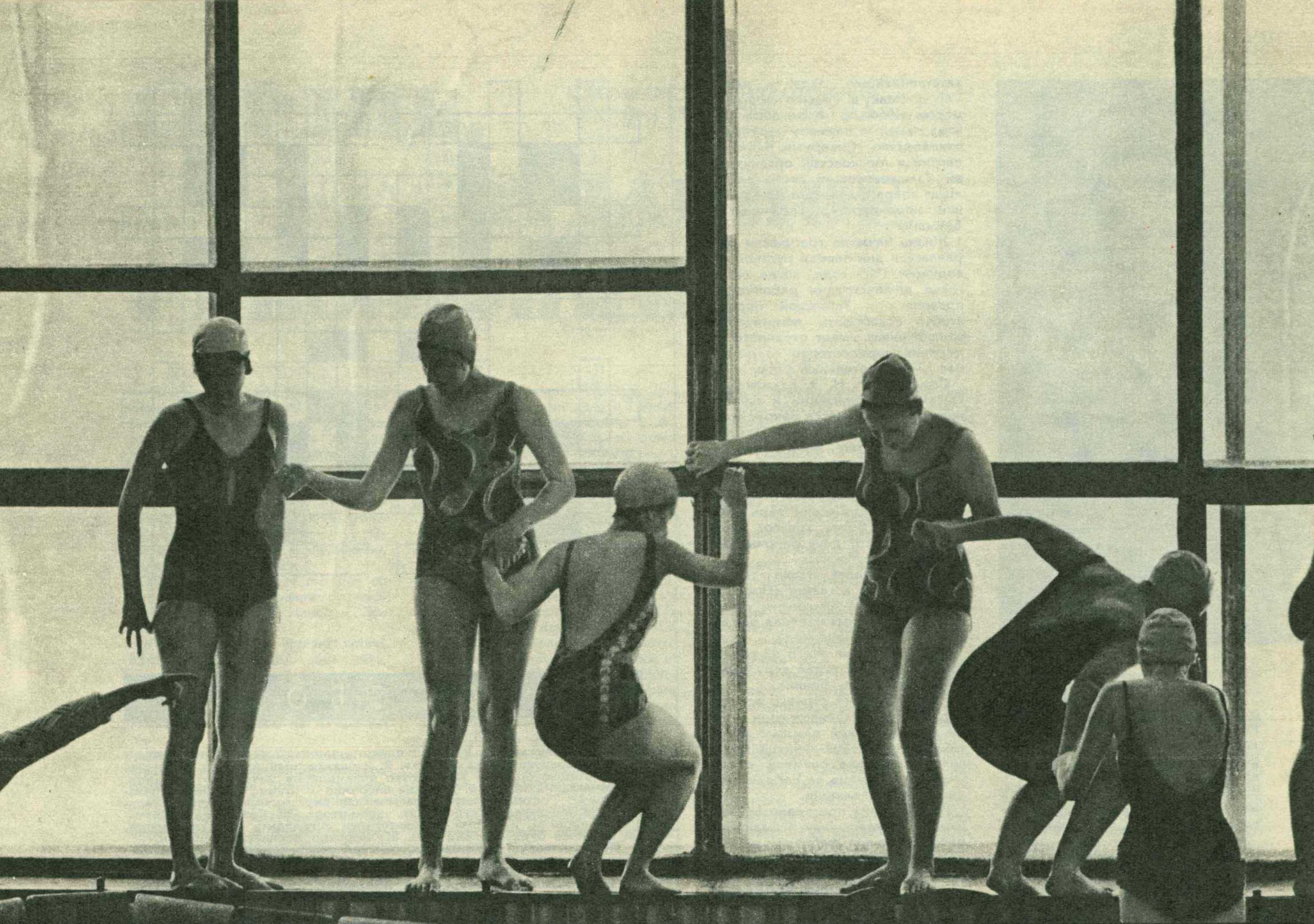
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-36-28; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 14/V-73 г. А 00076. Подп. к печ. 29/V-73 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1200. Тираж 2 165 000 экз. Заказ № 578.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Фото автора.

ВЕЧНАЯ

...Подкатил автобус, раскрылась дверь, и, словно горох из мешка, посыпались ребяташки. Пестренькие курточки, яркие шапочки, горящие глаза. У кого в руках кукла, у кого «Веселые картинки», и у каждого — прозрачный мешочек с мылом и мочалкой. Воспитательница построила юных пловцов, пересчитав их для верности, и через полчаса из «лягушатника» уже доносились веселый визг и смех.

В учебном бассейне, в котором и воробью-то по колено, ребята с тетей Аллой водили хоровод. Потом она уронила ключик и попросила его достать. Было не-

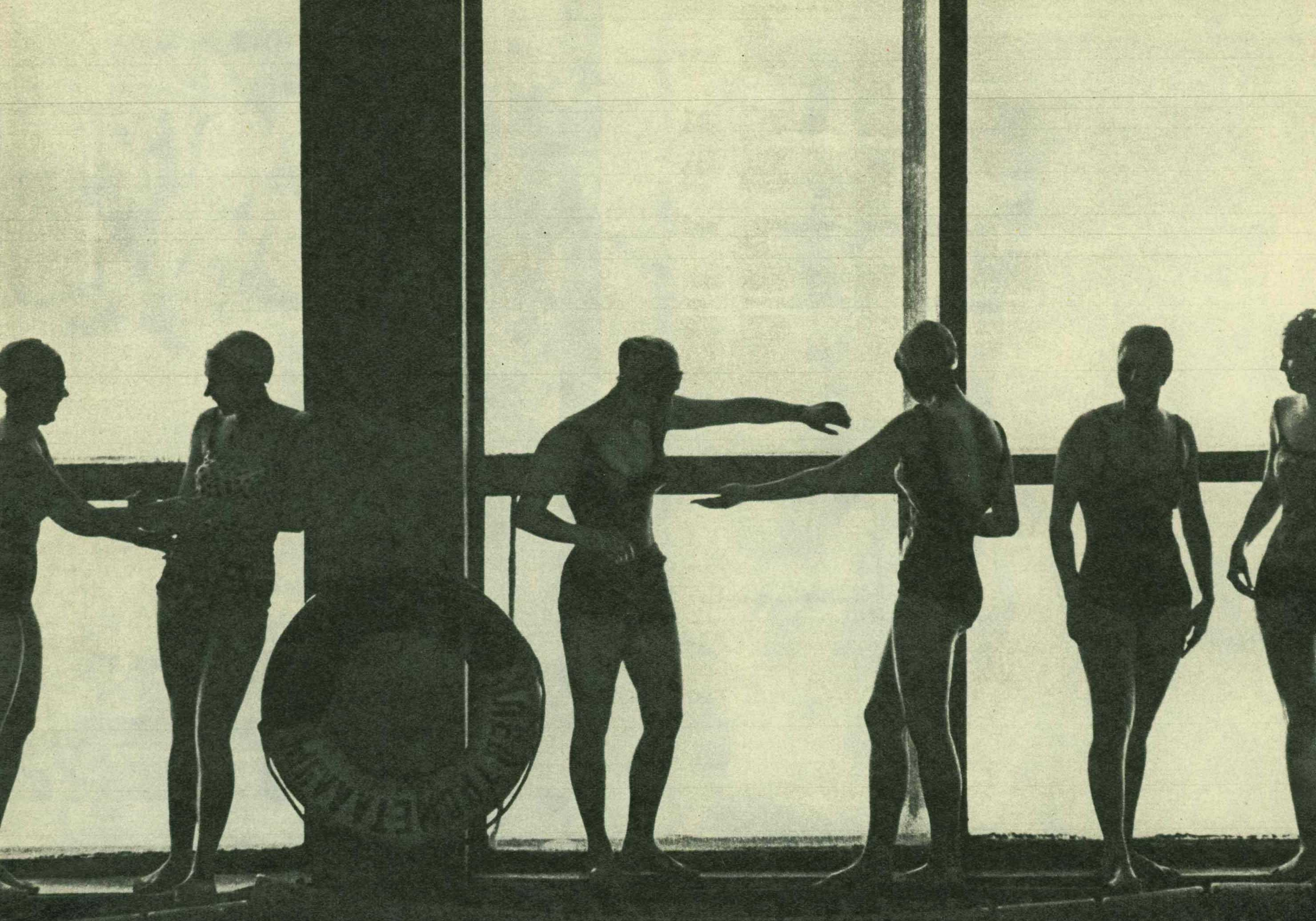
много страшно, надо было с головой нырнуть, а потом почему-то стало весело, и тогда тетя Алла принесла красивые камушки, бросила их в воду, и все стали их доставать.

Так у самых маленьких воспитанников детского сада № 307 проходил урок.

— Мне как заинтересованному лицу — я отец — хотелось бы понять: как вам удастся увлечь малышей? — спросил я директора челябинского водноспортивного комбината «Электрометаллург» Дмитрия Александровича Каменева.

— Как проходят занятия, вы ви-

дели сами. Это игра, хотя и игра, преследующая важные цели. А вот организовать дело так, чтобы малыши смогли регулярно посещать занятия, дело посложнее, — сказал Каменев. — Сначала наш бассейн обслуживал только взрослых, а потом мы построили «лягушатники». Ждем малышей и опасаемся, что не сможем принять всех желающих. Но день проходит — никого. Два — тоже никого. Мы с вопросом к родителям: в чем дело? Может, объявлений не видели, может, за детей боитесь? И выяснили. Днем папы и мамы на работе, дети в садиках. Тогда мы обратились в

СЛАВА ВОДЕ!

детские сады: приводите детей. Там сначала ни в какую. Детишек надо одеть, привести, раздеть, под душем помыть, снова одеть — работа это немалая. Да еще хорошо, если детский сад под боком.

Тогда прежде всего мы решили добыть автобусы, чтобы возить ребят. И дело пошло! Видели, как радуются карапузы? А строится работа так: приходит, скажем, малыш в первый раз. Определяем его в группу новичков. Научишься плавать, получишь значок «Умею плавать». Если ребенок может заниматься более серьезно, есть у нас секции, мы

его переводим в школы со спортивным уклоном, и он начинает ходить в бассейн дважды в день, шесть дней в неделю.

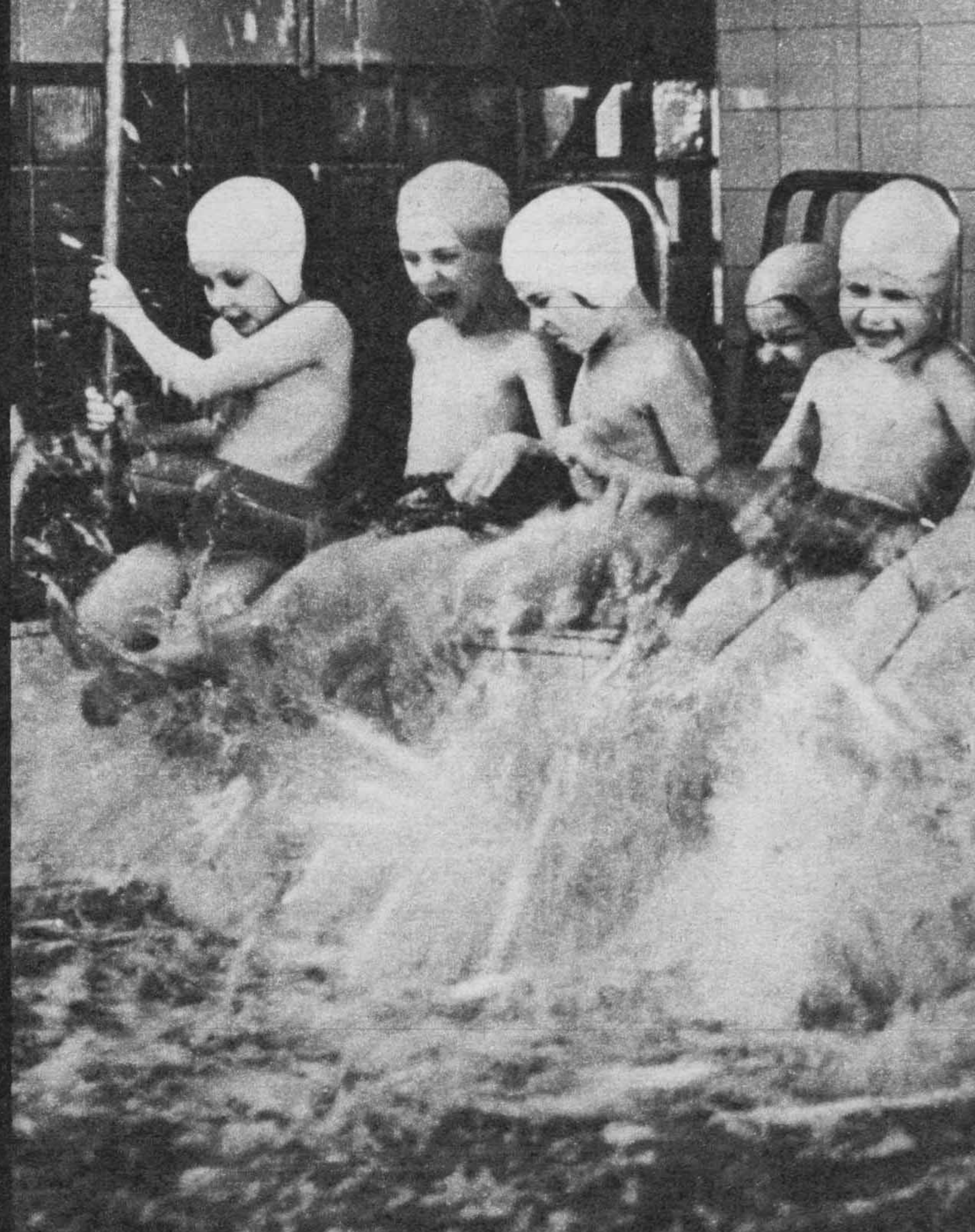
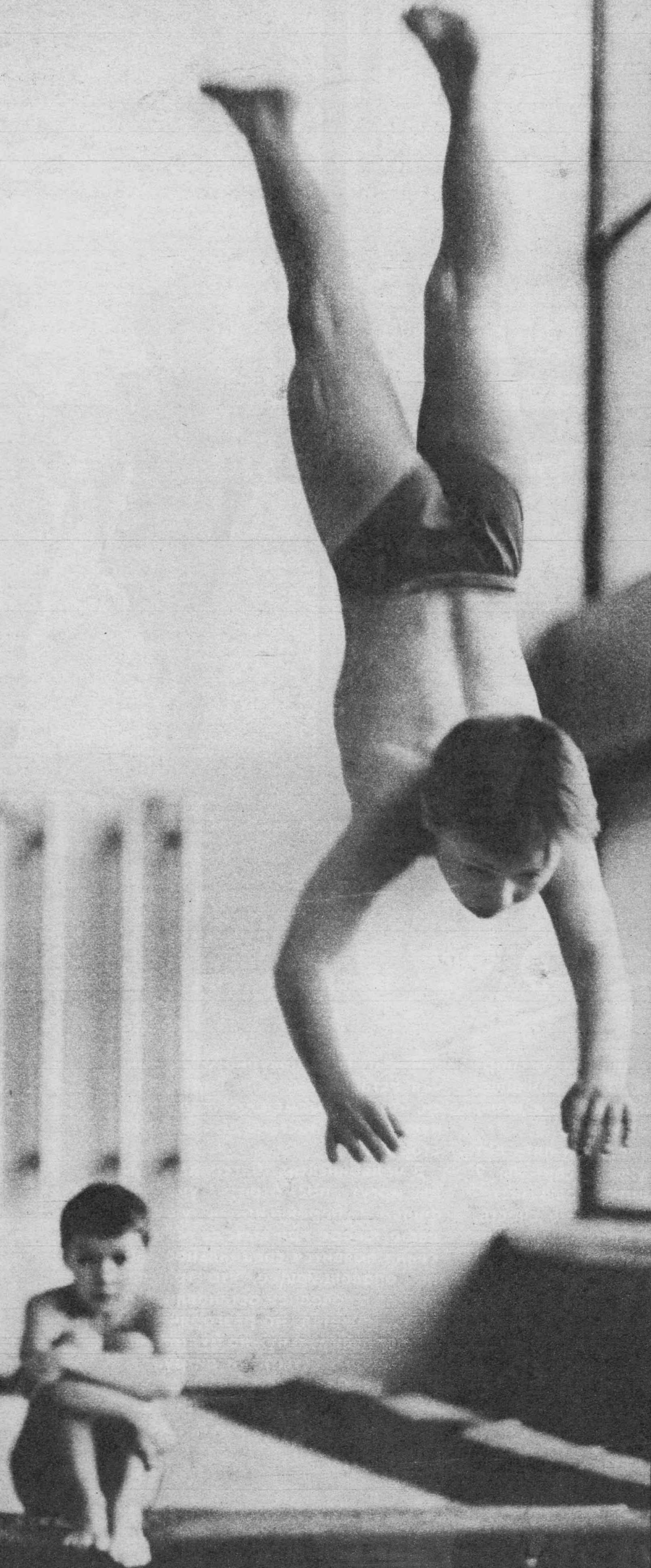
Бассейн наш построен пять лет назад, но в нем уже воспитаны 9 мастеров и 17 кандидатов в мастера, а значкистов ГТО не счесть. Есть и чемпионы Союза и республики. Эти юноши и девушки к следующей Олимпиаде будут уже вполне «обстрелянными» бойцами...

Заботами Дмитрия Александровича Каменева в бассейне появилось все необходимое, начиная от шкафов в раздевалках, которые открываются автоматиче-

ски, с пульта дежурного и кончая установками для видеозаписи, чтоб спортсмен имел постоянную возможность видеть себя со стороны.

В челябинском бассейне пловцы могут посмотреть учебный фильм, перекусить в уютном кафе. Скоро при выходе из бассейна появится специальное табло, оповещающее, что трамвай вышел с соседней остановки. Мелочь, кажется, но разгоряченному человеку не нужно будет лишние минуты стыть на ветру.

Мечта Дмитрия Александровича — построить открытый бассейн, так необходимый для горо-

Бить ногами по воде — это очень весело!

да, не имеющего поблизости природных водоемов. И еще мечтает директор обеспечить школьников-спортсменов бесплатным питанием.

...Огромным сверкающим хрустальным кубом казался бассейн

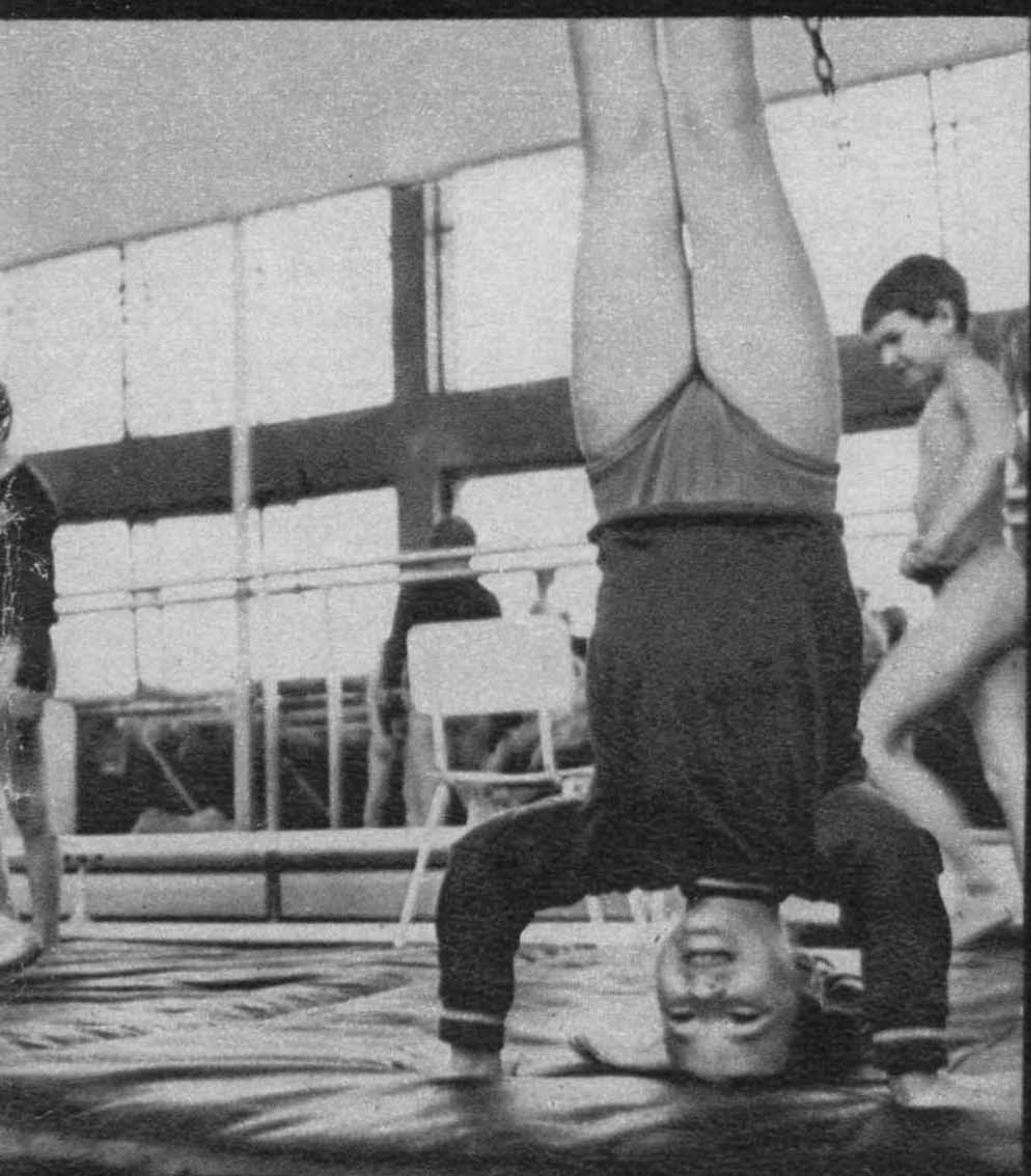

Вверх и вниз, вверх и вниз! Будущие прыгуны с вышки учатся на батуте координировать свои движения.

в подступающей синеве вечера. Где-то в его залах тренировались на батутах прыгуны в воду, готовили свое снаряжение спортсмены из секции подводного плавания, разминались ватерполисты, сдавали нормы на значок ГТО молодые и пожилые. А от трамвайных остановок спешили к бассейну и школьники и пенсионеры — энтузиасты здоровья, поклонники воды!..

Сухая разминка.

135

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

